

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Sochi Journal of Economy

Scientific periodical. First published in 2007
ISSN 2541-8114. 2020, 14(3)

Editorial Staff:

G. M. ROMANOVA
Editor in Chief — Dr. (Economic), Professor,
Rector of Sochi State University (SGU)
A. A. CHERKASOV
Deputy Editor in Chief — Dr. (History), Professor (VolGU)
E. K. VOROBEY
Deputy Editor in Chief — PhD (Economic) (SGU)

M. Yu. AFANAS'EV
Dr. (Economic), Professor (CEMI, RAS)
T. E. GVARLIANI
Dr. (Economic), Professor (SGU)
E. N. KLOCHKO
Dr. (Economic), Professor (KSAU)
M. S. OBORIN
Dr. (Economic), Professor (PRUE)
V. S. OSIPOV
Dr. (Economic), Professor (MGIMO University MFA Russia)
N. A. SAVELEVA
Dr. (Economic), Professor (SGU)
M. Yu. SHERESHEVA
Dr. (Economic), Professor (MSU named after
M.V. Lomonosov)
A. A. RYABTSEV
PhD (Economic) (SGU)
A. M. VETITNEV
Dr. (Economic), Dr. (Medicine), Professor (SGU)

The journal is listed in Russian Index
of Scientific Quotations

Impact factor of Russian Science Citation 2018 – 0,097

Founder:

FSBEI HE "Sochi State University"

Editorial address:

94, Plastunskaya Str., Sochi city, 354000
Tel.: 8(918)201-97-19

Address of the publisher:

94, Plastunskaya Str., Sochi city, 354000

Address printing:

94a, Plastunskaya Str., Sochi city, 354000

E-mail: vestniksgu@inbox.ru

Website: www.vestnik.sutr.ru

Proofreader, Editor-translator

V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by

N. A. SHEVCHENKO

Editorial Board:

F. J. DEMICCO (USA)
Professor, ARAMARK Chair in the Department of
Hospitality and Sport Business Management at the
University of Delaware USA
F. DIMANCHE (Canada)
Director, Ted Rogers School of Hospitality and Tourism
Management, Ryerson University
V.S. MKRTTCHIAN (Australia)
Doctor of Technical Sciences, CEO, HHH University
A. T. BYKOV (Russian Federation)
Doctor of Medicine, Professor, Corresponding
Member of Russian Academy of Sciences
G. A. KARPOVA (Russian Federation)
Doctor of Economy, Professor, Vice-President of National
Academy of Tourism
V. I. GASUMYANOV (Russian Federation)
Doctor of Economy, Vice President, Director of the
Directorate of Corporate Security – Head of Safety Unit of
PJSC «GMK Norilsk Nickel» (Chairman of Editorial
Board)
E. BRUNAT (France)
Doctor of Economic Sciences, Institut d'Administration
des Entreprises, L'Université Savoie Mont Blanc
G. R. COLLINS (USA)
Professor, Executive Director, Northern Arizona
University's School of Hotel and Restaurant Management
L. ANDRADES CALDITO (Spain)
Department of Business Management and Sociology,
University of Extremadura
G. MASTERMAN (UK)
Head of the Department of Sport, Sheffield Hallam
University
E. L. PISAREVSKY (Russian Federation)
Doctor of Law, Deputy Chairman of the Russian Social
Insurance Fund

The journal is registered in Federal Service in the field of
Communications, Information Technology and
Communications.

Magazine Certificate of Registration

ПИ №ФС77-62398 July 14, 2015.

Information product mark: 16

The journal is included in the List of State Commission for
Academic Degrees and Titles of the
Russian Federation editions.

Free price

Release date 25.09.2020.

Format 29,7 × 42/2. Offset paper.
Screen printing. Georgia typeface.

Ysl. Izd. l. 21,04. Ysl. pech. l. 16,2.
Circulation 500 copies. Order 82

Issued from 2007

Publication frequency — once in 3 months

Министерство науки и высшего образования РФ

Sochi Journal of Economy

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. Издается с 2007 г.
ISSN 2541-8114. 2020, 14(3)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. М. РОМАНОВА
главный редактор — д-р экон. наук, профессор, ректор
Сочинского государственного университета
А. А. ЧЕРКАСОВ
зам. главного редактора — д-р ист. наук,
профессор ВолГУ
Е. К. ВОРОБЕЙ
зам. главного редактора — канд. экон. наук, доцент
СГУ

М. Ю. АФАНАСЬЕВ
д-р экон. наук, профессор ЦЭМИ РАН
А. М. ВЕТИТНЕВ
д-р экон. наук, д-р мед. наук, профессор СГУ
Т. Е. ГВАРЛИАНИ
д-р экон. наук, профессор СГУ
Е. Н. КЛОЧКО
д-р экон. наук, профессор КубГАУ
имени И.Т. Трубилина
М. С. ОБОРИН
д-р экон. наук, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова
В. С. ОСИПОВ
д-р экон. наук, профессор МГИМО МИД России
А. А. РЯБЦЕВ
канд. экон. наук, доцент СГУ
Н. А. САВЕЛЬЕВА
д-р экон. наук, профессор СГУ
М. Ю. ШЕРЕШЕВА
д-р экон. наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова

Журнал включен в базу
Российского индекса научного цитирования.
Импакт-фактор РИНЦ 2018 – 0,097

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

Адрес редакции:

354003, г. Сочи, ул. Пластунская, 94
Тел.: 8(918)201-97-19

Адрес издателя:

354003, г. Сочи, ул. Пластунская, 94

Адрес типографии:

354003, г. Сочи, ул. Пластунская, 94а
E-mail: vestniksgu@inbox.ru
Сайт журнала: www.vestnik.sutr.ru

Корректор, редактор-переводчик
В. С. МОЛЧАНОВА
Технический редактор, электронная поддержка
Н. А. ШЕВЧЕНКО

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ф. Ж. ДЕМИККО (США)
профессор, заведующий кафедрой гостиничного и
спортивного бизнеса университета Делавэра
Ф. ДИМАНШ (Канада)
Директор школы гостеприимства и менеджмента в
туризме Тед Роджерс, Университет Раерсон
В. С. МКРТЧЯН (Австралия)
д-р техн. наук, ректор Университета управления,
информационной науки и технологий
А. Т. БЫКОВ (Российская Федерация)
д-р мед. наук, профессор, член-корр. РАМН
Г. А. КАРПОВА (Российская Федерация)
д-р экон. наук, профессор, вице-президент
Национальной академии туризма
В. И. ГАСУМЯНОВ (Российская Федерация)
д-р экон. наук, вице-президент, директор дирекции
корпоративной безопасности – руководитель блока
безопасности ПАО «ГМК «Норильский никель»
(председатель редсовета)
Э. БРЮНА (Франция)
д-р экон. наук, профессор, Университет Савау Мон
Блан
Г. Р. КОЛЛИНС (США)
профессор, исполнительный директор Школы
гостиничного и ресторанного менеджмента
Университета Северной Аризоны
Л. АНДРАДЕС КАЛДИТО (Испания)
профессор кафедры менеджмента и социологии,
Университет Экстремадуры
Г. МАСТЕРМАН (Великобритания)
руководитель департамента спорта, Университет
Шеффилд Холлам
Е. Л. ПИСАРЕВСКИЙ (Российская Федерация)
д-р юрид. наук, заместитель председателя Фонда
социального страхования РФ

Журнал зарегистрирован в федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство
о регистрации средства массовой информации

ПИ №ФС77-62398

от 14 июля 2015 г.

Знак информационной продукции: 16+

Цена свободная

Дата выхода 25.09.2020.

Формат 29,7 × 42/2. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Гарнитура Georgia.

Уч.-изд. л. 21,04. Усл. печ. л. 16,2.

Тираж 500. Заказ № 82

Выходит с 2007 г.
Периодичность — 1 раз в 3 месяца

Contents

Articles

Portfolio Investment and Growth Rate of GDP in Nigeria O. Aghedo Lawrence, A. Tizhe	234
Improving Hotel Management during a Pandemic L.B. Avidzba	247
Assessment of the Activities of Tax Authorities in Bankruptcy Procedures of Organizations A.Yu. Baranova, A.A. Markaryan	254
Financial Integration and the Growing ECOWAS Nations: Could there be Role for Institutional Quality Variable? S.E. Effiong, A. Tizhe	263
Problems and Improvement of Business Process Management at Hospitality Enterprises T.E. Gvarliani, E.S. Adamova	282
Digital Platforms as a Mechanism for Market Interaction between Sellers and Buyers of Goods and Services M.S. Oborin	292
A Methodological Approach to the Organization of the Payment Process V.N. Rashchupkina, E.N. Obedkova	302
Drivers of the Development of Modern Tourist Spaces V.N. Sharafutdinov, E.V. Onishchenko, A.R. Simonyan	311
Improving the Methodology for Evaluating the Effectiveness of Special Economic Zones of Tourist and Recreational Type E.S. Tsepilova	323
Commercialization of Space Activities: Key Modern Trends E.A. Zhabin, I.Yu. Orgahovskaya	334

Copyright © 2020 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2020, 14(3): 234-246

www.vestnik.sutr.ru

Articles

UDC 33

Portfolio Investment and Growth Rate of GDP in Nigeria

Okojie Aghedo Lawrence ^{a,*}, Anna Tizhe ^b

^a Budget & Planning, Edo State Government, Nigeria

^b Department of Economics, University of Benin, Nigeria

Abstract

The study empirically examines the place of foreign portfolio investment in macroeconomic performance of Nigerian economy over period of 1986 to 2017. The methods of estimation implemented in the study include; VAR estimation techniques which included the impulse response functions and the forecast error variance decomposition; and VECM for determination of co-integrating relationship. Concisely, we found insignificant effect of FPI in stimulating macroeconomic growth performance in Nigeria. The core of our analysis is that foreign portfolio investment is not a strong forecaster of itself. The study so upholds that foreign portfolio had exerted somewhat insignificant positive effect on Nigeria's macroeconomy. This could be pointing towards to lack of buoyancy in Nigerian financial markets. Thus, strategies to be adopted towards foreign portfolio investment in Nigeria should comprise a combination of investment incentives designed to promote foreign portfolio investment inflow as well as regulatory measures aimed at maximizing the country's net benefits from the investment inflow. Favourable policies as regards foreign portfolio investment inflows should be implemented by the Nigerian government to attract foreign portfolio into the Nigeria.

Keywords: foreign portfolio investment, macroeconomic performance, Nigeria.

1. Introduction

Foreign portfolio investment (FPI) is a transaction in which securities are held purely as a financial investment, which can be liquidated depending on the investment horizon of the holder (Ogujiuba, Obiechina, 2012). It involves the inflow of foreign capital into an economy in order to take advantage of the domestic financial market. This often happens when a misalignment of interest rates allows a return higher than what is commensurate with the level of risks to be undertaken possible. Portfolio investment could be in the money or capital market. More often, such investment is made in the domestic capital markets to take advantage of a bullish trend. This has been on the increase of recent due to the internationalisation of the capital market, but is seen as the major cause of hot flows that in itself causes capital flight and is currently been blamed for the downturn of the Nigerian Stock Exchange.

The recent market bubbles aided the inflow of portfolio funds, which many overseas hedge funds took advantage of to make quick returns. From the study of Beaker, Harvey & Lundblad (2005), capital inflows benefited equity markets with above average financial development, than

* Corresponding author

E-mail addresses: kingjojo2011@yahoo.com (O. Aghedo Lawrence), anna24tizhe@yahoo.com (A. Tizhe)

legal systems and better quality institutions, which mostly are still fledgling and nascent in most of the emerging markets of Africa. According to Masoud & Abu (2014), financial market stability and condition influence investors' foreign capital flows to developing countries. Uncertainty that characterizes Nigerian business environment is an unpalatable conditions may have discouraged foreign investors from investing in the capital and money market (Kohli, 2003; Okonjo-Iweala, 2013).

Macroeconomic performance remained positive in second half of 2017, averaging about 1.0 % for 2017; driven by the continued recovery of oil production, sustained growth in agriculture and the positive impact on investment and other private sector activities from the improved availability of foreign exchange to support imports. In recent time, Nigeria's economic growth is declining due to the COVID-19 pandemic. The motivation and rationale for this study could be detailed to the extent that Nigeria is suffering from shortage of investible capital required for economic growth. But, the country has enormous economic growth potentiality in light of human and non-human capital resources which are the preconditions for economic growth. Unfortunately, the favourable economic growth in Nigeria has not been accomplished over the past years due to some extent poor capital supply.

Moreover, empirical evidence regarding the favourable contribution of capital inflows on economic growth has been mixed. There is the widely held view that FDI has been directed at developed countries (Bhavan, 2003). On basis of foregoing, appreciating the effect of foreign portfolio investment on Nigerian economy is a key policy concern because it could further drive the country's level of economic development. Further, it is pertinent to mention that enormous research efforts have queried and hitherto continue to inquire about what constitutes the key determinants of foreign capital flows, mostly from the advanced industrialised economies to emerging and developing countries' counterpart.

In our next section, we have literature review followed by a description of theoretical framework, research methodology and the data sources. Empirical results and stylized facts about the trend of foreign portfolio flows into Nigeria are reported and analysed in section four, while section five is devoted to summary, and concluding comments.

2. Discussion

Generally, foreign capital inflows depends on a variety of features of the host economy which include among others; its market size, level of education, institutional environment, tax laws, and overall macroeconomic and political environment (Alfaroa et al., 2004; Aurangzeb, UI Haq, 2012). All these internal factors are mainly as a result of the domestic policies. Among the policies are:

a. Price stabilization: This should be accompanied by improved fiscal policy fundamentals and greater macroeconomic stability. However, price stabilization may lead to increase in consumption which will increase the rate of importation and international indebtedness in the short run.

b. Institutional reforms: The reforms of the institutions such as the liberalization of the domestic capital market will attract capital inflow. This is because they can compete favourably with the firms in the developing countries (Khaddaraoui, 2012).

c. Investment policies: Policies that are towards the increase the rate of return on domestic investment projects, such as tax credits, tax reliefs, reduction/elimination of tariff and debt-equity swaps. Tariff cuts in the face of downward price rigidity, which induce (temporarily) excessively high prices of domestic goods and, hence, a current account deficit on the expectations that the relative price of importable with respect to domestic goods will increase over time (Kohli, 2003; Bakare, 2011).

The external factors among others include: fall in international interest rates and lack of world recession: this will increase profit opportunities in the financial centres as compared to the presence of recession. These factors can however have an important "cyclical" or reversible component (Chakraborty, 2001; Anyanwu, 2007; Alfaro et al., 2014).

Jarita et al (2009) survey the relationship between foreign portfolio investment and economic performance in Malaysia using Granger causality test non causality test to establish the course of causality between foreign portfolio investment and economic performance. Tokunbo et al (2010) analysed the direction and significance of the effect of FPI on economic growth in Nigeria for sample period of 1990–2005. The study revealed that FPI impacted positively and significantly on economic growth in Nigeria.

The results of Ogujiuba et al. (2012) show that the response of the GDP to shocks from FPI is not instantaneous. Basu & Krishna (2002) reported that international portfolio financial flows has failed to

promote economic growth due to high incidence of uncontrolled capital outflows. Durham (2003) observes that foreign portfolio capital investment has no effect on economic growth in Indian. According to Ghose (2004), positive contribution of foreign capital to economic growth in developing countries is via positive productivity spill overs to domestic enterprises. Alfaro et al. (2004) found that although foreign capital investment alone plays an ambiguous role in contributing to economic growth, countries with a well-developed financial markets gain significantly from such investment. The study by Yasmin (2005) reported significant economic growth effect of portfolio investment in Pakistan.

Ekeocha et al. (2012) argue that portfolio investment is significantly germane in the investment environment of Nigeria considering the saving-investment gap. Also, in India, Narayan (2013) shows existence of long-run equilibrium relationships exist between FPI and GDP growth and points out that foreign capital negatively and considerably impacts on economic growth in petroleum-exporting countries. Findings of Nwosa & Amassoma (2014) suggest that foreign portfolio investment could help to reduce pressure on exchange rate. Kulshrestha (2014) indicate that foreign portfolio capital flows are invariably short term and speculative and are often not related to economic fundamentals but rather to whims and fads prevalent in international financial markets. Alfaro & Chanda (2003) argue that potentials of foreign capital investment could be severely impeded if there is absence of well-developed financial markets, which is widely the case in African countries.

Lebragacio (2010) finds that FPI stoutly contributes positively to GDP growth. Findings of Nwosa & Amassoma (2014) suggest that foreign portfolio investment could help to reduce pressure on exchange rate. Kulshrestha (2014) indicate that foreign portfolio capital flows are invariably short term and speculative and are often not related to economic fundamentals but rather to whims and fads prevalent in international financial markets. According to Kandil & Trebelsi (2015), portfolio financial flows had significant effects on the macroeconomic performance in Turkey from 2001 to 2009. This was however attributed to the sterilization policy that controlled inflationary tendencies in the domestic economy. The investigation of Elekwa et al. (2016) also revealed that portfolio investment impacts positively and significantly on employment growth in Nigeria.

Nwinee & Olulu-Briggs (2016) explored on macroeconomic dynamics and capital inflows in Nigeria. Empirical findings revealed the existence of long-run relationship among the variables of the study while the Granger causality test showed uni-directional causality flowing from interest rate to foreign portfolio investment and a bi-directional causality between interest rate and inflation. Foreign exchange rate was found to negatively affect capital inflows. The investigation of Elekwa et al. (2016) also revealed that portfolio investment impacts positively and significantly on employment growth in Nigeria.

The empirical findings regarding effect of FPI on economic growth is yet to arrive at consensus. Some studies, namely; Reisen & Soto (2001); Cooper & Hardt (2000), Yang (2003); Yasmin (2005); Li, & Liu (2005); Shahbaz, Muhammad & Rahman, (2010); Fosu & Magnus (2006); Batten & Vo (2009); Nwosa & Amassoma (2014); Kargi (2014); and Nwinee & Olulu-Briggs (2016) substantiate its positive impact on the economic performance. Others such as Okon, (2012), Mencinger (2003); Carkovic & Levine (2005); Johnson (2006); Türkcan, Duman, & Yetkiner (2008); Herzer (2012); Kolawole (2013), Clemens, Kenny, Moss, (2004) ascertained its negative effects articulating worries about its volatility and the economy's vulnerability to its inflows and outflows. The contradiction between the empirical findings of previous studies has created a lot of problems in the establishment of direction of the relation between international capital flows and economic growth. This is another gap the study attempt to situate empirically.

Theory and Framework

In line with endogenous growth AK model Rebelo (1991) and following Bailliu (2000), foreign residents invest in the domestic economy and foreign donors grant financial aids to the recipient economy to augment deficiency in domestic savings so that if capital flows in, on net, then a larger pool of savings is available for investment than in absence of capital flows (CF) such that capital market equilibrium and long-run economic growth rate becomes respectively:

$$\phi^*(S + CF) = I^* \quad (1)$$

$$gdp^* = A^* \frac{1}{Y} - \delta = A^* \phi^* \left(\frac{S + CF}{yY} \right) - \delta \quad (2)$$

Equation (1) describes the numerous avenues that capital inflow can influence the long run growth in a small but open economy such that $(\phi^* > \phi)$ and $(A^* > A)$ if fresh portfolio flows stimulates investment (Bailliu, 2000). Translating this theory into empirical specification, we have the general model specification for the macroeconomic impact of capital inflow on the Nigeria economy as:

$$\Delta(gdp) = \alpha_0 + \beta_{1i}\Delta(dsv) + \alpha_{2i}\Delta(fpi) + u_t \quad (3)$$

Where, GDP is economic growth as measured by Nigeria’s GDP, H is potential growth conditioning variable which is aggregate domestic saving (dsv), FPI is foreign portfolio investment. To capture the dynamics that drives the relationship between foreign portfolio investment inflows with macroeconomic performance, a vector auto regression (VAR) model representation of equation (3.12) is thus specified:

$$Z_t = A_0 + A_1 Z_{t-1} + \dots + A_k Z_{t-k} + u_t \quad (4)$$

Where Z_t is a k vector of exogenous variables which for the purpose of the present study include Nigeria’s gdp, dsv and fpi since our VAR model is a generalized univariate AR model which allows for more than one evolving variable. In effect, for purpose of this study, we specify a VAR (3), that is, a VAR model in three variables.

$$\begin{bmatrix} Z_{1,t} \\ Z_{2,t} \\ Z_{3,t} \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} A_{10} \\ A_{20} \\ A_{30} \end{bmatrix} + \sum_{i=1}^k \begin{bmatrix} A_{1,i} & A_{1,2} & A_{1,3} & A_{1,4} & A_{1,5} & A_{1,6} \\ A_{2,1} & A_{2,2} & A_{2,3} & A_{2,4} & A_{2,5} & A_{2,6} \\ A_{3,1} & A_{3,2} & A_{3,3} & A_{3,4} & A_{3,5} & A_{3,6} \end{bmatrix} \begin{bmatrix} Z_{t,t-1} \\ Z_{t,t-1} \\ Z_{t,t-1} \end{bmatrix} + \begin{bmatrix} u_{1,t} \\ u_{2,t} \\ u_{3,t} \end{bmatrix} \quad (5)$$

Where A_{10} , A_{20} , and A_{30} are constant term, A_{11} , A_{12} , A_{13} , A_{14} , ... A_{36} are coefficients of variables taking into consideration lag length. Given that our VAR equations provides short-run estimates, long-run relationship is estimated with VECM. The VECM methodology recognizes numerous co-integrating relations such that we treat all variables as endogenous and tests relating to the long-run parameters are conducted. Accordingly, our VECM add error correction term to our VAR model while simultaneously taking into cognizance any co-integrating relationships among the variables. Hence, our model specification become:

$$\ln gdp_t = \alpha_1 + \sum_{i=1}^n \beta_i \ln gdp_{t-i} + \sum_{i=1}^n \varpi_i \ln dsv_{t-i} + \sum_{i=1}^n \delta_i \ln fpi_{t-i} + \Theta_1 ecm_{it} \quad (6)$$

$$\ln fpi_t = b + \sum_{i=1}^n \phi_i \ln fpi_{t-i} + \sum_{i=1}^n \lambda_i \ln gdp_{t-i} + \sum_{i=1}^n \omega_i \ln dsv_{t-i} + \Theta_2 ecm_t \quad (7)$$

$$\ln dsv_t = \alpha_3 + \sum_{i=1}^n \varpi_i \ln dsv_{t-i} + \sum_{i=1}^n \theta_i \ln gdp_{t-i} + \sum_{i=1}^n \rho_i \ln fpi_{t-i} + \Theta_3 ecm_{3t} \quad (8)$$

The methods of estimation implemented in this study are the VAR estimation techniques which included the impulse response functions and the forecast error variance decomposition. Also, we estimated the VECM for determination of co-integrating relationship among the components of foreign capital flows. In addition, the study carried out the principal component estimations. The VECM estimation procedure requires three phases and these include, estimating an unrestricted VAR involving potentially non-stationary variables; testing for co-integration using Johansen test; and estimating and analyzing the VECM results.

The essence of specifying VAR equations was to obtain the impulse response functions and forecast error variance decomposition to explain the various shock effect of variables to one another. The impulse responses trace the effects of an innovation or shock to one endogenous variable on all other endogenous variables in the VAR. In this study, the impulse response functions were estimated to explain the innumerable shock effect of variables to one another thereby analysing the effect of one standard deviation shock to one of the variables on the current and future values of all the endogenous variables. This is because an innovation to any variable does not only affect the variable itself but is transmitted to other endogenous variables through the dynamic structure of the VAR. Unit Root test was carried out on the log of the variables using Kwiatkowski-Philips-Schmidt-Shin (KPSS) test.

Trend and Empirical Analysis

Trends of Foreign Portfolio Investment (FPI) in Nigeria

Figure 1 reports the trends of FPI in Nigeria from 1986 through to 2017, our sample period of analysis. The figure shows that not until 2012, the flow of foreign portfolio investment to Nigeria has been progressively declining. According to NBS (2017), capital inflow rose from US \$ 5.516 billion in 2016 to US \$ 7.329 billion in 2017, portfolio investment in Nigeria pushed the country's total capital importation to US \$ 12.228 billion in 2017, representing 60 % increase of capital imported, an increase of US \$ 7.104 billion or 138.7 % from the figure recorded in 2016. The total capital imported in the fourth quarter of 2017 was US \$ 5.382 billion. This was an annual growth of 247.5 % and quarterly growth of 29.9 %.

FPI

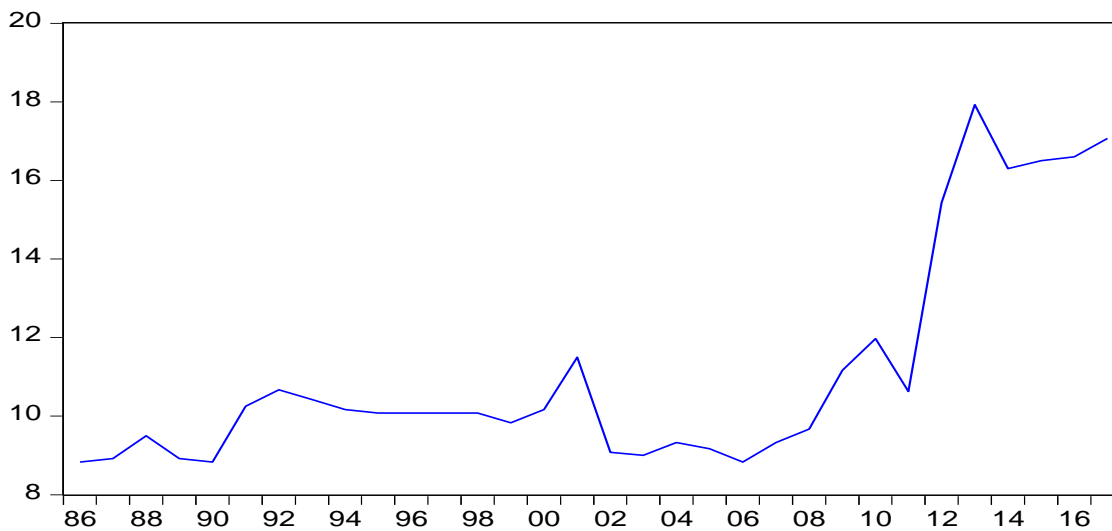

Fig. 1. Trends of Foreign Portfolio Investment (FPI) in Nigeria (1986–2016)

Source: Author's plot using World Development Data

Portfolio investment which recorded US \$ 3.477.5 million in fourth quarter of 2017, stayed leading component of capital inflow to Nigeria and contributed 64.6 % of total amount (US \$ 5.382 billion). It increased significantly to 1,123.5 % or US \$ 3.193 billion from US \$ 284.2 million to US \$ 3.477 billion, expanding faster than two other components of capital importation in Q4 2016 which stood at US\$284.2 million (CBN, 2017). Portfolio investment was the main driver of capital importation in fourth quarter of 2017. The increase in portfolio investment was driven by a strong growth in money market instruments, which recorded US\$2.178 billion.

Equity, which had been main driver of portfolio investments in previous quarters, dropped by US \$ 942.9 million from US \$ 1.932 billion in Q3 2017 to US \$ 989.2 million in Q4 2017. Also, bonds recorded an increase of US \$ 194.1 million, from US \$ 115.4 million in Q3 to US\$309.5 million in Q4 of the same year. Other investment accounted for US \$ 1.526 or 28.4 % of total capital flows to Nigeria in the fourth quarter of 2017. The US \$ 1.526 billion recorded by Other investment was mainly in the form of loans, which was US \$ 1.091 billion in fourth quarter, followed by other Claims which recorded US \$ 425.7 million, and then trade credits which reported US \$ 10 million, having posted no inflows since Q4 2016 (CBN, 2018). This class of capital importation grew 65.96 % annually and by 21.2 % when compared to previous quarter.

In fourth quarter of 2017, capital inflow stood at US \$ 5.32 billion and investments in portfolio assets were highest by 59 % while investments into real economy were mere 8 %. Nigeria saw bulk of its foreign inflow from the United States, United Kingdom, and Belgium. The total capital imported in fourth quarter of 2017 was US \$ 5,382.9 million; this was an annual growth of 247.5 %, and quarterly growth of 29.9 %. As at the end of 2017, Nigeria recorded a significant US \$ 12.2 billion total capital inflow which represents an increase of US \$ 7,104.4 million or 138.7 % compared to 2016 inflows.

The growth in capital inflow in 2017 was mainly driven by an increase in portfolio investment, which rose by US \$ 5,516.2 million from the previous year to reach US \$ 7,329.1 million in 2017 and accounting for 60 % of capital imported (NBS, 2017). During the reference quarter total capital imported when compared to previous quarter increased by US \$ 1,237.8

million. Turbulence in international oil market pushes investment in Nigeria's petroleum further away, as year on year capital inflow dips by 85.7 %. Foreign capital investment inflow into the oil sector dropped further by US \$ 178.42 million, about N35.684 billion in one year, from December 2014 to December 2015. The banking sector which attracted the major value of capital inflows in the third quarter of 2016 recorded a decline of US \$ 394.22 million, or 70.96 %, in fourth quarter of 2016 (NBS, 2016). Capital inflows from the United Kingdom was the highest and this amounted to US \$ 482.89 million, or 31.18 % of the total.

3. Results

The implication of our results of KPSS trend-stationary processes is that the mean of economic growth as measured by GDP, foreign direct investment, remittances, official development assistance, domestic savings and foreign portfolio investment can be growing or decreasing over time; nevertheless, when there is an impulse or a one standard error shock to economic growth as measured by GDP, foreign direct investment, remittances, official development assistance, domestic savings and foreign portfolio investment, trend-stationary processes are mean-reverting, that is, transitory.

By extension therefore, economic growth as measured by GDP, foreign direct investment, remittances, official development assistance, domestic savings and foreign portfolio investment will all converge again towards the growing mean, which was not affected by the shock while unit-root processes, for the stationary variables, there has to be a permanent impact on the mean (i.e. no convergence over time). This is the rationale that drives our preference for the Kwiatkowski-Phillips-Schmidt-Shin (KPSS) test results. In effect, variables in this study are 1(1) meaning that the variables became stationary after first difference.

Table 1. Kwiatkowski-Phillips-Schmidt-Shin Test Results

Variables	KPSS Test	Critical Values	Remark
DlnGDP	0.120615**	0.146000	Pass
DlnFDI	0.089517**	0.146000	Pass
DlnRMT	0.163024*	0.216000	Pass
DlnODA	0.111872**	0.146000	Pass
DlnDSV	0.200000*	0.216000	Pass
DlnFPI	0.085530**	0.146000	Pass

Source: Author's estimation using Eviews 9 Results

Notes: * (**) Significant at 1 % (5 %) respectively; the unit root test includes an intercept and a linear trend

The JML approach was employed in the co-integration tests to examine whether the variables under study are co-integrated. This suggests that the variables are co integrated and all drive the interactions towards a stable long-run convergence. Tables 6, 7 below present the results of the co-integration test. Co-integration test was conducted using reduced rank procedure developed by Johansen (1988) and Johansen & Juselius (1990). Table10, shows the co integrating results beginning with the alternative hypothesis that there are no co integrating vectors ($r = 0$) the result showed that there exist (3) co integrating relation as the trace statistic (s) at 151.8609, 94.97766, and 54.48845 are larger than their respective critical values at 95.75366, 69.81889, and 47.85613.

The maximum statistic(s) reported two co-integrating vectors at 56.88328, and 40.48921 which exceeds 40.07757 and 33.87687 respectively. Accordingly, reject the null hypothesis of no co-integration between the economic growth and foreign direct investment, remittances, official development assistance, domestic savings and foreign portfolio investment at 5 % level of significance in favour of the alternative hypothesis. This suggests that the variables are co integrated and all drive the interactions towards a stable long-run convergence.

Table 2. Co-integration Results

Johansen Unrestricted Rank (Trace Value Test) Results			
Hypothesis	Statistical value	5 % Critical value	Eigenvalue
r = 0	151.8609**	95.75366	0.849848
r = 1	94.97766**	69.81889	0.740666
r = 2	54.48845**	47.85613	0.595531
r = 3	27.33305	29.79707	0.354647
r = 4	14.19433	15.49471	0.307552
r = 5	3.168669	3.841466	0.100236
Johansen Unrestricted Rank (Max-Eigen Test) Results			
Hypothesis	Statistical value	5 % Critical value	Eigenvalue
r = 0	56.88328**	40.07757	0.849848
r = 1	40.48921**	33.87687	0.740666
r = 2	27.15541	27.58434	0.595531
r = 3	13.13872	21.13162	0.354647
r = 4	11.02566	14.26460	0.307552
r = 5	3.168669	3.841466	0.100236

Source: Author's estimation using Eviews 9 Results

Notes: **Significant at 5 % the test includes an intercept and a linear trend

Lag Selection Results

As shown in Table 3, lag order chosen by LR, FPE, SC and HQ is 1. So, we reported VAR estimates with one-period lag. The optimal lag as chosen by the information criteria suffixes because including more lags than necessary would have resulted in over fitting our model which could have led us to higher mean-square forecast error of our VAR model (see Lütkepohl, 1993). The use of autoregressive lag of each variables in our VAR estimation facilitated neutralization of bias that would have resulted from failure to control for auto-regression/auto-correlated errors.

Table 3. VAR Lag Order Selection

Lag	LogL	LR	FPE	AIC	SC	HQ
0	-1089.23	NA	2.57e+25	75.53376	75.81665	75.62236
1	-942.949	221.9571*	1.35e+22*	67.92756	69.90778*	68.54774*
2	-878.784	70.8034	2.76e+2	65.98510*	69.6626	67.13687
3	-827.433	35.41391	2.99e+21	64.9265*	70.30136	66.6098*

Source: Author's estimation using Eview 9 Results

Table 4 shows percentage of forecast error variance due to each shock in the VAR model over ten-year horizon. In short term, own shock appears to account largely for macroeconomic growth performance over entire period of analysis explaining 100 percent in first period, 98.323 % in tenth period. The insignificant contribution of FPI flows towards decomposition of forecast error variance of macroeconomic growth performance is extremely pronounced. Overall, foreign portfolio flows are insignificant determinant of macroeconomic growth process in Nigeria.

Table 4. Forecast Variance Decomposition of Macroeconomic Growth Performance

Periods	S.E.	D(lngdp)	D(lndsv)	D(lnfpi)
1	169.524	100.00	0.0000	0.0000
2	179.927	98.899	0.1593	0.0060
3	183.176	98.436	0.1668	0.0060
4	183.875	98.352	0.1669	0.0110
5	184.042	98.330	0.1670	0.0122
6	184.081	98.324	0.1670	0.0124

7	184.091	98.323	0.1670	0.0125
8	184.093	98.323	0.1670	0.0125
9	184.094	98.323	0.1670	0.0125
10	184.094	98.323	0.1670	0.0125

Source: Author's estimation using Eviews 9 Results

Table 5 shows that 67.5 % of variance in forecast error of domestic savings seems to be explained by itself in first year while in tenth year of forecasting 66.99 % of variance is explained by its own error variance. Domestic savings does dominate its own innovations.

Table 5. Forecast Variance Decomposition of Domestic Savings

Periods	S.E.	D(lngdp)	D(lndsv)	D(lnfpi)
1	429.48	5.8148	67.476	0.0000
2	432.04	5.8903	67.267	0.1515
3	432.91	5.8805	67.002	0.3844
4	432.95	5.8918	66.990	0.3881
5	432.96	5.8922	66.989	0.3883
6	432.96	5.8925	66.989	0.3883
7	432.96	5.8926	66.989	0.3883
8	432.96	5.8926	66.989	0.3883
9	432.96	5.8926	66.989	0.3883
10	432.96	5.8926	66.989	0.3883

Source: Author's estimation using Eviews 9 Results

Table 6 shows that foreign portfolio investment does not dominate its own innovations since variance of its forecast declined from 84.9 % in short-run of analysis to 51.4 % in long-run period. In other words, moving into future, forecast error variance of foreign portfolio investment itself drops significantly denoting that foreign portfolio investment is not a strong forecaster of itself. The variance in forecast error of GDP growth, and domestic savings jointly explained about 60.9765 % while variance in forecast error of foreign portfolio investment only contributed about 55.126 % towards forecasting in fifth year of analysis. This implies that orthogonal shocks to other variables in system do significantly increase variance of forecast error in foreign portfolio investment.

Table 6. Forecast Variance Decomposition of Portfolio Investment

Periods	S.E.	D(lngdp)	D(lndsv)	D(lnfpi)
1	1.1805	30.6736	10.2373	84.9113
2	1.3095	41.3303	25.2007	71.2503
3	1.5163	54.5671	34.4117	60.3213
4	1.6027	35.391	35.7125	56.0626
5	1.6165	35.213	25.7635	55.1260
6	1.6546	24.523	25.5309	53.3660
7	1.6707	24.296	25.4303	52.3705
8	1.6792	24.650	25.4996	51.8823
9	1.6887	24.931	25.4385	51.8414
10	1.6973	24.977	25.4379	51.3543

Source: Author's estimation using Eviews 9 Results

Table 7. Response of Macroeconomic Performance

Periods	S.E.	D(lngdp)	D(lndsv)	D(lnfpi)
1	107.3414	0.0000	0.0000	0.0000
2	81.3097	52.5014	48.765	-31.788
3	77.4440	61.3651	56.259	-9.6045
4	61.2776	58.0243	57.926	-24.930

5	30.7729	85.6081	64.622	-4.2160
6	55.0658	95.0625	48.565	11.1558
7	64.0925	80.3986	39.619	0.99380
8	68.1035	87.7625	29.947	10.8769
9	73.1684	90.9514	26.736	7.48657
10	62.5543	96.6217	32.894	7.19879

Source: Author's estimation using Eviews 9 Results

Table 8. Response of Nigeria's Domestic Savings

Periods	S.E.	D(lngdp)	D(lndsv)	D(lnfpi)
1	-17.3826	85.9780	206.4501	0.0000
2	144.0792	7.9599	85.4717	125.898
3	61.7039	33.0283	57.8102	344.013
4	105.2434	49.9641	64.3669	171.105
5	-144.633	21.5566	28.7797	69.5071
6	-8.0363	120.3739	77.5455	81.7171
7	18.5377	32.6658	35.8884	88.0159
8	-0.6555	5.5431	19.9629	39.6753
9	50.3371	6.4958	10.6030	-7.70165
10	-6.1993	4.7061	18.5265	15.1846

Source: Author's estimation using Eviews 9 Results

Table 8 shows response of domestic savings to one standard error impulse in domestic savings, to one standard error impulse in GDP and portfolio investment. These impulses cause huge positive response in savings. Only at the end of the third, sixth and eight periods were negative response in domestic saving recorded.

Table 9 shows impulse response of foreign portfolio investment to a unit of standard error impulse in domestic savings, to a unit of standard error impulse in GDP growth rate, and to a unit of standard error impulse in foreign portfolio investment. The results seem consistent with others previously analysed since foreign portfolio investment responded positively and negatively to shocks in other variables at the end of different years of analysis.

Table 9. Response of Foreign Portfolio Investment Flows to Nigeria

Periods	S.E.	D(lngdp)	D(lndsv)	D(lnfpi)
1	-0.0968	-0.2844	1.0878	-0.0968
2	-0.1158	0.4100	-0.1961	-0.1158
3	0.5587	0.1787	-0.4062	0.5587
4	0.2457	-0.1954	0.2304	0.2457
5	-0.0470	0.1648	0.0216	-0.0470
6	0.0077	0.2726	0.1432	0.0077
7	-0.0376	0.1703	0.0263	-0.0376
8	0.1185	0.0838	0.0335	0.1185
9	0.1128	0.0521	0.1245	0.1128
10	0.0754	0.1432	-0.0335	0.0754

Source: Author's estimation using Eviews 9 Results

One standard error shock to GDP leads to a 0.0968 units decrease in foreign portfolio investment after one year, which corresponds to 9.68 % drop in portfolio investment when translated into original level. In second case, however, one standard error shock to GDP leads to a 0.1158 units decrease in foreign portfolio investment after two years and this relates to 11.58 percentage points decline in inflow of portfolio investment in Nigeria. Nevertheless, at end of tenth year, one standard error impulse in GDP induces about 7.54 % increase in inflow of portfolio investment to Nigeria.

Analysis of Estimated VECM Results

In Table 10, results of the VECM are reported. Given that the correction term should be in negative number and if positive value means explosive and not reasonable, with cointeq1 estimated coefficient is -0.675 for the GDP equation. It thus indicates that about 68 percent of this disequilibrium in economic growth is corrected annually in Nigeria. This shows that any short run disequilibrium in economic growth of real GDP in Nigeria, adjustment of about 68 % will be restored in the long run. This goes to show that Nigeria's economic growth process corrects its preceding period disequilibrium at a speed of 68 percent annually. The model so acknowledged substantial speed of adjustment year on year for realisation of long run equilibrium economic growth position.

By implication, disequilibrium in portfolio investment that is restored within a year in Nigeria is very weak and at best infinitesimal. Accordingly, speed at which economic growth returns to equilibrium after a change in *fpi* and *dsv* is 68 %. The speed at which foreign portfolio investment flows to Nigeria is restored to equilibrium after a change in *gdp* and *dsv* is 29.5 %. The speed at which domestic savings returns to equilibrium after a change in *fpi* and *gdp* is 51.9 %. The VECM analysis is relatively exclusive since it provides the short run behaviour of the relationships within a simultaneous system and also reports the long run co-integrating relationship based on the error correction term. Thus, in our VECM, causality was expressed by dynamics such that variables adjust to deviations from the equilibrium. Hence, there are variable that bears the main burden of this adjustment while others are zero loading coefficients as they do not adjust. What this VECM analysis means therefore is that short-run dynamics are rather about the inertia of motion.

Given long-run exogeneity, growth elasticity of foreign portfolio investment is -1.899843. It is highly elastic but negative such that 1 % change in foreign portfolio investment will lead to a decline in economic growth by 1.90 %. In other words, a strong negative relationship exists between economic growth and foreign portfolio investment over the period of study. In effect, our VECM estimates articulates elasticity coefficient of foreign portfolio investment is greater than one indicating a more than proportionate decrease in economic growth. The inference is that capital inflows in the form of portfolio investment from abroad and it has contributed less productively to macroeconomic performance in Nigeria. The elasticity coefficient of domestic savings in Nigeria is 0.646029 indicating a less proportionate change in economic growth associated with the change in savings. It passes the significant test at one percent level and so indicates that one percent change in domestic savings will stimulate economic growth by 2.99 %. The F-statistic (11.3937) with zero probability is significant at 1 % level and has a strong explanatory power (R-squared is 0.828345). The ratio of the mean of economic to standard error of estimates is low at 1.778. It shows that the estimation is not affected by the serial correlation.

Table 10. Estimated Results

VECM Short-run Results			
Variable	D(lngdp)	D(lndsv)	D(lnfpi)
Intercept	101.4036 (2.329)	-202.642 (-2.803)	-0.136 (-0.248)
CointEq1	- 0.675* (-2.230)	-0.519* (-4.177)	-0.295 (-0.490)
D(lngdp(-1))	0.7007** (2.222)	2.114* (4.039)	0.001 (0.146)
D(lndsv(-1))	-0.0212 (0.2093)	0.402 (1.729)	0.002 (1.265)
D(lnfpi(-1))	0.7999 (1.4512)	58.690 (1.812)	0.231* (8.941)
R-Squared	0.908	0.935	0.523
Adj. R-Squared	0.828	0.879	0.409
Sum Sq. Resi	138432.6	381777.6	21.94853

S.E. Equation	96.06686	159.5363	1.209643
F-Statistic	11.39370	16.68504	1.265622
Log Likelihood	-163.976	-178.686	-37.1095
Akaike AIC	12.27424	13.28869	3.524799
Schwarz SC	12.93431	13.94877	4.184873
Mean Dependent	170.777	21.23379	0.261034
S.D. Dependent	231.8705	459.131	1.28206
VECM Estimates of long-run dynamics			
Cointegrating Eq	CointEq1		
Intercept	-366.5798		
lngdp(-1)	1.000000		
lndsv(-1)	2.992266* (0.36703) [8.15274]		
lnfpi(-1)	-1.899843** (0.63852) [-2.97539]		
R-squared	0.908042		
Adj. R-squared	0.828345		
F-statistic	11.39370		
SC	71.48461		
LL	-884.9986		
Determinant Resid Covariance	1.29E+19		
Akaike Information Criterion	67.24128		
Determinant Resid Covariance	6.76E+20		

Source: Author's estimation using Eviews 9 Results

Notes: *(**)(***) Significant at 1 %, 5 %, 10 % respectively

4. Conclusion

There has been a remarkable flow of foreign portfolio investment in Nigeria which has stimulated an intense debate about its impact on economic growth. While theoretical debate on the issue by proponents tends to project the view that foreign portfolio investment expansion in developing countries exerts a positive influence on the level and growth rate of aggregate economic performance, critics express concern about its volatile nature. The study therefore sets out to examine role of foreign portfolio investment in macroeconomic growth process of Nigeria economy using VAR/VECM techniques. The study so upholds that foreign portfolio had exerted somewhat insignificant positive effect on macroeconomic performance in Nigeria due perhaps to lack of buoyancy in the Nigerian financial markets. Favourable policies as regards foreign portfolio investment inflows should be implemented by the Nigerian government to attract foreign portfolio into the Nigeria.

References

- Adegboye, 2014 – Adegboye, A.C., Ogbemor, O.A., Egharuba, M.I. (2014). External capital flows and economic growth in Nigeria. *JORDIN*. 12(2).
- Akani, 2013 – Akani, H.W. (2013). Analysis of the effects of capital flight on economic growth: evidence from Nigerian economy (1980–2011).
- Alfaro et al., 2001 – Alfaro, L., Chanda, A., Kalimli-ozcan, Sayek, S. (2001). FDI and economic growth. The role of local financial market. *Journal of international economic*. 64: 113-134.
- Alfaroa et al., 2004 – Alfaroa, L., Chandab, A., Ozcanc, S.K., Sayekd, S. (2004). FDI and economic growth: the role of local financial markets. *Journal of International Economics*. 64: 89-112.
- Alfaro et al., 2008 – Alfaro, L., Kalemlli-Ozcan, S., Volosovych, V. (2008). Why doesn't capital flow from rich to poor countries? An empirical investigation. *Review of Economics and Statistics*. 90(2): 347-368.

- [Alfaro et al., 2014](#) – Alfaro, L., Kalemli-Ozcan, S., Volosovych, V. (2014). Sovereigns, upstream capital flows and global imbalances. *Journal of the European Economic Association*. 12(5): 1240-1284.
- [Bailey, Millard, 2001](#) – Bailey, A.J., Millard, S. (2001). Capital flows and exchange rates. Bank of England Quarterly Bulletin, Autumn.
- [Bailliu, 2000](#) – Bailliu, J. (2000). Direct capital flows, financial development, and economic growth in developing countries. Bank of Canada Working Paper No. 2000-15.
- [Bakare, 2011](#) – Bakare, A.S. (2011). The macroeconomic impact of foreign aid in sub-Saharan Africa: The case of Nigeria. *Business and Management Review*. 1(5): 24-32.
- [Berument, Dincer, 2004](#) – Berument, H., Dincer, N.N. (2004). Do capital flows improve macroeconomic performance in emerging markets? The Turkish experience. *Emerging Markets Finance and Trade*. 40(4): 20-32.
- [Bodo, Meissner, 2007](#) – Bodo, M.D., Meissner, C.M. (2007). Foreign capital and economic growth in the first era of globalization. NBER Working Paper No. 13577 November.
- [Burke, Ahmadi-Esfahani, 2006](#) – Burke, P.J., Ahmadi-Esfahani, F.Z. (2006). Aid and growth: A study of South-East Asia. *Journal of Asian Economics*. 17: 350-362.
- [Chigbu et al., 2015](#) – Chigbu, E.E., Ubah, C.P., Chigbu, U.S. (2015). Impact of Capital Inflows on Economic Growth of Developing Countries, *International Journal of Management Science and Business Administration*. 1(7): 7-21.
- [Damooei, Tavakoli, 2006](#) – Damooei, J., Tavakoli, A. (2006). The effect of foreign direct investment and imports on economic growth: A comparative analysis of Thailand and the Philippines (1970-1998). *Journal of Developing Areas*. 39(2): 79-100.
- [Dunning, 1980](#) – Dunning, J.F. (1980). Towards and eclectic theory of international production. *Journal of International Studies*. XI: 9-31.
- [Durham, 2003](#) – Durham, J.B. (2003). Foreign portfolio investment, foreign bank lending, and economic growth. International finance discussion Paper Number 757.
- [Ekeocha, 2008](#) – Ekeocha, P.C. (2008). Modelling the long run determinants of Foreign Portfolio Investment in Emerging Market; Evidence from Nigeria, International conference on Applied Economic ICOAE, pp 289-303 ERP (2002.2003.2006): Economic Report of the President. Government printing press USA.
- [Ekeocha et al., 2012](#) – Ekeocha, P.C., Ekeocha, C.S., Malaolu, V., Oduh, O.M. (2012). Modelling the long run determinants of foreign portfolio investment in Nigeria. *Journal of Economics and Sustainable Development*. 3(8): 194-205.
- [Elekwa et al., 2016](#) – Elekwa, P., Aniebo, C., Ogu, C. (2016). Does Foreign Portfolio Investment Affect Employment Growth in Nigeria? *Journal of Economics and Sustainable Development*. 7(12): 81-84.
- [Erdal, Pinar, 2015](#) – Erdal, B., Pinar, A. (2015). The effects of short-term capital flows on exchange rates in intermediate and flexible exchange rate regimes: empirical evidence from Turkey. *International Business Research*. 8(10): 93.
- [Fasanya, 2012](#) – Fasanya, I.O. (2012). Capital inflow-growth nexus in Nigeria: has foreign direct investment played any role in accelerating economic growth? *Journal of Sustainable Development in Africa*. 14(8): 34-52.
- [Ghose, 2004](#) – Ghose, A.K. (2004). Capital inflows and investment in developing countries. Employment Strategy Papers. No. 2004/11.
- [Gourinchas, Jeanne, 2013](#) – Gourinchas, P.O., Jeanne, O. (2013). Capital flows to developing countries: the allocation puzzle. *Review of Economic Studies*. 80(4): 1484-1515.
- [Jarita et al., 2009](#) – Jarita D., Salinah, E., Kassim, H. (2009). Foreign portfolio Investment and Economic Growth in Malaysia. *The Pakistan Development Review*. 48(2): 109-123.
- [Kandil, Trabelsi, 2015](#) – Kandil, M., Trabelsi, M. (2015). On capital flows and macroeconomic performance: Evidence before and after the financial crisis in Turkey. *Borsa Istanbul Review*. 15-4: 249-258.
- [Kargi, 2014](#) – Kargi, B. (2014). Portfolio in Turkish economy, and a long termed relation between foreign direct investments and the growth, and the structural breakage analysis (1980-2012). *Journal of Academic Research in Economics*. 6(1): 70-81.
- [Khaddraoui, 2012](#) – Khaddraoui, N. (2012). Capital movements and economic fluctuations: the threshold effects of financial development. *International Journal of Economics and Finance*. 4: 193-205.

Knill, 2005 – Knill, A.M. (2005). Can foreign portfolio investment bridge the small firm financing gap around the world? World Bank Policy Research Working Paper 3796, December. The World Bank Group Washington, DC 20433.

Kulshrestha, 2014 – Kulshrestha, H. (2014). Impact of foreign institutional investors (FIIs) on Indian Capital Market. *International Journal of Research in Business Management*. 2(3): 35-52.

Lebragacio, 2010 – Lebragacio, M. (2010). Components of foreign capital flows and economic progression: Panel data evidence from MENA Countries. ACT Mimeograph.

Levine, 2001 – Levine, R. (2001). International financial liberalization and economic growth. *Review of International Economics*. 9: 668-702.

Li, Liu, 2005 – Li, X., Liu, X. (2005). Foreign Direct Investment and Economic Growth: An increasingly endogenous relationship. *World Development*. 33: 393-407.

MacDonald, 2015 – MacDonald, M. (2015). Patterns of international capital flows and productivity growth: new evidence. *Review of International Economics*. 23(5): 846-872.

Masoud, Abu Sabha, 2014 – Masoud, N., Abu Sabha, S. (2014). The CAPM, determinants of portfolio flows to Emerging Markets Economics: The Case of Jordanian financial crisis. *Global Journal of Management and Business Research*. 14(3): 12-22.

Narayan, 2013 – Narayan, S. (2013), Causal Relationship between foreign capital inflows and economic growth: empirical evidence from India. *International Journal of Economics, Finance and Management*. 2(1): 23-40.

Odhiambo, 2011 – Odhiambo, N.M. (2011). Financial deepening, capital flows and economic growth nexus in Tanzania: A Multivariate Model. *Journal of Social Sciences*. 28(1): 65-71.

Ogujiuba, Obiechina, 2012 – Ogujiuba, K., Obiechina, E. (2012). Foreign private capital, economic growth and macroeconomic indicators in Nigeria: An empirical framework. *International Journal of Economics and Finance*. 4(10): 1-14.

Okonjo-Iweala, 2013 – Okonjo-Iweala, Ngozi (2013). Aid as a catalyst for domestic resource mobilization in Africa. A note prepared for the AU Commission, NEPAD, and Africa Platform for Development Effectiveness (APDev) meeting in Addis Ababa on 24 July 2013.

Rangasamy, Mihaljek, 2011 – Rangasamy, L., Mihaljek, D. (2011). Capital flows, commodity price movements and foreign exchange intervention. A chapter in Central banking in Africa: prospects in a changing World, 56: 63-80, from Bank for International Settlements (BIS).

Razin, Sadka, 2001 – Razin, A., Sadka, E. (2001). Country Risk and Capital Flow Reversals *Economic Letters*. 72: 73-77.

Rebelo, 1991 – Rebelo, S. (1991). Long-run policy analysis and long-run growth. *Journal of Political Economy*. 99: 500-521.

Reisen, Soto, 2001 – Reisen, H., Soto, M. (2001). Which types of capital inflows foster developing country growth? *International Finance*. 4(1): 1-14.

Yasmin, 2005 – Yasmin, B. (2005). Foreign capital inflows and growth in Pakistan: A simultaneous equation model. Rawalpindi: Fatima Jinnah Women University.

Copyright © 2020 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2020, 14(3): 247-253

www.vestnik.sutr.ru

UDC 33

Improving Hotel Management during a Pandemic

Laura B. Avidzba ^{a, *}

^a Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to improving the management mechanism in the hotel industry during a pandemic. The pandemic has had a negative impact on many businesses, especially hospitality businesses. In the spring of 2020, a situation developed when international air traffic was completely stopped, tourist travel within Russia was completely limited, and business travel was reduced to a minimum. Hotel companies have used up the financial resources that they had accumulated in previous periods. Therefore, they usually expect financial support from the state. Another problem was the transfer of a significant part of employees to a remote or rotational mode of work. As a rule, the main staff of any hotel or hotel consists of administrators, maids and cooks who can not serve tourists from home. The work analyzes the recent months in terms of occupancy and profitability of russian hotels in order to identify problems and develop better management mechanisms. To overcome the crisis, a number of measures must be taken, as well as strategies developed to reduce risks in the event of unforeseen events.

Keywords: management mechanism, pandemic, hotel industry, enterprise management.

1. Введение

Отечественная индустрия туризма в 2020 году испытала на себе серьезные проблемы, связанные с распространением COVID-19 практически во всех странах мира. Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей управления в гостиничной сфере в таких условиях и возможности ее совершенствования. Это обусловлено тем, что руководители гостиничного бизнеса в России обязаны разрешить вопрос о том, каким должен быть эффективный механизм управления гостиничными предприятиями и каким сам гостиничный бизнес будет после завершения пандемии. Статистические исследования свидетельствуют о том, что COVID-19 негативно влияет на российский гостиничный бизнес, поскольку гостиничные предприятия испытывают финансовые трудности, что, в свою очередь, влияет на сокращение рабочего персонала, то есть рост безработицы, простаивание материальной базы ([Антропова, 2020](#)).

2. Материалы и методы

Основными источниками для написания данной статьи стали последние труды российских ученых в области гостиничного бизнеса, а именно в условиях пандемии. Необходимая аргументация теоретических выводов достигается посредством применения общенаучных методов анализа и синтеза, дедукции и индукции, научной абстракции и конкретизации.

* Corresponding author

E-mail addresses: avidzba_laura@mail.ru (L.B. Avidzba)

3. Обсуждение

Поскольку гостиничная отрасль представляет собой такой сектор экономики, который при своей высокой доходности не подлежит государственному субсидированию и не является приоритетным для государства, а также в ситуации ограничения перемещений как внутри страны, так и возможности принимать иностранных туристов, то и ущерб от пандемии в ней наступил практически с первых шагов (Чевтайкина, Ермолина, 2020). После первой волны пандемии, когда были отменены ограничения, количество брони возросло, но оно существенно отставало от показателей предыдущих лет (Оборин, Шостак, 2018; Оборин, Шостак, 2018а).

При этом несмотря на то, что аналитики фиксировали значительное падение загрузки, но цена продаж существенно не была изменена. За девять месяцев 2020 падение гостиничной загрузки в России в среднем составило более 30 %, тогда как снижение на номер средней цены – только 1,9 % (Логунцова, 2020).

Гостиничный рынок двух столиц России – Москвы и Санкт-Петербурга в своей доходности потерял соответственно 54 % и 78 %, у Сочи – 48 %. Поток иностранных туристов в Москве сократился на 5 %, в Санкт-Петербурге – 45 %.

Московский гостиничный рынок показывает свои исторические минимумы, начиная с марта, то есть начала пандемии. Именно COVID-19 выступает как основная причина снижения гостиничного рынка Москвы в первом полугодии 2020 года, даже с учетом небольшой положительной динамики в мае-июне. При этом все сегменты гостиничного рынка столицы испытали на себе отрицательное влияние пандемии. На Рисунке 1 представлена динамика загрузки гостиничных предприятий Москвы в первом полугодии 2020 году и их сравнение с аналогичными показателями 2019 года:

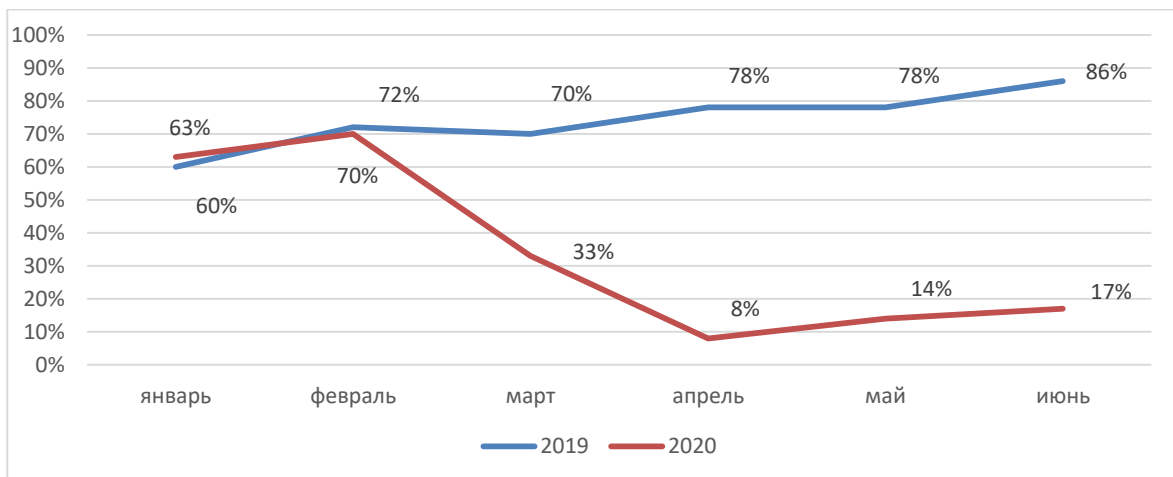

Рис. 1. Динамика загрузки гостиничного рынка Москвы в I полугодии 2020 года, % (Махошева и др., 2020)

При этом в исследуемый период средний тариф на проживание снизился на 5 % по отношению с 2019 годом, который в 2020 году составил 7 тыс. руб. Хуже всего ситуация обстоит со средним ценовым сегментом гостиничного бизнеса столицы, где средний тариф сократился до 4 тыс. руб. (-16,6 %). А вот в сегменте «люкс» наблюдается некоторое повышение тарифа – на 5 % по сравнению с 2019 годом (Рисунок 2):

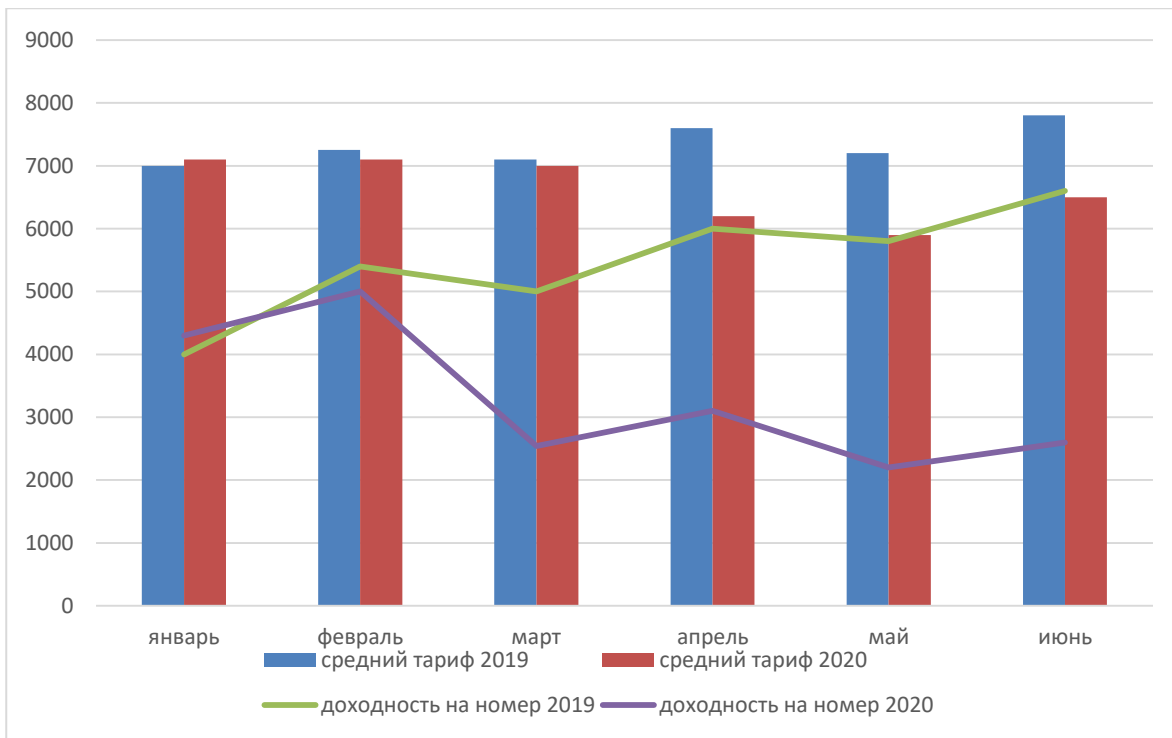

Рис. 2. Динамика среднего тарифа и доходности на норме гостиничного рынка Москвы в I полугодии 2020 года, руб.

Весной 2020 года сложилась ситуация, когда полностью было прекращено международное авиасообщение, туристские путешествия в пределах России были полностью ограничены, деловые поездки сократились до минимума. Количество посетителей гостиниц и отелей сократилось существенно: до 40 % номерного фонда в Москве и 20 % в Санкт-Петербурге. По итогам первого полугодия загрузка гостиничных предприятий Москвы составила лишь 35 %, что на 52 % ниже аналогичного показателя 2019 года. Самым провальным для гостиничных предприятий считается апрель. Доходность на гостиничный номер сократилась в среднем на 52-62 %.

Санкт-Петербург всегда выступал как популярное место для туристов, поэтому в северную столицу туристский поток, в том числе и иностранный, постоянно увеличивался. При этом и в период первой волны коронавируса загрузка гостиничных предприятий Санкт-Петербурга существенно сократилась – в апреле она составила всего 3 %, а за первое полугодие 2020 года – 25 %, что означает снижение на 60 % по отношению аналогичного показателя 2019 года. В этот период отельеры старались предложить разного рода предложения для повышения загрузки своих гостиничных предприятий, например, для повышения срока пребывания, а также предлагалась сдача номеров в качестве офисов. При этом были разработаны и реализованы такие мероприятия при отмене карантинных мероприятий, как совершение в северную столицу туров выходного дня, либо на срок 2-3 дня, что позволило привлечь достаточно большое число туристов из Москвы и Московской области.

Если рассматривать средний тариф Санкт-петербургского гостиничного рынка, то он составил 5,2 тыс. руб., хотя в 2019 году он составлял более 9 тыс. руб. На это также оказало влияние и отмена наращивание гостиницами тарифа в два с половиной раза, что привело к снижению показателя за первое полугодие на 45 %. Доходность на один гостиничный номер в Санкт-Петербурге составил 1,3 тыс. руб., что является ниже показателя 2019 года на 78 %.

Первое полугодие 2020 года оказалось сложным и для Сочи, поскольку на курорте в апреле-мае не функционировала большая часть гостиниц и отелей, а санатории оказались закрытыми на период с 28 марта по 1 июня, после чего все здравницы не смогли открыться. Однако на курорте не наблюдался рост спроса, поскольку на территории края продолжают сохраняться ограничения Роспотребнадзора. Период июль-август для курорта стали более успешными, поскольку было открыто большая часть курортно-санаторных организаций,

а повышение спроса со стороны туристов позволили повысить тарифы больше чем на 50 % (Осипова, Прокопьев, 2020).

Горный кластер курорта был загружен первую половину года на 40 %, что составляет падение на 35 % по сравнению с прошлым годом. При этом и такой показатель включил в себя вполне успешные месяцы – январь и февраль, а с апреля по июнь загрузка упала практически до нуля. Если рассматривать прибрежный кластер, то общая загрузка за полугодие составила только 29 %, что ниже прошлогоднего показателя на 43 %.

При этом прогнозируется, что при самых благоприятных сценариях развития ситуации с пандемией на восстановление нормальной деятельности гостиниц и отелей понадобится период, превышающий шесть месяцев. Тем самым на сегодняшний день на первый план выходит задача поиска путей из кризиса.

В целом ситуация такова, что гостиничные предприятия израсходовали те финансовые ресурсы, которые были у них накоплены в предыдущие периоды. Поэтому они, как правило, ожидают финансовой поддержки от государства. В качестве такой поддержки называются следующие меры: отсрочка платежей по аренде земли и налогам, введение моратория на банкротство гостиничных предприятий (Проценко, 2016). При этом данные мероприятия должны распространяться не только на средний и малый бизнес, но и крупные гостиничные предприятия. В отношении столичных гостиниц и отелей были предложены правительственные субсидии, направленные на использование гостиничных номеров с целью временного размещения в них трудовых мигрантов, которые не имеют возможности вернуться домой, а на территории России они остались без работы. Обоснованием такой программы стала месячная оплата номера гостиницы в 25 тыс. руб., а выручка гостиницы идет на выплату заработной платы гостиничному персоналу и обслуживание кредитных и других долговых обязательств (Стальмахович, 2020).

В качестве одной из трудностей выступил перевод существенной части сотрудников на удаленный или вахтовый режим работы. Как правило, основной штат любой гостиницы или отеля составляют администраторы, горничные и повара, которые не могут обслуживать туристов из дома. Поэтому в условиях пандемии сотрудники были просто отправлены в отпуска с сохранением 75 % оплаты от оклада (Клюева и др., 2019).

4. Заключение

Таким образом, в условиях неопределенности в отношении возобновления карантинных мероприятий, снижения загрузки, отмены массовых мероприятий и снижения числа туристов, гостиничные предприятия должны понять, как дальше функционировать в них. Необходимо разработать основные направления тактики выживания гостиничных предприятий, которым просто необходимо иметь план действий на случай наступления чрезвычайных ситуаций, которые гостиница или отель смогут реализовать в кратчайший срок:

1) не предлагать повсеместно сниженные цены на проживание, поскольку это может еще больше осложнить финансовое состояние гостиничного предприятия, и оно будет более длительный срок выходить из кризисного состояния. Поэтому необходимо разумно подходить к политике снижения цен и ограничения размера скидок. Это связано с тем, что любое гостиничное предприятие в течение достаточно длительного времени работает над тем, чтобы повышать цены, к примеру, за счет улучшения сервиса, гостиничного обслуживания, и их снижение может привести к тому, что данная работа будет полностью перечеркнута. А чтобы вернуть на прежний уровень цен, прибыльности и имиджа гостиничного предприятия может понадобиться не один год. Основным советом может стать разумность предоставления скидок и их оригинальная подача;

2) для сохранения текущего потока туристов, а также привлечения новых, необходимо продолжать разрабатывать маркетинговые мероприятия. Тем самым маркетинговый бюджет гостиничного предприятия не может считаться как ненужный и не должен подлежать сокращению. При этом в качестве совета может быть ориентация маркетинга гостиниц и отелей не на продвижение своих новых инициатив и привлечение новых туристов, а на существующей клиентской базе, чтобы сохранить постоянных своих посетителей;

3) эффективным может стать работка гостиничных предприятий с небольшими сегментами рынка, которые являются менее чувствительными к ценовой политике гостиницы. При этом необходимо изучать новые способы продвижения своего продукта;

4) осуществление поиска доходных источников внутри гостиницы, к которым относятся питание, дополнительные услуги, SPA. Руководство гостиничных предприятий имеют возможность диверсифицировать в собственный бизнес вместо ориентации на какой-либо географический сегмент или только одно направление;

5) ценность для клиента гостиницы представляет пакетное предложение, которое предполагает наличие новых путей их продаж, например, пакеты для романтических выходных, ценовые предложения для выходного дня. Данные специальные предложения должны содержать для гостей гостиниц дополнительную ценность – SPA-процедуры, питание; а также предложения для повторного обращения гостя в этот отель, например, бесплатная дополнительная ночь;

6) сокращение гостиничных расходов должно происходить в тех зонах предприятия, которые оказывают на имидж гостиницы и обслуживание в ней гостей наименьшее влияние. С учетом того, что туристы являются достаточно чувствительными к любым изменениям, то гостиница не может снизить существующие стандарты, а только добавлять дополнительную ценность.

Тем самым, можно сделать вывод о том, что гостиничные предприятия должны не только прогнозировать возможные риски наступления непредвиденных событий и планировать в соответствии с этим свои будущие расходы, но также при наступлении таких непростых условий, как пандемия, стараться не впадать в панику и грамотно планировать свою ценовую политику, систему скидок, маркетинговые мероприятия, чтобы по окончании непростого периода суметь сохранить свой имидж, гостиничный персонал и финансовую стабильность.

Литература

Антропова, 2020 – Антропова А.О. Влияние коронавируса (COVID-19) на международный туризм // *Вестник научных конференций*. 2020. № 2-2 (54). С. 16-18.

Духовная, 2019 – Духовная Л.Л. Автоматизация бизнес-процессов как механизм повышения эффективности гостиничного предприятия // *Сервис в России и за рубежом*. 2019. Т. 13. № 3 (85). С. 162-174.

Клюева и др., 2019 – Клюева Ю.С., Кононова В.В. Актуальные аспекты оценки формирования клиентоориентированности персонала гостинично-ресторанного комплекса // *Вестник НГИЭИ*. 2019. № 11 (102). С. 67-78.

Логунцова, 2020 – Логунцова И.В. Индустрия туризма в условиях пандемии коронавируса: вызовы и перспективы // *Государственное управление*. 2020. № 80. С. 49-65.

Махошева и др., 2020 – Махошева М.Х., Семенова А.И., Тубеева Ф.А. Последствия пандемии COVID-19 для туристской индустрии // *Academy*. 2020. № 7 (58). С. 24-26.

Оборин, Шостак, 2018 – Оборин М.С., Шостак М.А. Научные основы управления предприятиями гостеприимства в сложных экономических условиях // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2018. Т. 24. № 5. С. 135-144.

Оборин, Шостак, 2018а – Оборин М.С., Шостак М.А. Процессный подход к совершенствованию механизма управления предприятиями индустрии гостеприимства в России и Республике Крым // *Сервис plus*. 2018. Т. 12. № 2. С. 42-53.

Осипова, Прокопьев, 2020 – Осипова Л.Б., Прокопьев В.Н. Гостиничный и туристический бизнес во время пандемии коронавируса COVID-19 // *Молодой ученый*. 2020. № 23 (313). С. 429-433.

Проценко, 2016 – Проценко Я.В. Управление финансовой стабильностью предприятий гостиничного хозяйства в условиях кризиса // *Формирование рыночных отношений*. 2016. № 9 (184). С. 110-115.

Стальмахович, 2020 – Стальмахович А.А. Деятельность туристических компаний после пандемии коронавируса // *Экономика, управление и право в современных условиях*. Тольятти, 2020. С. 69-72.

Федорчукова, Пасько, 2020 – Федорчукова С.Г., Пасько О.В. Российский опыт стандартизации и классификации в сфере гостеприимства // *Инновации и инвестиции*. 2020. № 1. С. 306-309.

Чевтайкина, Ермолина, 2020 – Чевтайкина П.Ю., Ермолина Л.В. Эффект пандемии: почему спад мировой экономики из-за коронавируса может оказаться хуже кризиса 2008 года // *Экономика, управление и право в современных условиях*. Вып. 31. Тольятти: Изд-во ИССТЭ, 2020. С. 153-158.

[Шавырин, 2020](#) – *Шавырин Н.В.* Коронавирус и мировая экономика – на пороге глобальной катастрофы // *Вестник научных конференций*. 2020. № 2-2 (54). С. 120-123.

References

[Antropova, 2020](#) – *Antropova, A.O.* (2020). Vliyanie koronavirusa (COVID-19) na mezhdunarodnyi turizm [The influence of coronavirus (COVID-19) on international tourism]. *Vestnik nauchnykh konferentsii*. 2-2(54): 16-18. [in Russian]

[Chevtaikina, Ermolina, 2020](#) – *Chevtaikina, P.Yu., Ermolina, L.V.* (2020). Effekt pandemii: pochemu spad mirovoi ekonomiki iz-za koronavirusa mozhet okazat'sya khuzhe krizisa 2008 goda [The pandemic effect: why the global economic downturn due to coronavirus may be worse than the 2008 crisis]. *Ekonomika, upravlenie i pravo v sovremennykh usloviyakh*. Vyp. 31. Tol'yatti: Izd-vo ISSTE. Pp. 153-158. [in Russian]

[Dukhovnaya, 2019](#) – *Dukhovnaya, L.L.* (2019). Avtomatizatsiya biznes-protsessov kak mekhanizm povysheniya effektivnosti gostinichnogo predpriyatiya [The automation of business processes as a mechanism for improving the efficiency of a hotel enterprise]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. T. 13. 3(85): 162-174. [in Russian]

[Fedorchukova, Pas'ko, 2020](#) – *Fedorchukova, S.G., Pas'ko, O.V.* (2020). Rossiiskii opyt standartizatsii i klassifikatsii v sfere gostepriimstva [Russian experience of standardization and classification in the hospitality industry]. *Innovatsii i investitsii*. 1: 306-309. [in Russian]

[Klyueva i dr., 2019](#) – *Klyueva, Yu.S., Kononova, V.V.* (2019). Aktual'nye aspekty otsenki formirovaniya klientoorientirovannosti personala gostinichno-restorannogo kompleksa [Actual aspects of assessing the formation of customer orientation of hotel and restaurant complex personnel]. *Vestnik NGIEI*. 11(102): 67-78. [in Russian]

[Loguntsova, 2020](#) – *Loguntsova, I.V.* (2020). Industriya turizma v usloviyakh pandemii koronavirusa: vyzovy i perspektivy [Tourism industry in the context of the coronavirus pandemic: challenges and prospects]. *Gosudarstvennoe upravlenie*. 80: 49-65. [in Russian]

[Makhosheva i dr., 2020](#) – *Makhosheva, M.Kh., Semenova, A.I., Tyubeeva, F.A.* (2020). Posledstviya pandemii COVID-19 dlya turistskoi industrii [The consequences of a pandemic COVID-19 for the tourism industry]. *Academy*. 7(58): 24-26. [in Russian]

[Oborin, Shostak, 2018](#) – *Oborin, M.S., Shostak, M.A.* (2018). Nauchnye osnovy upravleniya predpriyatiyami gostepriimstva v slozhnykh ekonomicheskikh usloviyakh [The scientific bases of management of hospitality enterprises in difficult economic conditions]. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 24. 5: 135-144. [in Russian]

[Oborin, Shostak, 2018a](#) – *Oborin, M.S., Shostak, M.A.* (2018). Protsessnyi podkhod k sovershenstvovaniyu mekhanizma upravleniya predpriyatiyami industrii gostepriimstva v Rossii i Respublike Krym [The process approach to improving the management mechanism of enterprises in the hospitality industry in Russia and the Republic of Crimea]. *Servis plus*. T. 12. 2: 42-53. [in Russian]

[Osipova, Prokop'ev, 2020](#) – *Osipova, L.B., Prokop'ev, V.N.* (2020). Gostinichniy i turisticheskii biznes vo vremena pandemii koronavirusa COVID-19 [Hotel and tourism business during the COVID-19 coronavirus pandemic]. *Molodoi uchenyi*. 23(313): 429-433. [in Russian]

[Protsenko, 2016](#) – *Protsenko, Ya.V.* (2016). Upravlenie finansovoi stabil'nost'yu predpriyatii gostinichnogo khozyaistva v usloviyakh krizisa [Management of financial stability of hotel enterprises in crisis conditions]. *Formirovanie rynochnykh otnoshenii*. 9(184): 110-115. [in Russian]

[Shavyrin, 2020](#) – *Shavyrin, N.V.* (2020). Koronavirus i mirovaya ekonomika – na poroge global'noi katastrofy [Coronavirus and the world economy-on the threshold of a global catastrophe]. *Vestnik nauchnykh konferentsii*. 2-2(54): 120-123. [in Russian]

[Stal'makhovich, 2020](#) – *Stal'makhovich, A.A.* (2020). Deyatel'nost' turisticheskikh kompanii posle pandemii koronavirusa [The activity of travel agencies after the pandemic coronavirus]. *Ekonomika, upravlenie i pravo v sovremennykh usloviyakh*. Tol'yatti. Pp. 69-72. [in Russian]

УДК 33

Совершенствование механизма управления в гостиничной сфере во время пандемии

Лаура Беслановна Авидзба ^{а, *}

^а Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена совершенствованию механизма управления в гостиничной сфере в период пандемии. Пандемия оказала негативное влияние на многие отрасли бизнеса, в особенности на гостиничные предприятия. Весной 2020 года сложилась ситуация, когда полностью было прекращено международное авиасообщение, туристские путешествия в пределах России были полностью ограничены, деловые поездки сократились до минимума. Гостиничные предприятия израсходовали те финансовые ресурсы, которые были у них накоплены в предыдущие периоды. Поэтому они, как правило, ожидают финансовой поддержки от государства. Еще одной проблемой выступил перевод существенной части сотрудников на удаленный или вахтовый режим работы. Как правило, основной штат любой гостиницы или отеля составляют администраторы, горничные и повара, которые не могут обслуживать туристов из дома. В материале проводится анализ последних месяцев по загруженности, доходности российских гостиниц для выявления проблем и разработки более совершенных механизмов управления. Для выхода из кризисной ситуации необходимо предпринять ряд мер, а также разработать стратегии для сокращения рисков при наступлении непредвиденных событий.

Ключевые слова: механизм управления, пандемия, гостиничная сфера, управление предприятием.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: avidzba_laura@mail.ru (Л.Б. Авидзба)

Copyright © 2020 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2020, 14(3): 254-262

www.vestnik.sutr.ru

UDC 336.025

Assessment of the Activities of Tax Authorities in Bankruptcy Procedures of Organizations

Alla Yu. Baranova ^{a,*}, Alina A. Markaryan ^a

^a Sochi State University, Russian Federation

Abstract

When the position of a legal entity reaches a critical point and the organization is no longer able to settle its obligations to founders, employees, partners and counterparties, the best option for resolving debt problems is to declare bankruptcy. In accordance with the Decree of the Government of the Russian Federation of May 29, 2004 N 257 "On securing the interests of the Russian Federation as a creditor in a bankruptcy case and in the procedures applied in a bankruptcy case" by the body authorized to represent the interests of the Russian Federation as a creditor in bankruptcy cases and in procedures bankruptcy is the Federal Tax Service of Russia (FTS). The Federal Tax Service of Russia exercises its powers both directly and through the territorial tax authorities performing the functions of an authorized body on the basis of powers of attorney issued in accordance with the established procedure. Despite the sufficient availability of regulatory legal acts on the insolvency of organizations, the state, due to the annual increase in the number of bankrupts, does not receive billions of tax payments to the budget, remaining a third-priority lender. In this regard, the assessment of the activities of tax services in bankruptcy procedures is relevant.

Based on the study of tax authorities as creditors, an assessment of the effectiveness of their activities in bankruptcy procedures is presented.

Keywords: bankruptcy of organizations, creditors, tax inspection, performance criteria.

1. Введение

Понятия «несостоятельность» и «банкротство» в публикациях авторов часто встречаются как синонимы. Но в науке до сих пор нет однозначного понимания термина «банкротство». Большинство мнений авторов сходится на том, что этот термин возник в XVI веке и происходит от итальянского «banca rotta», означающим в переводе на русский язык «сломанная скамья». По историческим данным, столы денежных менял ломали купцы-кредиторы в средневековой Италии, если те совершали мошеннические действия (Макарова, 2008: 54).

В дореволюционном праве понятия «банкротство» и «несостоятельность» имели разное значение. По несостоятельностью понималась недостаточность активов для удовлетворения требований кредиторов, а под банкротством – причинение ущерба кредиторам путем уменьшения или сокрытия имущества должником (Слепышев, 2009: 48-52).

Банкротство или несостоятельность не следует рассматривать узко, только как невозможность должника рассчитаться по своим обязательствам. Банкротство – это система логических и причинно-следственных связей, методических и организационных рычагов,

* Corresponding author

E-mail addresses: baranovalla-77@mail.ru (A.Y. Baranova)

целью которой является защита интересов субъектов рыночных отношений в процедурах банкротства, где регулятором этих отношений выступает государство (Песков, 2010: 30; Иванова, 2018: 20-21; Олиниченко, Кузьмичева, 2015: 318; Львова, 2012: 7).

К настоящему времени в России сформировались все основные элементы системы банкротства, но ее пока нельзя назвать эффективной, направленной на финансовое оздоровление организаций. На макроуровне современный отечественный институт банкротства не решает задачу – восстановления платежности организаций, а действует как ликвидационный механизм (Радыгин, Симачев, 2005: 43; Бобылева, 2010: 42).

2. Материалы и методы

В исследовании применялись системный и диалектический методы, систематизация, анализ, структурирование, классификация и др.

В ходе исследования изучались нормативно-правовая база, опыт банкротства организаций на основе трудов А.З. Бобылевой, С.П. Ивановой, И.А. Кузьмичевой, О.А. Львовой, Е.Н. Макаровой, К.В. Олиниченко, В.В. Пескова, А.Д. Радыгина, А.В. Размаховой, В.А. Слепышева, Ю.В. Симачева и др.

Информационной базой работы послужили данные Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, статистическая информация Межрегиональной инспекции №8 по Краснодарскому краю, интернет-ресурсы.

3. Обсуждение

В процедурах банкротства организация-должник несет ответственность перед своими кредиторами. В соответствии с Федеральным законом от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» под кредиторами понимают лица, имеющие по отношению к должнику права требовать уплаты денежных и обязательных платежей.

Основываясь на законодательных нормах и практике банкротства, классифицировать кредиторов в процедуре банкротства можно следующим образом:

1) по субъектам банкротства кредиторы подразделяются на:

- конкурсных кредиторов – это кредиторы по денежным обязательствам, а именно, учредители, работники, граждане, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, организации и агенты, с которыми должника связывали контрактные отношения;

- уполномоченных органов – это органы исполнительной власти, перед которыми должник имеет задолженности по обязательным платежам, а именно, налоговая и таможенная служба, государственные внебюджетные фонды и т.п.;

2) в зависимости от суммы, заявленной в реестре требований кредиторов:

- крупные кредиторы – это юридические лица, которые на основе кумулятивного голосования имеют возможность почти всегда влиять на решения собрания кредиторов; такие кредиторы экономически и юридически подкованы;

- мелкие кредиторы – это физические лица и представители малого бизнеса, как правило, по своей численности они значительно превосходят крупных кредиторов, но не по сумме задолженности, в чем они и проигрывают;

3) с точки зрения заявителей и обращений в суд:

- кредиторы – заявители, обратившиеся в Арбитражный суд с заявлением о банкротстве должника;

- кредиторы, не инициирующие дела о банкротстве;

4) в зависимости от порядка удовлетворения требований кредиторов:

- внеочередные, которые удовлетворяются вне очереди (судебные издержки, расходы и заработная плата арбитражным управляющим и т.п.);

- очередные, чьи требования заявлены и будут удовлетворены в порядке очередности, прописанной в законе о банкротстве;

- послеочередные – текущие расходы в период процедуры банкротства; требования кредиторов, заявленные после закрытия реестра требований кредиторов.

Для оценки эффективности процедур банкротства предлагается использовать «комплексный подход, означающий использование показателей эффективности, которые, с одной стороны, учитывают интересы всех участников банкротства (предприятия-должника, его работников, конкурсных кредиторов, собственников, государства), а с другой – позволяют оценить эффективность всех судебных процедур – внешнего управления,

финансового оздоровления, конкурсного производства и мирового соглашения» (Размахова, 2014: 131).

Поскольку цели проведения различных процедур банкротства разные, то и критерии эффективности их достижения в разных процедурах также будут разными.

Систематизация выявленных целей с учетом критериев в оценке эффективности процедуры банкротства организаций для кредиторов разных категорий представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Критерии эффективности процедуры банкротства организаций по субъектам

Кредитор	Характеристика экономической эффективности	Характеристика социальной эффективности
Кредиторы по денежным обязательствам	Погашение требований кредиторов. Ликвидация неэффективных бизнес-структур	Удовлетворение требований кредиторов по денежным обязательствам
Учредители (собственники)	Сохранение бизнеса	Сохранение рабочих мест
Работники организации	Выплата заработной платы и прочих пособий	Сохранение рабочих мест
Уполномоченные органы	Формирование доходной части бюджета	Сохранение рабочих мест

Источник: составлено авторами.

Таким образом, институт банкротства, как один из важнейших элементов рыночной экономики, должен обеспечивать реализацию интересов кредиторов, собственников, уполномоченных органов (государства), способствовать вытеснению неэффективных структур и повышению конкуренции.

Процедура банкротства охватывает несколько стадий, одна из которых – конкурсное производство, свидетельствует о завершении банкротства, как правило, без удовлетворения требований кредиторов в связи с недостаточностью имущества и денежных средств.

С 2011 по 2019 гг. отмечается стабильная динамика такого вида банкротств (Рисунок 1).

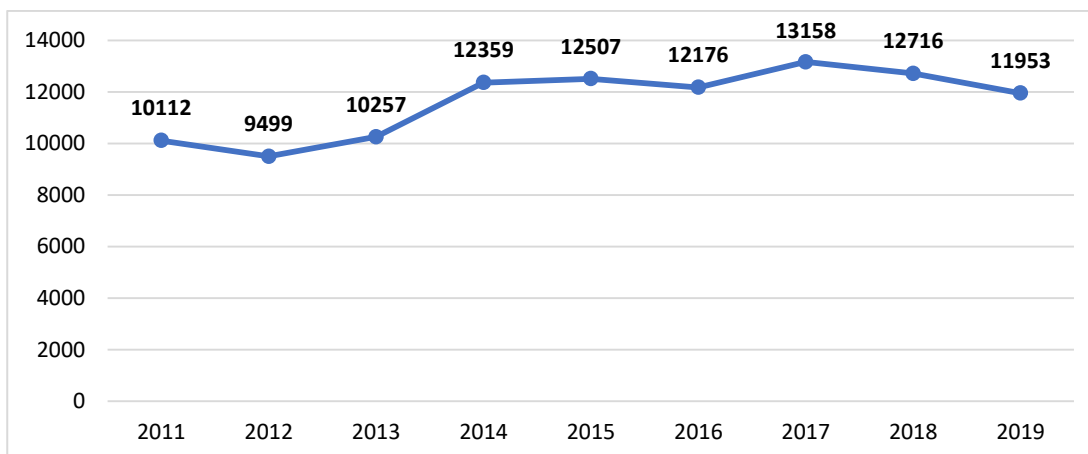

Рис. 1. Фактическое число банкротств в экономике (число решений Арбитражного суда, открытие конкурсного производства), единиц

Источник: Составлено авторами

По числу банкротств Краснодарский край находится на 7 месте в России (Центр макроэкономического анализа..., 2020). В Краснодарском крае в процедуре банкротства находятся около 1% всех субъектов хозяйствования. Для региона это серьезными негативными последствиями не угрожает. Основными причинами банкротства специалисты назвали неэффективный менеджмент, высокую кредитную нагрузку, сложности с

рефинансированием займов, отсутствие заинтересованности собственников в обновлении фондов, модернизации и развитии организаций (В 2017 году продано..., 2017).

Согласно федеральному реестру сведений о банкротствах в конкурсное управление в 2019 г. на территории Краснодарского края вступило 243 хозяйствующих субъекта, что на 14 единиц больше по сравнению с 2018 г. (Число предприятий-банкротов..., 2020).

В настоящее время наблюдается кризисная ситуация в агропромышленном комплексе Краснодарского края, где каждое третье сельхозпредприятие, точнее 223 единицы, находятся в процедуре банкротства с общим объемом непогашенных требований кредиторов около 90 млрд руб. Из 223 организаций 63 единицы находятся в процедуре банкротства более трех лет, и на них приходится 38,5 % от всех требований кредиторов и 45,6 % суммарной балансовой стоимости, что свидетельствует о недостаточности предпринятых мер по оздоровлению. При этом реализуемое имущество покрывает лишь незначительную часть обязательств должников — 0,01 % реестровых требований. Анализ данных министерства экономики Кубани относительно проводимых в отношении сельхозпроизводителей процедур банкротства выявил две ключевые проблемы (Несостоятельность по закону, 2020):

1) неэффективное использование механизмов предупреждения банкротства, а именно отсутствие контроля за экономическим состоянием организаций отрасли и их своевременного финансового оздоровления;

2) несовершенство федерального законодательства, допускающее непрозрачность действий управляющих в ходе процедуры конкурсного производства, приводящее к расхищению, а не к оздоровлению хозяйствующего субъекта.

4. Результаты

Инспекция ФНС России не только является уполномоченным органом и представляет интересы государства в Арбитражном суде по делу о банкротстве. В настоящее время она обладает определенными правами защищать интересы государства, в результате чего деятельности территориальных органов ФНС России в Краснодарском крае по обеспечению процедур банкротства оценивается по следующим показателям.

Показатель 1. Темп роста поступлений в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве.

Показатель 2. Реализация полномочий уполномоченного органа по инициированию процедур банкротства.

Показатель 3. Соотношение объема поступлений по текущим платежам, относящимся к 2 очереди, к объему задолженности по текущим платежам.

Показатель 4. Эффективность поступлений по результатам согласительных процедур.

Показатель 5. Эффективность выявления источников взыскания доначисленных сумм по результатам выездных налоговых проверок.

Показатель 6. Эффективность взаимодействия с правоохранительными органами.

Показатель 7. Работа с должниками в соответствии с подпунктом 4.3 пункта 1 статьи 59 Налогового кодекса Российской Федерации «принятия судом акта о возвращении заявления о признании должника банкротом или прекращении производства по делу о банкротстве в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве».

Качество обеспечения процедур банкротства Инспекций ФНС РФ определяется суммированием показателей, представленных в [Таблице 2](#).

Таблица 2. Показатели качества обеспечения процедур банкротства Инспекций ФНС РФ

Показатель	Формула расчета	Критерии определения баллов
Темп роста поступлений в деле о банкротстве	$ТП = (ПЗТ/ПЗП) * 100 \%, \text{ где}$ ТП – темп роста поступлений; ПЗТ – погашено задолженности за отчетный период; ПЗП – погашено задолженности за аналогичный период прошлого период.	$ТП \geq 150 \%, B=3$ $100 \% < ТП < 150 \%, 2 \leq B < 3$ $50 \% < ТП < 100 \%, 1 \leq B < 2$ $0 \% < ТП < 50 \%, 0 \leq B < 1$

Показатель	Формула расчета	Критерии определения баллов
Результативность работы с задолженностью по платежам, администрируемым ФНС России в процедурах банкротства	$PPб = [(ПЗ - P * 50) / 3б] * 100 \%$, где PPб – результативность работы с задолженностью; ПЗ – погашено задолженности; P – расходы по делу о банкротстве;	$0 \% \leq PPб < 24 \%$, $-8,5 \leq Б < 0$; При $PPб \leq 0$, $Б = -8,5$
Эффективность погашения задолженности процедурах банкротства	$ЭФ = [(ПЗ - P * 50) / Сб] * 100 \%$, где Сб – списано задолженности по завершенным делам в банкротстве; Если $Сб = 0$, то применяется коэффициент темпа роста (ТП).	$ЭФ \geq 150 \%$, $Б = 3$ $100 \% < ЭФ < 150 \%$, $2 \leq Б < 3$ $50 \% < ЭФ < 100 \%$, $1 \leq Б < 2$ $0 \% < ЭФ < 50 \%$, $0 \leq Б < 1$
Результативность работы по привлечению к субсидиарной ответственности руководителей (собственников) организации	$СО = (ПСО / НМСО) * 100 \%$, где СО – Результативность работы по привлечению к субсидиарной ответственности; ПСО – поступило в бюджет в результате привлечения к субсидиарной ответственности и взысканию убытков; НМСО – направлено материалов по привлечению к субсидиарной ответственности и взысканию убытков.	$СО \geq 12 \%$, $Б = 6$ $10 \% < СО < 12 \%$, $5 \leq Б < 6$ $8 \% < СО < 10 \%$, $4 \leq Б < 5$ $6 \% < СО < 8 \%$, $3 \leq Б < 4$ $4 \% < СО < 6 \%$, $2 \leq Б < 3$ $2 \% < СО < 4 \%$, $1 \leq Б < 2$ $0 \% < СО < 2 \%$, $0 \leq Б < 1$
Результативность направления жалоб на действия арбитражных управляющих	$РЖ = (УЖ / НЖ) * 100 \%$, где РЖ – результативность жалоб; УЖ – удовлетворено жалоб; НЖ – направлено жалоб на действия арбитражных управляющих в суд	-
Результативность подготовки материалов по возбуждению уголовных дел, направляемых в правоохранительные органы	$РМ = (ВД / НМ) * 100 \%$, где РМ – результативность взаимодействия с правоохранительными органами; НМ – направлено материалов; ВД – возбуждено уголовных дел	-
Результативность работы по привлечению к административной ответственности в виде дисквалификации	$РД = (СА / ВП) * 100 \%$, где РД – результативность привлечения к ответственности; СА – вступило в законную силу законных актов; ВП – выставлено протоколов об административном правонарушении	-

Источник: Составлено авторами по данным Межрегиональной инспекции № 8 по Краснодарскому краю

В [Таблице 3](#) представлена оценка деятельности территориальных органов ФНС России в Краснодарском крае по обеспечению процедур банкротства на 01.01.2020 г.

Таблица 3. Оценка деятельности территориальных органов ФНС России в Краснодарском крае по обеспечению процедур банкротства на 01.01.2020 г., входящие в первую десятку по эффективности

Наименование налоговой инспекции (межрегиональные инспекции)	Место в рейтинге							Общий балл	Место в рейтинге
	Ррб	ЭФ (ТП)	СО	РЖ	РМ	РД	Возврат заявлений судом по причине отсутствия денежных средств на судебные расходы		
ИФНС №3 по г. Краснодару	2	1	2	11	11	6	9	6	1
ИФНС № 1 по г. Краснодару	19	13	12	1	7	1	1	7,7	2
МРИ № 17 (Крымск)	12	9	10	14	1	12	4	8,9	3
МРИ № 6 (Туапсе)	6	17	6	13	1	11	15	9,9	5
МРИ № 14 (Усть-Лабинск)	9	19	5	16	2	15	10	10,9	6
МРИ г. Новороссийск	7	8	23	5	16	13	6	11,1	7
МРИ №8 (Адлер)	24	23	7	3	9	7	7	11,4	8
МРИ № 13 (Армавир)	20	11	13	8	3	26	3	12	9
МРИ №7 (Сочи)	4	20	20	21	5	3	16	12,7	10

Источник: составлено авторами по данным Межрегиональной инспекции № 8 по Краснодарскому краю

Из 44 муниципальных образований Краснодарского края по показателям эффективности деятельности налоговых инспекций в процедурах банкротства межрегиональные налоговые инспекции г. Сочи № 7 и № 8 занимают 10 и 8 место соответственно.

5. Заключение

Приведенные статистические данные о банкротстве организаций и теоретический анализ процедуры банкротства свидетельствуют о том, что существующая система банкротства в России ведет к ликвидации хозяйствующих субъектов, а не к финансовому оздоровлению. Современные рыночные условия требуют обратного. Коммерческие организации – это важные налогоплательщики и работодатели. Банкротство коммерческих организаций невыгодно ни партнерам, с которыми имеются договорные отношения, ни государству, теряющему налоговые поступления.

Инспекция ФНС России не только является уполномоченным органом и представляет интересы государства в Арбитражном суде по делу о банкротстве. В настоящее время она обладает определенными правами защищать интересы государства, в результате чего деятельности территориальных органов ФНС России в Краснодарском крае по обеспечению процедур банкротства оценивается по ряду показателей.

Литература

Банкротства юридических лиц..., 2020 – Банкротства юридических лиц в России: основные тенденции I квартал 2020. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. [Электронный ресурс]. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/PROM/2020/Bnkrpc-1-20.pdf

Бобылева, 2010 – Бобылева А.З. Модернизация института банкротства как ключевой фактор повышения эффективности рыночной экономики // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2010. №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-instituta-bankrotstva-kak-klyuchevoj-faktor-povysheniya-effektivnosti-rynochnoy-ekonomiki>

В 2017 году продано... – В 2017 году продано имущество 127 предприятий-банкротов на Кубани [Электронный ресурс]. URL: <https://www.86155city.ru/news/2014689/v-2017-godu-prodano-imusestvo-127-predpriatij-bankrotov-na-kubani>

Данные Межрегиональной инспекции... – Данные Межрегиональной инспекции № 8 по Краснодарскому краю.

Иванова, 2018 – *Иванова С.П. и др.* Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: учебное пособие. М.: Юстиция, 2018.

Львова, 2012 – *Львова О.А.* Банкротство в системе рыночных отношений. М., 2012. 30 с.

Макарова, 2008 – *Макарова Е.Н.* Анализ понятия «Несостоятельность» и «Банкротство» // *Экономический анализ: теория и практика*. 2008. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ponyatii-nesostoyatelnost-i-bankrotstvo>

Налоговый кодекс РФ... – Налоговый кодекс РФ от 05.08.2000 г. №117-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/

Несостоятельность по закону – Несостоятельность по закону [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3487123>

Олиниченко, Кузьмичева, 2015 – *Олиниченко К.В., Кузьмичева И.А.* Банкротство предприятий и система критериев их неплатежеспособности. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 6-2. С. 318-322.

Песков, 2010 – *Песков В.В.* Кризис и банкротство как угроза экономической безопасности предприятия в условиях рынка [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-i-bankrotstvo-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiya-v-usloviyah-rynka>

Постановление Правительства РФ... – Постановление Правительства РФ от 29.05.2004 N 257 "Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве" [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/

Радыгин, Симачев, 2005 – *Радыгин А.Д., Симачев Ю.В.* (2005). Институт банкротства в России: особенности эволюции, проблемы и перспективы // *Российский журнал менеджмента*. 2005. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-bankrotstva-v-rossii-osobennosti-evolyutsii-problemy-i-perspektivy>

Размахова, 2014 – *Размахова А.В.* Система целей, критериев и ограничений в оценке эффективности процедур банкротства предприятий // *Теория и практика общественного развития*. 2014. №8. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-tseley-kriteriev-i-ogranicheniy-v-otsenke-effektivnosti-protsedur-bankrotstva-predpriyatij>

Слепышев, 2009 – *Слепышев В.А.* Понятие и признаки несостоятельности (банкротства) // *Вестник ЧелГУ*. 2009. №36. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-nesostoyatelnosti-bankrotstva>

Федеральный закон... – Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/

Число предприятий-банкротов..., 2020 – Число предприятий-банкротов увеличилось в Краснодарском крае [Электронный ресурс]. URL: <https://kub-inform.ru/news/2020-01-17-chislo-predpriyatij-bankrotov-velichilos-v-krasnodarskom-krae/>

References

Bankrotstva yuridicheskikh lits..., 2020 – Bankrotstva yuridicheskikh lits v Rossii: osnovnyye tendentsii I kvartal 2020 [Bankruptcy of Legal Entities in Russia: Main Trends I quarter of 2020].

- Tsentr makroekonomicheskogo analiza i kratkosrochnogo prognozirovaniya. [Electronic resource]. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/PROM/2020/Bnkrpc-1-20.pdf [in Russian]
- Bobyleva, 2010** – *Bobyleva, A.Z.* (2010). Modernizatsiya instituta bankrotstva kak klyuchevoi faktor povysheniya effektivnosti rynochnoi ekonomiki [Modernization of the institution of bankruptcy as a key factor in increasing the efficiency of the market economy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 3. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-instituta-bankrotstva-kak-klyuchevoy-faktor-povysheniya-effektivnosti-rynochnoy-ekonomiki> [in Russian]
- Chislo predpriyatii-bankrotov..., 2020** – Chislo predpriyatii-bankrotov uvelichilos' v Krasnodarskom krae [The number of bankrupt enterprises increased in the Krasnodar Krai]. [Electronic resource]. URL: <https://kub-inform.ru/news/2020-01-17-chislo-predpriyatii-bankrotov-uvelichilos-v-krasnodarskom-krae/> [in Russian]
- Dannye Mezhhregional'noi inspektsii...** – Dannye Mezhhregional'noi inspektsii № 8 po Krasnodarskomu krayu [Data of the Interregional inspection No. 8 for the Krasnodar Krai]. [in Russian]
- Federal'nyi zakon...** – Federal'nyi zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» [Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)"]. [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ [in Russian]
- Ivanova, 2018** – *Ivanova, S.P. i dr.* (2018). Nesostoyatel'nost' (bankrotstvo) yuridicheskikh i fizicheskikh lits: uchebnoe posobie [Insolvency (bankruptcy) of legal entities and individuals: a tutorial]. M.: Yustitsiya. [in Russian]
- L'vova, 2012** – *L'vova, O.A.* (2012). Bankrotstvo v sisteme rynochnykh otnoshenii [Bankruptcy in the system of market relations]. M., 30 p. [in Russian]
- Makarova, 2008** – *Makarova, E.N.* (2008). Analiz ponyatii «Nesostoyatel'nost'» i «Bankrotstvo» [Analysis of the concept of “Insolvency” and “Bankruptcy”]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. 2. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ponyatii-nesostoyatel'nost-i-bankrotstvo> [in Russian]
- Nalogovyi kodeks RF...** – Nalogovyi kodeks RF ot 05.08.2000 g. №117-FZ [Tax Code of the Russian Federation dated 05.08.2000, No. 117-FZ]. [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ [in Russian]
- Nesostoyatel'nost' po zakonu** – Nesostoyatel'nost' po zakonu [Insolvency under the law]. [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3487123> [in Russian]
- Olinichenko, Kuz'micheva, 2015** – *Olinichenko, K.V., Kuz'micheva, I.A.* (2015). Bankrotstvo predpriyatii i sistema kriteriev ikh neplatezhesposobnosti [Bankruptcy of enterprises and the system of criteria for their insolvency]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 6-2: 318-322. [in Russian]
- Peskov, 2010** – *Peskov, V.V.* (2010). Krizis i bankrotstvo kak ugroza ekonomicheskoi bezopasnosti predpriyatiya v usloviyakh rynka [Crisis and bankruptcy as a threat to the economic security of an enterprise in market conditions]. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-i-bankrotstvo-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiya-v-usloviyah-rynka> [in Russian]
- Postanovlenie Pravitel'stva RF...** – Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29.05.2004 N 257 "Ob obespechenii interesov Rossiiskoi Federatsii kak kreditora v dele o bankrotstve i v protsedurakh, primenyaemykh v dele o bankrotstve" [Resolution of the Government of the Russian Federation of 05/29/2004 N 257 "On ensuring the interests of the Russian Federation as a creditor in a bankruptcy case and in the procedures used in a bankruptcy case"]. [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ [in Russian]
- Radygin, Simachev, 2005** – *Radygin, A.D., Simachev, Yu.V.* (2005). Institut bankrotstva v Rossii: osobennosti evolyutsii, problemy i perspektivy [Bankruptcy institute in Russia: features of evolution, problems and prospects]. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta*. 2. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-bankrotstva-v-rossii-osobennosti-evolyutsii-problemy-i-perspektivy> [in Russian]
- Razmakhova, 2014** – *Razmakhova, A.V.* (2014). Sistema tselei, kriteriev i ogranichenii v otsenke effektivnosti protsedur bankrotstva predpriyatii [The system of goals, criteria and restrictions in assessing the effectiveness of bankruptcy procedures for enterprises]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 8. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/sistema-tseley-kriteriev-i-ogranicheniy-v-otsenke-effektivnosti-protsedur-bankrotstva-predpriyatij [in Russian]

Slepyshev, 2009 – *Slepyshev, V.A.* (2009). Ponyatie i priznaki nesostoyatel'nosti (bankrotstva) [Concept and signs of insolvency (bankruptcy)]. *Vestnik ChelGU*. 36. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-nesostoyatel'nosti-bankrotstva> [in Russian]

V 2017 godu prodano... – V 2017 godu prodano imushchestvo 127 predpriyatii-bankrotov na Kubani [In 2017, the property of 127 bankrupt enterprises in the Kuban was sold]. [Electronic resource]. URL: <https://www.86155city.ru/news/2014689/v-2017-godu-prodano-imusestvo-127-predpriatij-bankrotov-na-kubani> [in Russian]

УДК 336.025

Оценка деятельности налоговых органов в процедурах банкротства организаций

Алла Юрьевна Баранова ^{а, *}, Алина Арутюновна Маркарян ^а

^а Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Когда положение юридического лица достигает критической точки и организация больше не в состоянии рассчитываться по обязательствам перед учредителями, работниками, партнерами и контрагентами, оптимальным вариантом разрешения долговых проблем становится объявление о своем банкротстве. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 29.05.2004 N 257 «Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве» органом, уполномоченным представлять интересы Российской Федерации как кредитора в делах о банкротстве и в процедурах банкротства, является Федеральная налоговая служба России (ФНС). ФНС России осуществляет свои полномочия как непосредственно, так и через территориальные налоговые органы, выполняющие функции уполномоченного органа на основании доверенностей, выданных в установленном порядке. Несмотря на достаточное наличие нормативно-правовых актов по несостоятельности организаций, государство из-за ежегодного увеличения числа банкротств недополучает миллиарды налоговых платежей в бюджет, оставаясь кредитором третьей очереди. В связи с этим оценка деятельности налоговых служб в процедурах банкротства является актуальной.

На основе изучения налоговых органов как кредиторов представлена оценка эффективности их деятельности в процедурах банкротства.

Ключевые слова: банкротство организаций, кредиторы, налоговая инспекция, критерии эффективности.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: baranovalla-77@mail.ru (А.Ю. Баранова)

Copyright © 2020 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2020, 14(3): 263-281

www.vestnik.sutr.ru

UDC 33

Financial Integration and the Growing ECOWAS Nations: Could there be Role for Institutional Quality Variable?

Solomon E. Effiong ^{a,*}, Anna Tizhe ^b

^a Department of Economics, Western Delta University, Benin City, Nigeria

^b Department of Economics, Edo University Iyamho, Nigeria

Abstract

This study examined effects of financial markets integration on economic growth in Economic ECOWAS countries between 1980 and 2018. The study employed Pool Mean Group (PMG) technique for the data analysis. The short-run results of the estimated regression revealed that the effects of financial integration on the economic performances of ECOWAS countries are neither direct nor linear. In long run, as economies persist in increasing number of convergence criteria met, there is tendency for this to translate into economic growth for countries. The effects appear to only be channeled through improvement in the depth of money supplied, based on the integration instrument considered. The study shows essentially that financial integration does not have relevant short-term impacts on financial sectors of member countries of ECOWAS. Seemingly, role of financial integration should be considered from a wider perspective since perceived benefits or otherwise are shown to only be realized in the long run. Relatively, evidence shows that with Nigeria, Ghana and Gambia high level of assets-based integration occurs within the WAMZ region. Financial integration that considers a broad spectrum of convergence among the economies of ECOWAS, without taking into account domestic institutional support, is harmful for long run financial sector development in the sub-region. When we interacted financial integration variables with institutional quality variables, convergence criteria increased by 0.23 %, interest rate gap shrunk to about 0.26 % and share of member countries' financial assets in the region grew by about 0.53 %. For the fact that institutional quality variable was constructed on the basis of impartiality of the legal system and popular observance of the law, it appears that domestic laws in many ECOWAS countries do not favour compliance with convergence criteria. The study submits that a broad-based and well-encompassing integration policy for ECOWAS region should be pursued and aimed at improving member countries' domestic institutions. This is more so because, we found in the study that with improved quality of institutions, the criteria for deeper integration in the region have more chances to be met.

Keywords: financial market integration, economic growth, institutional quality.

1. Introduction

One classic tests on financial integration developed by Feldstein & Horioka (1980) is the saving-investment correlation. It can be used to measure the degree of regional capital segmentation. The authors argued that in conditions of perfect capital mobility and investment opportunities, increasing the saving rate in one region results to an increase in investment in all regions. The Feldstein-Horioka test measure the extent to which high domestic saving rate in a

* Corresponding author

E-mail addresses: soloeffiong@gmail.com (S.E. Effiong), anna24tizhe@yahoo.com (A. Tizhe)

country links with a high rate of domestic investment. Assuming there is perfect capital mobility in the world, there should be no difference between domestic saving and domestic investment, due to the assumption that the saving decision in each country is a response to the worldwide opportunities for investment, and the investment is assumed to be financed by a worldwide pool of capital. We present and discuss below data on domestic saving/investment in the ECOWAS region.

Table 1. Saving and Investment Efforts in ECOWAS 1990 and 2016

Countries	1990			2016		
	Investment rate	Saving rate	Saving per capita	Investment rate	Saving rate	Saving per capita
Benin	15.52	13.48	198.18	24.62	17.44	342.73
Burkina Faso	18.25	14.03	118.44	14.54	7.71	127.93
Cote d'Ivoire	4.85	-0.84	-29.35	19.64	18.53	620.88
Guinea-Bissau	16.18	11.59	164.75	13.04	13.97	223.78
Mali	28.45	11.46	150.28	17.41	10.31	199.91
Niger	11.02	7.35	70.11	39.58	24.10	250.54
Senegal	9.14	1.37	25.14	26.85	21.54	507.38
Togo	15.71	11.00	175.05	27.38	17.65	253.58
The Gambia	5.30	12.30	204.24	18.73	9.84	151.71
Ghana	17.61	14.69	287.82	14.49	7.79	316.61
Guinea	18.88	11.72	166.09	25.24	-6.69	-119.50
Nigeria	12.19	20.22	634.55	12.56	13.23	728.29
Sierra Leone	6.65	-4.58	-82.39	12.50	-9.27	-145.40
Cape Verde	36.96	18.51	467.97	37.03	33.30	2051.24

Source: Authors' compilation with data obtained from IMF Economic Structure Data, 2016

Many African economies record poor growth relative to North America, Europe and the Asian. Why is Africa so much poorer than these continents? What are the constraints that cause slow growth of the economies of SSA, in particular, that of ECOWAS? A common factor may be the low level of capital stock in most of the ECOWAS member countries, which, largely, can be attributed to the binding effect of disintegrated financial markets. The weak macroeconomic indicators for ECOWAS countries could be attributable to a number of external and internal factors, among which includes the inability of some ECOWAS countries to finance economic development from domestic saving. A crucial aspect of this arises from poor saving efforts which have proved to be inadequate to finance required growth. The deficit between domestic saving and investment is assumed to constitute finance from external (international) sources.

Iyoha (2004) linked Africa's poor growth to crude and fragmented financial markets. The author posits that the African financial market is characterized by small size and low depth, which tend to act either individually and collectively to impede output growth in the region. Furthermore, the author concluded that the current structure of the financial markets (in terms of market depth, breadth, size and distribution) appears underdeveloped; as a result, saving-investment-growth linkage remains weak. Likewise, Comincioli (1995) posits that the degree of financial markets' development predict and promote economic activities.

To buttress the impact of the size of financial market on the economic growth of the continent of Africa, the Economic Commission for Africa (ECA) report of 2004 suggests that small population and low income tend to limit the size of Africa's markets. According to the referenced report, out of the 53 countries in the continent, 39 have less than 15 million people, and 21 have below 5 million. Hence, small population, low income and independent financial systems within the continent compound Africa's economic growth problem.

Internally, greater financial markets integration may facilitate efficient mobilization of domestic saving for investment through enhancing financial development. It is therefore not surprising that Sub-Sahara Africa as a whole records slow economic growth comparable to Europe, Asia and North America which has large capital due, perhaps, to the size their financial markets and the degree of financial integration.

In view of rank of economic growth and critical role of financial services sector in the linkage, this study aims to investigate the dynamic effect of financial markets integration in ECOWAS countries and obtain estimates of the potential growth benefits of such integration. The study analyzed the linkage between financial market integration and economic growth in the ECOWAS sub-region. The choice of ECOWAS sub-region for this study is due to existing legal instrument in the form of ECOWAS' treaty of 1975 which provide for economic integration of the sub-region. The study is structured into six sections. In addition to the introduction, next is empirical review of literature followed by discussion of methodology used in carrying out the study. The subsequent section present the data analysis/interpretation of econometric results and thereafter, we have the conclusions.

2. Discussion

We begin with study by Akinlo & Egbetunde (2010) who employed VECM on data for 1980 to 2005 for 10 SSA countries and find that a long-run relationship exists between financial development and economic growth. The causality result was mixed for different countries. Specifically, the study reported that financial development Granger-causes economic growth in Central African Republic (CAR), Congo, Gabon, and Nigeria, while economic growth Granger-causes financial development in Zambia. The study nevertheless, found a bi-directional relationship between financial development and economic growth in the other countries- Chad, Kenya, Sierra Leone, South Africa and Swaziland.

Similarly, Roja & Valev (2004) examined channels through which financial development influence economic growth in a panel of 74 countries between 1961 and 1995. Their finding indicates that financial development has a strong positive effect on productivity and growth more in developed countries, but in less developed countries, the effect is mainly through capital accumulation. Wurgler (2000), noted in his study that financial sector development promotes economic growth through the efficient distribution of existing investment and increase in the efficiency of on-going projects by monitoring such projects as well as lowering information acquisition cost to indigenous firms.

Ogbeide & Igbinedion (2016) investigated impact of financial sector reform on human development in SSA using framework of traditional panel, dynamic panel and causality test with data for the period 1980 to 2012, on a sample of fourteen (14) African countries and employed financial reform index 2010 developed by IMF. The researchers obtained results which showed that financial reforms have a positive and significant effect on human development and hence inclusive growth in the overall SSA countries. Other researchers however obtained different results.

Egwaikhide, Omisakin, Oyinlol & Adeniyi (2016), sought to examine the connection between financial systems development and economic growth in SSA by determining the likely influence of monetary policy on economic growth. Using annual time series data from 28 countries for the period 1996 to 2014, they obtained fixed effects estimation model as well as system generalized method of moments estimators. Egwaikhide et al. (2016) found a fairly broad negative linkage between finance and economic growth in the sample. The same submission was robust for alternative definitions of financial development. The role of monetary policy as an intervening factor in the finance-growth space was insignificant.

Monetary policy indicators, together with their interactions with financial development markers, gave weak growth predictors. Aziokpono (2010) uses co-integration and error correction techniques as well as impulse response analysis to examine the extent of interest rates pass-through and measure the degree of financial integration among countries of the South Africa Customs Union (SACU). The author found that there exist hierarchies of integration of the financial systems of each member state, with that of South Africa playing the dominant role in SACU. The study confirmed the presence of limited arbitrage opportunities between the countries in the union hence prevailing integration between the financial systems is mainly a result of policy convergence than market convergence.

Theoretical Framework and Model Specification

The theoretical proposition of the study is that financial markets in the ECOWAS SSA region depend on each other. This study is based on AK endogenous growth model by Rebelo (1991). The AK-model extends the Solow growth model to include institutions and human capital in a simplistic and practical fashion that abstracts the economic systems of developing countries, and appears to offer a better explanation to the existence and persistence of cross-country income differences. Empirical research evidence on economic performance of developing countries support predictions of AK model.

The model is built upon a constant-returns-to-scale production function whereby output per worker is obtained by dividing both sides of (1) by L to obtain:

$$y = Ak^\alpha \quad (1)$$

Where $y = Y/L$ is output per worker; $k = K/L$ is the capital – labour ratio. Capital accumulation is given by:

$$\dot{k} = sy - (n + \delta)k, \quad [0 < \delta, s < 1; n > 0] \quad (2)$$

Where s denotes the saving rate, n is the exogenous rate of population growth and δ , the rate of depreciation of physical capital. Equation (2) contains equilibrium in the goods market, the equality of investment and saving, $I = sy$. Suppose that A is constant over time, substituting equation (1) into (2) and divide through by k to obtain the growth rate of the capital stock per unit of labour, g_k thus:

$$g_k \equiv \frac{\dot{k}}{k} = sAk^{\alpha-1} - (n + \delta) \quad (3)$$

and therefore, the growth rate of output per worker as:

$$g_y \equiv \frac{\dot{y}}{y} = \frac{\alpha k Ak^{\alpha-1}}{Ak^\alpha} = \alpha g_k \quad (4)$$

The theory of falling marginal returns to capital causes the saving curve ($sAk^{\alpha-1}$) to be negatively sloping. If technology grows at a constant rate, the model explains that output per effective worker and capital to effective labour ratio are all constant and proportional to the rate of technological progress.

The saving rate therefore affects positively level of per capita income in steady-state. This implies that countries with similar production technologies, equivalent saving rate and population growth rate should converge to the common steady-state per capita income. This convergence property means that poor countries with relatively low standard of living and a lower capital/labor ratio will grow faster during transition period.

Ultimately, both economies will arrive at the same level of capita income. Convergence happens because of diminishing marginal returns to capital. Successive additions to the capital stock results to large increases in output when the capital stock was small. The reverse applies when the initial capital stock is large.

In order to facilitate the objective of our study, we employed a panel co-integration analysis to evaluate the level of co-integration vectors of the ECOWAS financial market. The measure of the dependence is based on the relationship between each country's share of asset as a ratio of the regional total and a spread between a country's interest rate, and a computed ECOWAS average which we name as 'Interest Rate Gap'. In econometric form, the model is expressed thus:

$$FM_{eco_t} = \alpha + \beta FM_{i,t} + \varepsilon_t, \quad [t = 1, \dots, T] \quad (5)$$

Where FM_{eco_t} is financial market indicator for the ECOWAS region (measured as the average regional Asset (credit to GDP ratio) in year t ; $FM_{i,t}$ is the share of a country's asset or financial market indicator for a given country, and ε_t is the error term.

In order to conduct the co-integration test, the EG two-stage co-integration test technique is employed. This test involves estimation of equation (5) using the OLS technique, then the error term is obtained. A further check for stationarity is conducted on the estimated error term. If the error term is stationary, (i.e., $I[0]$), then there is co-integration between FM_{ECO} and FM_i for the individual countries. The stationarity or unit root test uses the pth order augmented DF regression method (see Baltagi, 2013), given as:

$$\Delta y_{it} = a_i + b_i y_{i,t-1} + c_i t + \sum_{j=1}^p d_{i,j} \Delta y_{i,t-j} + u_{it} \quad (6)$$

Where y_{it} is the regressand and $x_{j,it}$ the jth regressor, u_{it} are stochastic process. The variables for this model are financial market indicators as interest rate spread and the ratio of claims of banks to the private sector to GDP.

The realization of the simultaneous relationship between financial integration and economic growth with financial sector development as state variable implies OLS estimation of economic growth equation gives inconsistent results. ECOWAS member countries are likely to exhibit cross-section dependence in the panel dataset which introduces complexity in estimation and inference and thus renders familiar techniques (OLS, FGLS) inefficient. The study adopted the use of fixed effect within group model for the estimation.

Exploring a dynamic strategy in order to determine the long run effects of financial integration on economic growth with cross section heterogeneity. The heterogeneity arises as a result of country-specific factors since such factors could play critical roles over the time period.

In what follows, the expanded ARDL model is used to capture the long run relationship between economic growth and financial integration. This is so specified:

$$\begin{aligned} \Delta pcyg_t = & \alpha_0 + \phi pcyg_{t-1} + \delta_1 fint1_{t-1} + \delta_2 fint2_{t-1} + \delta_3 savr_{t-1} + \delta_4 instQ_{t-1} \\ & + \sum_{i=1}^{p-1} \psi_i \Delta pcyg_{t-i} + \sum_{i=1}^{q_1-1} \varphi_1 \Delta fint1_{t-i} + \sum_{i=1}^{q_1-1} \varphi_2 \Delta fint2_{t-i} + \sum_{i=1}^{q_1-1} \varphi_3 \Delta savr_{t-i} \\ & + \sum_{i=1}^{q_1-1} \varphi_4 instQ_{t-i} + \xi_t \quad (7) \end{aligned}$$

Note that: *pcyg* is growth rate of real *GDP*, *savr* is saving rate (inclusive of private sector saving and public sector saving), and *instQ* represent institutional quality, *fint1* is financial integration using interest rate measure, and *fint2* is financial integration using ratio of regional assets and liabilities to total foreign assets and liabilities of a given country. To provide robustness and exploit additional information in cross-sectional dimension of our data, we study employed three panel data unit root tests, each having the general form as:

$$\begin{aligned} \Delta q_{it} \equiv & a_i + \alpha q_{it-1} + \Delta y_{it} = a_i + \alpha q_{it-1} \\ & + \beta_i t + \sum_{j=1}^p \varphi_{ij} \Delta q_{it-j} + \epsilon_{it} \quad (8) \end{aligned}$$

Where the subscript $i = 1, 2, 3, \dots, N$ indexes the countries, q_{it} is the regressand and $x_{j,it}$ is the jth regressor; α is the indicator of serial correlation, ϵ is assumed a white noise term. The CIPS statistics was obtained as follows:

$$CIPS = \frac{1}{N} \sum_{t=1}^N \tilde{t}_i \quad (11)$$

Where \tilde{t}_i is the OLS t-ratio of α_i in the DF regression equation, augmented with the cross-section averages \bar{y}_{t-i} and $\Delta \bar{y}_{t-j}$, for $j=0, \dots, p$. The CIPS tests the unit root hypothesis when a factor structure is considered. Monte Carlo experiments have shown how robust the CIPS statistics is in the presence of other cross-section dependence like the spatial autoregressive process (Paseran, 2007) that may be present in the panel data set. Two other panel root tests, proposed by Breitung (2000) and Levin, Lin, and Chu (2002), were employed for additional robustness check.

In this study, we tested for the existence or otherwise of long-run relationship between economic growth and financial integration as well as the interaction between financial integration and financial development variables of the model, with and without controlling for institutional quality. The co-integration test involves computing the residual-based DF and ADF of the variables of the model as in Kao (1999).

The Kao panel co-integration assumes a homogenous panel, with identical co-integrating vectors among the countries. The assumptions of homogeneous co-integrating vectors and AR coefficients, lack of multiple exogenous variables in the co-integrating vector, and the existence of multiple co-integrating vector constitutes a draw-back which makes it unsuitable for application in empirical study of this nature. To overcome these seemingly unrealistic assumptions for a study involving several countries in the ECOWAS sub-region, we applied the Pedroni (2000, 2004) tests which allows for considerable heterogeneity in the panel data.

The Pedroni tests assume trends for the cross-sections and consider the null hypothesis of no co-integration in panel data. These tests allow multiple regressors for the co-integration vector to vary across different sections of the panel as well as heterogeneity in the error term. The Pedroni panel regression model has the following form:

$$Q = \alpha_i + \delta_t + \sum_{m=1}^M \beta_{mi} X_{mi,t} + u_{it} \quad (12)$$

Seven different co-integration statistics is used to capture within and between effects in panel. The statistical tests can be classified into two categories: The first category includes four tests based on pooling along the 'within' dimension (pooling the AR coefficients across different sections of the panel for the unit-root test on the residuals). This is also known as first generation statistical test.

Definition of Variables and Sources of Data

Financial Integration Measures: In this study, one of the financial integration measures used is interest rate spread. A simple average interest rate for the sub-region (BN_{eco_t}) was calculated and serves as the benchmark for which each country's interest rate is measured. The difference between the benchmark and individual country's rate is the "Interest rate gap" denoted as ($BN_{i,t}$) for each country per time. The lesser the gap between benchmark (BN_{eco_t}) and domestic country rate ($BN_{i,t}$), the stronger the level of integration among the financial markets.

Another measure of financial integration is an ordinal variable that measures the number of integration criteria met in terms of integration in the ECOWAS sub-region. We called this variable the convergence index. This convergence process was initiated by the West African Economic and Monetary Union (WAEMU) and was later absorbed and incorporated into the ECOWAS protocols as the convergence and macroeconomic stability pact, tagged, "ECOWAS Monetary Cooperation Programme (EMCP)".

The resolve of the convergence criteria is thus to materialize this requirement (ECA, 2014). The convergence pact indicates the formal commitment made by ECOWAS Member States to deepen economic integration in the sub-region. The convergence mechanism for the community comprises eleven criteria, with four primary and seven secondary as shown in Table 2. More criteria met by a country indicate better integration of that country within the sub-region.

Table 2. Convergence Index for the Economies of West Africa

Primary criteria	
i.	Annual inflation rate $\leq 5\%$
ii.	Budget deficit in % of nominal GDP (including grants) $\leq 3\%$
iii.	Funding by the central bank of the budget deficit in relation to the fiscal revenues of the previous year $\leq 10\%$
iv.	Gross external reserves ≥ 6 months
Secondary Criteria	
v.	Non-accumulation of domestic and external arrears under current management.
vi.	Ratio of wage bill over fiscal revenues $\leq 35\%$
vii.	Ratio of public investments financed on internal resources in relation to fiscal revenues $\geq 20\%$
viii.	Rate of fiscal pressure $\geq 20\%$
ix.	Real interest rate $> 0\%$
x.	Stability of the nominal exchange rate (+/- 10%)

Source: ECA, 2014

Other financial integration variables used in the study include extent of capital account openness (measured by the indicator of capital account openness formulated by Chinn and Ito (2006), and ratio of a country's external central bank assets to that of ECOWAS regional total).

Financial Development Measures: Broad money to GDP ratio (myr): A measure that relates to size of the financial sector in the economy. It is based solely on Liquid Liabilities (or broad money) and it captures the size of financial system (also called "financial depth").

Economic Growth variables: This is real income level in the economy which shows the basic structure of an economy in terms of aggregate income levels. We used the growth rate of real per capita GDP ($pcyg$). The lagged real gross domestic product ($rgdp$) variable as demonstrated in Forbes (2000); Bond, Hoeffler & Temple (2001); Gallo (2003) indicates the initial economic condition of a country.

Institutional variables: Institutional factors are included in the estimation of equation to observe the effects of institutional quality, political commitment, and political willingness on deepening economic integration in the ECOWAS bloc. The institutional variables are investment profile to capture the general respect to the rule of law as opposed to arbitrariness or discretionary behavior in a country, government stability and rule of law (to capture strength and capacity of political institutions, as measured by the International Country Risk Guide (ICRG) with a scale of 1-12 for investment profile and government stability and 1-6 for Law and order. In each of these institutional variables, lower ratings are given to countries where the quality is low, with higher tendencies for political risks.

Panel data involving annual values ECOWAS countries were used in empirical analysis. The data were obtained from World Bank's world development indicators; IMF financial structure database; UNCTAD world investment report database; and West African Monetary Agency (WAMA) panel database for ECOWAS countries. The empirical analysis covers a 38-year period, 1980 to 2018 and that gave rise to 570 balanced panel observations.

3. Results

Analysis of Correlation between Variables

In order to further understand the pattern of interactions among the variables in the study, we carried out correlation checks. This analysis was aimed partly to examine the extent of multicollinearity among the explanatory variables of the models which can provide initial indications with respect to the efficiency of the estimators used in the study. Table 3 below provides the correlation matrix.

All the variables have either low or negative correlation with one another, which suggests the absence of multicollinearity in the estimated models. The results also show a strong positive correlation between money supply to GDP rate among the countries. There is positive correlation between criteria met and both financial development variables, though only that of money supply is significant. This implies that rising financial development moves in the same direction with number of convergence criteria met among ECOWAS countries. Interest rate gap has negative correlation with both financial development indicators and with other integration variables. Asset size and capital account openness also have negative correlation with the financial development indicators.

Table 3. Correlation Matrix of the Explanatory Variables in the Model

Variable	PCYG	MYR	CRITERIA	FINT	INTR_GAP	KAOPEN	SAVR	GOVSTAB	INVST_PROF	LAW_ORDER
MYR	0.44 (0.00)									
CRITERIA	0.14 (0.19)	0.28 (0.01)								
ASSET	-0.06 (0.57)	-0.49 (0.00)	0.42 (0.00)							
INTR_GAP	-0.18 (0.11)	-0.35 (0.00)	-0.64 (0.00)	-0.06 (0.61)						
KAOPEN	-0.05 (0.66)	-0.05 (0.64)	0.21 (0.06)	0.21 (0.05)	-0.14 (0.20)					
SAVR	-0.14 (0.21)	-0.30 (0.00)	0.08 (0.45)	0.52 (0.00)	0.07 (0.51)	0.29 (0.01)				
GOVSTAB	-0.20 (0.06)	-0.23 (0.04)	-0.51 (0.00)	-0.15 (0.19)	0.35 (0.00)	0.04 (0.74)	0.14 (0.22)			
INVST_PROF	0.16 (0.14)	0.28 (0.01)	-0.41 (0.00)	-0.39 (0.00)	0.42 (0.00)	-0.27 (0.01)	-0.15 (0.18)	0.31 (0.00)		
LAW_ORDER	0.03 (0.80)	0.11 (0.32)	-0.01 (0.92)	-0.31 (0.00)	-0.22 (0.05)	-0.13 (0.24)	-0.61 (0.00)	-0.05 (0.67)	-0.01 (0.94)	
CPI	0.35 (0.00)	0.70 (0.00)	0.33 (0.00)	-0.23 (0.04)	-0.41 (0.00)	-0.38 (0.00)	-0.13 (0.23)	-0.17 (0.13)	0.07 (0.54)	0.12 (0.28)

Source: Author's computation (2019)

Analysis of Cross-section Dependence Test

Prior to testing for main time series properties of the datasets, we examined presence (or otherwise) of cross-section dependency in our dataset. The tests allow us to disentangle crucial features of the relevant variables particularly interaction between cross-sectional units data. Notice that presence of cross-section dependence within framework of our dataset (which are based on financial sector indicators) is highly likely. This is because financial markets in the ECOWAS sub-region tend to respond to similar baseline conditions in terms of performance of economies even though responses may be in a heterogeneous manner, i.e., according to their institutions and to their fiscal framework.

Moreover, the interdependencies of ECOWAS member countries are likely to present spatial autoregressive processes. The issue of dependence across the countries is investigated by implementing the most commonly used test for cross section dependency (Pesaran, 2004; Pesaran, 2007). Given that the number of cross-sectional units in this study is larger than the time period ($n > 504$ and $T = 38$), the standard Breusch & Pagan (BP) (1980) LM test for cross-equation correlation is not appropriate for testing cross-sectional dependence in the model (Baltagi et al., 2012).

Therefore, cross-sectional dependence (CD) test developed by Pesaran (2004) which uses a pair-wise average of a sample correlation to test existence of cross-sectional dependence is adopted for the study. Unlike traditional BP LM test, CD test is suitable for a large number of cross-sectional units (n) observed over T time periods.

The results of cross-section dependence test are reported in Table 4. From the result, it is seen that the Pesaran CD test for one of the growth equations fails the significance test at the 5 % level, suggesting the absence of cross-sectional dependence for the estimation structure. For the other equations, the presence of cross-sectional dependence can be observed from the significant Pesaran CD values. Based on the results in Table 4, the hypotheses of cross-section independence of the variables can hardly be rejected.

Table 4. Cross-section Dependence (CD) Test Results

Variables series tested	pesaran CD	p-value	abs corr
Growth-myr equation	1.718	0.086	0.144
Financial dev- financial int equation (myr)	21.324	0	0.541

Source: Authors' computations

Apparently, CD test results in Table 3 reject the null of lack of cross-section dependence further informed our choice of estimating the co-integration results using PMG. The presence of cross-sectional dependence does not nevertheless render estimations inefficient because sources of dependence are accounted for in estimation procedure in this study; heterogeneous socio-economic structure of different economies calls for an estimation procedure which allows for slope heterogeneity across panel units. The co-integrated regressions which incorporated fixed effects accounts for structural differences among the countries (Beqiraj et al., 2018). Apparently, CD test results in Table 4 reject the null of lack of cross-section dependence informed our choice of estimating co-integrating relationships in the presence of cross section dependence.

Table 5 assessed quality of institutions in ECOWAS region using some international country risk guide indicators as measures of institution. This gives some background to determine if countries with relatively better institutions will perform better in terms of financial integration, financial development and economic growth. The study used 'law and order', 'government stability' and 'investment profile' as measures of institutional environment. Law and order explains the general respect to "rule of law" as opposed to "rule of thumb" or discretionary behavior; government stability captures degree of stability and consistency in the policy environment, while investment profile explains the bureaucratic and legal huddles that an entrepreneur has to overcome in order to establish a business and the efficiency of a country's contract enforcement process.

As observed in Table 5, Cape Verde, Gambia, Burkina Faso and Sierra Leone, in that order, are only countries that averaged 3 and above a scale of 1 to 6. The countries that scaled up to 3 seem to have a predictable prevalence of the law over discretionary behavior; the low standard deviations associated with respective means imply that uncertainties associated with investment in these countries can be

mitigated at calculated risk. But the entire sub-region has an average of 2.76 in Law and order. This indicates general weak legal and regulatory environment in the ECOWAS countries.

Similar pattern is observed with investment profile as a measure of institutional environment. From Table 5, only Cape Verde, Senegal, Gambia, Burkina Faso and Sierra Leone appear to have relatively efficient contract enforcing processes. This variable accounts for the evolution of contract dispute, duration or time from complaint to resolution, cost and number of procedures involved from the filing of lawsuit to determination of dispute. Lower rank represents poor contract enforcement and weak institutions, and vice versa. From Table 5 majority of ECOWAS countries are poor on this rating.

The political environments in the region, captured by government stability, appear stable and devoid of policy reversals going by the mean value of 6.91 and the low associated standard deviation. This should be a positive attraction to long term-investment. Overall, on basis of combined effects of three measures highlighted, institutional environment in ECOWAS is relatively weak. Entrepreneurs (particularly foreign investors) are averse to weak/unsafe investment environment. Respect for 'law & order' as well as contract enforcement process in most of ECOWAS countries have to improve; in doing so, the quality of institutions will improve.

Table 5. Descriptive statistics of the quality of institutions per country in the ECOWAS

Country	law		government stability		investment profile	
	mean	std. dev.	mean	std. dev.	mean	std. dev.
Benin	2.51	1.08	6.39	1.48	3.63	1.82
Burkina Faso	3.29	0.48	6.77	2.08	6.66	2.20
Cape Verde	4.21	0.65	8.32	1.67	9.21	1.81
CIV	2.94	0.51	6.82	1.72	6.17	1.37
Gambia	3.85	0.67	7.00	2.78	6.87	1.82
Ghana	2.20	0.74	7.42	1.94	6.58	2.09
Guinea	2.73	0.28	6.81	2.18	5.16	1.47
Guinea-Bissau	1.45	0.82	5.54	2.01	5.82	1.17
Mali	2.66	0.49	6.81	2.35	5.88	1.91
Niger	2.54	0.84	6.41	2.19	5.63	2.03
Nigeria	1.92	0.75	6.62	1.75	5.59	0.80
Senegal	2.58	0.52	8.11	1.57	7.05	0.96
Sierra Leone	3.13	0.58	6.65	3.25	4.61	2.00
Togo	2.58	0.56	7.07	2.40	6.45	1.06
All	2.76	0.95	6.91	2.23	6.09	2.07

Source: Authors' computations

Empirical Results and Analysis

This section presents and discusses results of estimation of models of this study. Co-integration tests results are reported in Table 6. The results shows outcome of Trace test on co-integration between an ECOWAS benchmark interest rate and those of countries in ECOWAS and for total assets of ECOWAS and that of external assets for individual member countries.

From Table 6 it can be seen that no co-integrating vector was found for tests for most of countries in both categories. For asset shares, only Gambia, Ghana, Guinea and Nigeria indicated a form of co-integrating vector, which shows that these are only countries than can be said to be more co-integrated within the ECOWAS sub-region. Note that three of the countries, Nigeria, Ghana and Gambia are in WAMZ group, thereby suggesting that a high level of assets-based integration occurs within WAMZ region. For interest rate gap, only Senegal exhibited any form of co-integration. The general result from the test is that financial co-integration is still currently low among ECOWAS countries.

Table 6. Test for Financial Integration among ECOWAS Countries

Countries	Assets			Interest rate		
	coefficient	critical val. (95%)	co-integrated?	coefficient	critical val. (95%)	co-integrated?
Benin	12.11	15.49	no	7.30	15.49	No
Burkina Faso	11.50	15.49	no	6.94	15.49	No
Cape Verde	13.40	15.49	no	6.44	15.49	No
CI V	15.49	15.49	no	13.40	15.49	No
Gambia	18.38*	15.49	yes	9.77	15.49	No
Ghana	22.87**	15.49	yes	10.62	15.49	No
Guinea	17.94*	15.49	yes	9.08	15.49	No
Guinea-Bissau	12.06	15.49	no	13.83	15.49	No
Mali	10.37	15.49	no	8.34	15.49	No
Niger	8.65	15.49	no	11.01	15.49	No
Nigeria	20.22**	15.49	yes	6.85	15.49	No
Senegal	12.21	15.49	no	29.22**	15.49	Yes
Sierra Leone	12.23	15.49	no	9.11	15.49	No
Togo	11.02	15.49	no	6.25	15.49	No

Source: Authors' computation

Note: ***, **, * indicates the 0.01, 0.05 and 0.10 level of significance, respectively

Evidence-based Discussion of Financial Integration and Financial Sector Development

Given the presence of cross-sectional dependence as determined earlier and the mixed order of co-integrating vectors in the relationships among the countries in the study (as seen in Table 4), a time-fixed effect is incorporated into the PMG estimation using a trend indicator in the $I[0]$ fixed exogenous component.

As suggested by Zieseimer (2012) and Roodman (2009) incorporating the time-fixed effects will limit the effects of cross-section dependence in the estimates. The results in this section are estimated using the Pooled Mean Group (PMG) methodology which panel data components. The results are therefore reported in line with the PMG outputs which do not indicate the coefficient of determination nor other basic goodness of fit characteristics of the entire estimates. Rather, results report mean of dependent variables in relation to standard error of regression which demonstrates explanatory capability of the estimated models.

Table 7 presents the result of the effects of financial integration on financial development (measured as money supply to GDP ratio). From this analysis, inferences can be made about the pattern of indirect effects that financial integration could have on economic growth and overall performance for the countries in the sub-region. It should be noted that financial integration is included on its own and as an interaction term with institutional quality in the equations.

Table 7. Financial Integration and Financial Development

Variables	Dep var = log of m2gdp					
	without control for institutional quality			with control for institutional quality		
	criteria index	interest gap	assets	criteria index	interest gap	assets
Long-run estimates						
FINT	-0.338***	0.001	-4.450	1.947***	-0.181***	1.863***
FINT*I	--	--	--	-0.225***	0.026***	-0.529***
LGDP	-1.430**	1.477**	-9.398	-1.244	1.230***	1.341
OPEN	0.051	-0.247	-1.853	-0.871***	0.060	-0.950***

GOVSTAB	0.304***	0.283***	-0.949	1.331***	0.068**	0.276**
INVST_PROF	-0.081**	0.075	3.846	0.162**	-0.052**	0.292*
Short-run estimates						
ECM _{t-1}	-0.053***	-0.050***	-0.002	-0.040***	-0.055*	-0.025*
ΔFINT	-0.028	-0.001	0.111	-0.068**	-0.003	0.152*
ΔFINT _{t-1}	-0.018	-0.011	0.135	-0.001		0.129
ΔFINT*I	--	--	--	0.009*	0.001	-0.007
ΔFINT*I _{t-1}	--	--	--	0.000		0.001
ΔLGDP	-0.082	0.320	-0.182	-0.031	0.008	-0.259*
ΔLGDP _{t-1}	0.027	0.458	0.156	0.131		-0.035
ΔOPEN	0.030	-0.116	0.008	0.085	-0.029	0.058
ΔOPEN _{t-1}	0.097	0.046	-0.050	0.152*		-0.023
ΔGOVSTAB	-0.028	-0.002	-0.003	-0.067*	-0.011	-0.029
ΔGOVSTAB _{t-1}	-0.008	-0.009	-0.009	0.001		0.012
ΔINVST_PROF	0.035	-0.007	-0.012	0.021	0.010	-0.005
ΔINVST_PROF _{t-1}	-0.004	0.005	-0.013	-0.028*		-0.019
Constant	0.612***	-0.512***	0.117	-0.012	-0.316*	-0.290
Mean dep. Var	0.029	0.029	0.029	0.029	0.031	0.029
S.E. of regression	0.218	0.198	0.147	0.220	0.211	0.134

Source: authors' computation.

Note: ***, **, * indicates the 0.01, 0.05 & 0.10 level of significance, respectively

The table reports two panels of long run estimates (upper panel) and the short run estimates along with the co-integrating terms (lower panel). The result shows that the standard error of regression is relatively low and indicates impressive explanatory power of the model equations. The short run estimates for relationship are not quite significant in terms of their coefficients which all failed test at 5 % level, except for those of financial integration measured by convergence index and regional asset shares, financial openness and government stability. The short run results therefore indicate that essentially, financial integration does not have relevant short-term impacts on financial sectors of member countries of ECOWAS.

Apparently, role of financial integration should be considered from a wider perspective since perceived benefits or otherwise are shown to only be realized in the long run. However, the result also shows that the more the number of convergence criteria met by ECOWAS countries, the less will be the size of the financial sector; while more share of regional assets by a country leads to increased financial development in the short run for the countries. The significance at 10 % of the interaction term for the convergence index indicator of financial integration shows that with better institutions, the short run effects of increased criteria-met or convergence index will be positive on financial sectors.

The coefficients of ECM for each of estimates in Table 6 had expected negative sign and are mostly significant at 1 % level (except that of the equation with asset shares). The significant and negative coefficients indicate that the financial sectors possess capacity for restoring long run stability following any short run deviation of the system from equilibrium. The coefficients of ECM term are however low for each estimate, with largest value at -0.055, which indicates that less than 5 % of long run adjustments to equilibrium is completed within first year for each equation. This shows that financial integration possesses only peripheral influences in long run stability of financial markets in ECOWAS.

Also, long run results provide more implications for the relationship since integration activities have more long term implications for any group of countries (Adegboye et al., 2019). The result shows that of convergence index (i.e. number-of-criteria-met) at any given period has a significant negative impact on financial depth among countries in long run (when institutional factors are not accounted for). This indicates that financial integration that considers a broad spectrum of convergence among the economies in ECOWAS, without taking into account domestic institutional support, is harmful for long run financial sector development in the sub-region.

Nonetheless, when the results with control for institutional quality are considered, it can be seen that coefficient of financial integration measured by convergence index now has a significant

positive impact on financial depth for the sub-region, with a very high coefficient of 1.947. This result clearly shows that effect of a broad-based and well-encompassing integration move for a country on the financial sector may only be beneficial when domestic institutional setups are put into consideration. From another perspective, the result suggests that institutional quality actually enhances the impacts of financial integration on domestic financial markets among ECOWAS countries. The coefficient of the interaction term is however negative, demonstrating the moderating role of institutions on desire for more integration within a country.

With institutional quality influences, the coefficients of both interest rate gap and asset shares in the region become significant, though the coefficient of interest rate gap is negative. This indicates that more smoothening of interest rates among the countries has deleterious long run impacts on the financial sector for each country. This outcome can be easily rationalized and evaluated considering the wide gap that exists between financial markets of different countries in the sub-region. It should be noted that interest rate management measures the degree of efficiency of the financial markets. Seemingly, smaller markets which are many in ECOWAS tend to be less efficient therefore making interest rate-based integration a rather unfavourable outcome on financial markets of the bigger economies.

The result however shows that interaction of interest rate gap with institutional quality actually produces long run negative impacts on financial depth for the countries. This is actually a beneficial effect considering that a narrowing gap is what is expected for financial integration. Consequently, there is clearly a need for effective adjustment mechanisms to be provided by domestic institutions in order to accommodate interest rates smoothening across the entire sub-region. The coefficient of share of assets in the regional pool is significant and positive, which shows that under control for institutions, integration that is based on asset shares does have significant positive impact on financial depth. The result shows that in the long run, a 1 % rise in the asset share of a country can lead to up to 1,8 % increase in financial development for the country.

The results in Table 6 likewise show that GDP per capita promotes financial development as expected. Improvement in economic performance generally tends to stimulate aggregate demand which has strong linkages to the monetary base of the economy. Thus, when ECOWAS economies perform well, even the challenge of informality in the financial markets can be more easily addressed. Surprisingly, financial openness is shown to exert negative influences on financial depth, suggesting that more overall openness tends to hurt domestic financial markets among the countries. Institutional quality, however, mainly have positive coefficients, which show that better institution promotes financial development in the sub-region.

Short run results of Table 8 show coefficient of MYR is significant and negative in each of the equations, suggesting that financial depth limits growth in the short run. The coefficients of ECM term had correct negative signs and are all significant at the 1 % level. The values are however low, which suggest that adjustment to long run equilibrium is very slow. The result also shows that financial integration interaction with financial development does not significantly affect short run economic growth in ECOWAS.

Table 8. Financial Integration and Economic Growth

Variables	Measure of financial integration			
	asset	criteria index	k account	interest gap
Long-run estimates				
LMYR	0.520***	0.994***	0.660***	0.541***
FINT	-0.414***	0.173**	--	-0.073*
M2*FINT	0.135***	-0.054**	-0.021	0.034**
LSAVR	0.101***	0.101***	0.087***	0.042***
GOVSTAB	-0.003	0.030***	0.023**	0.040*
INVST_PROF	0.079***	0.048***	0.050***	0.079***
LAW_ORDER	0.034	0.026	-0.005	0.117**
Short-run estimates				
ECM _{t-1}	-0.078***	-0.069***	-0.078***	-0.048***
ΔLMYR	-0.127***	-0.150**	-0.103***	-0.123***
ΔFINT	0.066	-0.018	--	0.009

$\Delta M_2^* FINT$	-0.014	0.004	0.000	-0.004
$\Delta LSAVR$	0.006	0.004	0.005	0.000
$\Delta GOVSTAB$	-0.001	-0.002	-0.003	-0.001
$\Delta INVST_PROF$	0.003	0.005	0.004	0.005
ΔLAW_ORDER	0.004	0.009	0.008	0.010
Constant	0.397***	0.249***	0.368***	0.213***
Mean dependent var	0.006	0.006	0.006	0.006
S.E. of regression	0.043	0.043	0.043	0.043

Source: authors' computation.

Note: ***, **, * indicates the 0.01, 0.05 and 0.10 level of significance, respectively.

For the long run results, the results show that the coefficients of money supply ratio in each of the equations have become positive in the long run, though they were negative in the short run. In particular, coefficients of financial integration on their own offer certain important implications. In long run, coefficient of number of conditions met becomes positive and shows that as economies persist in increasing the number of convergence criteria met, there is tendency for this to translate into economic growth for countries. That of regional assets share is negative and indicates that more financial integration in this direction would lead to lower growth rates in the economies. The coefficients of number of criteria index and that of interest rate gap however show favorable outcomes that indicate more integration of financial markets along convergence and interest rate harmonization that leads to long run growth in economy. Again, this result emphasizes precarious position of acquiring larger eternal assets that may endanger domestic resource availability and use and, in turn, hinder long term growth prospects.

The results of interaction terms are rather interesting to note. For instance, coefficient of interaction between financial development and share of regional assets is positive even though the coefficient of the financial integration variable is negative. Thus, it is seen that when a country expands its share of regional assets and also seeks to deepen domestic financial markets, the resultant effect on the economy is long run growth. Relatively, interaction of financial depth with criteria index led to a significant negative impact on growth. The result is rather appalling and shows a country with a deep financial market which seeks to expand its commitment to regional convergence may actually experience slower economic growth. The coefficient of interaction between interest rate gap and market depth is also unfavorable, suggesting that such interaction tends to weaken growth over time.

In [Table 9](#), result of effects of financial integration on economic growth while using money supply as measure of financial development. Money supply to GDP ratio is significant and negative in each equations, suggesting that whether financial integration is controlled for or not, financial depth in economies lead reduction in economic growth in the short run. Hence, immediate impact of financial deepening in many ECOWAS countries is to reduce output growth per head.

In the short run results, coefficient of financial integration was only significant for the assets share measure which passed the significance test at the 5 % level. The coefficient is positive and shows that even in the short run, financial integration presents favourable impacts on the economies of ECOWAs countries. Integration (in terms of increased external asset shares) by 1 % leads to a 0,013 % rise in GDP per capita for the economies. The short run results also show that savings rate stimulates economic growth in the short run, while institutional quality has no significant impact on the economy within the short term.

The coefficients of ECM for each estimates in [Table 8](#) had expected negative sign and are all significant at the 1 % level (except that of the equation with asset shares). This output indicates that any short term deviation of the economy from long run equilibrium will inherently be restored on the basis of interactions of financial integration and development. The coefficients of the ECM terms are however quite low for each of the estimates, with the largest value at -0.085. These indicate that less than 8 % of long run adjustments to equilibrium in the economies is completed within the first year for each equation. This shows that financial integration and financial development actually possess only little power in driving long run long run stability of the economies of ECOWAS countries.

Table 9. Financial Integration/Development and Economic Growth

Variables	<i>Measure of financial integration</i>				
	baseline	assets	criteria	k account	interest gap
Long-run estimates					
LMYR	0.731***	0.615***	0.777***	0.746***	0.613***
FINT	--	-0.032***	-0.002	-0.046	0.027***
SAVR	0.080	0.147**	0.059	0.079	0.042***
GOVSTAB	0.035***	0.000	0.050***	0.035***	0.068***
INVST_PROF	0.059***	0.089***	0.045***	0.054***	0.097***
LAW_ORDER	0.041	-0.020	0.056	0.037	0.121**
Short-run estimates					
ECM _{t-1}	-0.064***	-0.085***	-0.060***	-0.065***	-0.044***
ΔLMYR	-0.097***	-0.108***	-0.101***	-0.092***	-0.092***
ΔFINT	--	0.013**	-0.002	-0.006	-0.002
ΔSAVR	0.129**	0.138***	0.135***	0.131***	0.001
ΔGOVSTAB	-0.003	-0.001	-0.004	-0.003	-0.002
ΔINVST_PROF	0.004	0.001	0.004	0.005	0.004
ΔLAW_ORDER	0.009	0.008	0.010	0.011	0.014
Constant	0.288***	0.442***	0.258***	0.287***	0.168***
Mean dep. Var	0.006	0.006	0.006	0.006	0.006
S.E. of regression	0.044	0.043	0.044	0.044	0.043

Source: authors' computation.

Note: ***, **, * indicates the 0.01, 0.05 and 0.10 level of significance, respectively

The results for long run relationships are more relevant in this study and are reported in the upper panel of the Table. The second column in the Table reports the baseline estimation for the role of financial development on economic growth, without controlling for the effect of financial integration. In the long run results, the coefficient of the financial development variable is positive and passes the significance test at the 1 % level. This shows that financial depth in the economy through money supply penetration has significant positive impact on economic growth among ECOWAs countries in the long run. It should be noted that the short run coefficient was negative and significant.

From the result, it is seen that a 1 % rise in monetary penetration in the economies leads to a 0.731 % rise in per capita GDP among the countries. This is quite a large elasticity coefficient and indicates that money penetration has a central role in stimulating the growth of economies within the ECOWAS sub-region. This outcome suggests that it is sustained deepening of the financial markets that deliver growth-enhancing effects on the economy. This implies that central banks in the ECOWAS region must learn to maintain consistent positions over longer periods in terms of the monetary base and the size of money supply in order to achieve reasonable growth prospects in the long run.

The coefficient of savings rate fails the test at the 5 % level, while those of two of institutional quality variables passed the test at 1 % level and show that improved institutions among the ECOWAS countries tend to lead to improvement in economic growth in long run. It should be noted that effects of financial development on growth remained positive even when integration variables were included in the equations, although the coefficient of financial development slightly declined when asset shares and interest rate gap were used as proxies for integration. This implies that with greater integration, especially involving larger shares in regional assets and synchronization of interest rates among the ECOWAS countries, the role of financial sector in growth tends to decline. The coefficients of financial integration variables are again mixed in the long run results. The coefficients of measures using number of criteria index and capital account openness fail significance tests at 10 % level.

The coefficient of asset shares which was positive in short run estimates is negative in long run result. This implies that continued focus on boosting external asset holdings of central banks in ECOWAS region may actually limit growth in long run. Consider that coefficient of asset shares in the region was negative in long run estimates for credit supply. Thus, it can be seen that over bloating of external assets in order to meet ECOWAS integration conditions may hurt domestic credit supply and ultimately reduce growth for the economies. There is therefore need for the

central banks to evolve means of balancing asset holdings among the countries. The coefficient of interest rate gap is also positive in long run result, suggesting that smoothening and harmonization of interest rates may actually have direct enhancing effects on economic growth in ECOWAS.

Unexpectedly, coefficient of criteria index is not significant in the long run results, which is much unlike the results for the financial development indicators. This shows that the number of criteria met by a country directly affects only financial development in the long run, the direct effect on growth is weak. Overall, results show that financial integration exerts more direct impact on financial sector than on the whole economy for the ECOWAS sub-region. The coefficients of each of the institutional variables are positive and significant, showing that in the long run, institutional quality tend to promote economic growth for ECOWAS countries.

The results for effects of financial integration on economic growth are shown in [Table 10](#). It should generally be noted that the results from the panel estimates reflect the long run estimates. The results essentially reveal the role of financial integration on economic growth money supply.

Table 10. Financial Integration/Development and Economic Growth

Variables	Dep var = log of m2gdp				
	1	2	3	4	5
C	6.548***	6.516***	6.760***	6.391***	6.479***
LMYR	0.136***	0.129***	0.177***	0.152***	0.159***
ASSETS		0.003***			
CRITERIA			-0.052***		
KOPEN				-0.080***	
IGAP					0.005***
SAVR	0.004***	0.004***	0.006***	0.004	0.005***
GOVSTAB	-0.004	-0.005	-0.006	-0.004	-0.002
INVST_PROF	0.072***	0.073***	0.071***	0.072***	0.070***
LAW_ORDER	0.007	0.022	-0.021	0.020	0.003
Adjusted R-squared	0.217	0.226	0.262	0.242	0.224
F-statistic	4.496	4.614	5.391	4.953	4.571

Source: Estimated by the author

Note: ***, ** and * indicate significant at 1 %, 5 % and 10 % levels respectively

Robustness Checks for Regression Results

The robustness checks were carried out on estimates of interaction between financial integration and institutional quality is shown in [Table 11](#). The coefficients are generally similar in signs to those of the PMG outcomes.

Table 11. Financial Integration (Interaction with Institution) and Financial Development

Variables	Dep var = log of m2gdp		
	1	2	3
C	-2.682***	-1.142***	-1.178***
CRITERIA	0.145***		
CRI*INST.	-0.006		
ASSETS		0.651***	
ASSETS*INST.		-0.088***	
INTR_GAP			-0.058***
INTR_GAP*INST.			0.004***
LGDPPC	0.579***	0.475***	0.507***
KAOPEN	0.189***	0.141***	0.220***
GOVSTAB	0.121***	0.050***	0.050**
INVST_PROF	0.032*	0.063***	0.038**
Adj. R-squared	0.391	0.596	0.467
F-statistic	8.936	19.213	11.816

Source: Authors' computations.

Note: ***, ** and * indicate significant at 1 %, 5 % and 10 % levels respectively

The results for effects of financial integration on economic growth are shown in [Table 12](#). It should generally be noted that results from the panel estimates reflect long run estimates. The results essentially reveal role of financial integration on economic growth for money supply indicator as revealed in the PMG estimates.

Table 12. Financial Integration/Development and Economic Growth

Variables	Dep var = log of m2gdp				
	1	2	3	4	5
C	6.548***	6.516***	6.760***	6.391***	6.479***
LMYR	0.136***	0.129***	0.177***	0.152***	0.159***
ASSETS		0.003***			
CRITERIA			-0.052***		
KOPEN				-0.080***	
IGAP					0.005***
SAVR	0.004***	0.004***	0.006***	0.004	0.005***
GOVSTAB	-0.004	-0.005	-0.006	-0.004	-0.002
INVST_PROF	0.072***	0.073***	0.071***	0.072***	0.070***
LAW_ORDER	0.007	0.022	-0.021	0.020	0.003
Adjusted R-squared	0.217	0.226	0.262	0.242	0.224
F-statistic	4.496	4.614	5.391	4.953	4.571

Source: Estimated by the authors

Note: ***, ** and * indicate significant at 1 %, 5 % and 10 % levels respectively

The outcomes of empirical analysis present certain important aspects of our research that require further investigation. In the first place, our study has shown that broad convergence and asset management appear to be main factors within integration strategy that can drive long run financial depth among ECOWAS countries to thrive. This result shows that in order to obtain financial development benefits from financial integration in ECOWAS, not all integration components deliver relevant and beneficial outcomes.

The result is in line with studies by Isah & Odonye (2012), Fwangkwai (2014) and Azuka (2015) that for regional groupings in developing countries, conditional benefits are always expected. This also demands that efficient management of regional pacts must be made by domestic authorities in order to obtain full benefits of regional financial integration within domestic economies. It is clear that the effects are neither direct nor linear. First, the effects appear to only be channeled through improvement in financial development, based on the integration instrument considered, or with only long run benefits. The result also suggests that the effects of financial integration on the economy is rather mixed, and strictly depends on the indicator used for measuring integration (Levine, 2005; McDonald, Schumacher, 2007).

4. Conclusion

Mutually, financial development and financial integration are considered as integral and essential parts of the comprehensive growth and development package for the sub-region, especially with regard to the overall economic integration processes of the sub-region. The goal of the study was to examine how financial integration affects financial development and how financial development affects growth among the countries of the sub-region. The place of the interactions between financial integration and development on economic growth was also examined. In the study, financial development was considered in terms of money supply and credit supply, while financial integration were taken to be the share of a country's external assets in the regional pool of assets; the number of convergence criteria that a country has met at a given year, the gap in interest rates between a country and that of a sub-regional benchmark; and the extent of capital account openness in a country.

The effect of financial integration on both financial development and economic growth among ECOWAS countries is only realized in the long run. The short-term impacts of financial integration possess weak capacity and mostly insignificant to ensure long run stability of both financial markets and economic growth in the ECOWAS sub-region. That the current degree of

financial integration among ECOWAS countries is weak. The test from the study revealed that less than half of the countries in the sub-region exhibit significant integration outcomes over the period of the study. Financial integration component that seeks overall macroeconomic convergence tend to have more positive effects on financial development, while integration measures that seek to boost a country's share of external assets within the ECOWAS sub-region or promote interest rate harmonization tend to limit domestic financial development among the countries.

That financial integration has dynamic mixed effect on economic growth in the ECOWAS sub-region. For many of the integration components, the result showed unfavorable effects on growth, while the effects of number of convergence criteria met was mostly positive and significant in the long run. Institutional quality enhanced the impacts of financial integration on domestic financial markets among ECOWAS countries. This suggests that provision of effective adjustment mechanisms by domestic institutions can aid in accommodating financial integration components across the entire sub-region. Although there was evidence of long run relationship between financial integration and both financial development and economic growth, financial integration possesses weak capacity to ensure long run stability of either financial markets and economic growth in the ECOWAS sub-region. Moreover, it was found that financial integration tends to provide more-long run stability for credit supply than for overall financial market depth among ECOWAS countries.

The findings and recommendations of this study is timely in terms of policy directions, as both the ECOWAS' sub-region monetary union and the African Continental Free Trade Agreement (ACFTA) policy comes into effect in July, 2020. First, the study found that there is weak integration of the ECOWAS sub-regional financial markets. This reality suggests weak conditions in the structure of the domestic financial and institutional systems of many of the ECOWAS countries. So, there is the need for reforms particularly those that promote sound legal and regulatory frameworks for contract enforcement of the domestic financial markets in each of the less integrated countries. Such policy reforms could expand the frontiers of these financial markets and reposition them to integrate quickly into the regional market and reap the systemic scale economies that accrue to larger/integrated financial systems. Quality institutions have been found to play important supportive role in the market-driven ECOWAS regional financial integration process.

Second, policy makers should advert to the use of money supply as preferred policy tool for adjusting the financial sector in ECOWAS member countries. Reason is, the study has found that different integration policies deliver mixed results on financial development, and the greater the level of financial development, the greater is the impact of financial market integration on the member countries' economies. We found that financial integration strategy in ECOWAS that seek overall macroeconomic convergence offers more positive effects on financial development than those integration measures that seek to boost a country's share of external assets within the ECOWAS sub-region, or promote interest rate harmonization. The later inhibits growth of the domestic financial development in some countries. Therefore, we strongly recommend the use of money supply policy to drive the ECOWAS market-driven financial integration process.

The use of money supply as the preferred instrument for financial market integration strategy in the ECOWAS sub-region has the potential to unlock the growth-benefit of financial development in the region, by expanding the frontiers of financial services through increase in the spectrum of opportunities for financial intermediation, increase the number of market participants and the efficiency effect which that brings about, for example, by promoting healthy competition, which could lead to low cost for financial services and productivity of investment.

A supranational institution such as the proposed West African Central Bank would ensure that harmonized rules are sufficiently tight and restrictive enough to ensure legal certainty and also sufficiently flexible to allow state-based regulatory institutions respond in an agile manner to the dynamic nature of financial markets. Finally, policy makers should not expect hasty result from the recommended integration strategy. As have been highlighted and discussed in this study, the speed of adjustment and response of financial development (hence growth) to financial integration variables shock is slow. It takes time for financial integration to impact financial development and produce the gains on the real economy. Promoting financial development through regional financial integration requires careful management, agility and patience. The usual expectation of instant results and hasty reversal of policy in the absence of immediate expected results is ill-advised and should be avoided.

References

- Adegboye, 2015** – Adegboye, A.C. (2015). Political Institutions and Fiscal Management in Nigeria: Do State Governments Matter? *The West African Economic Review*. 3(2): 55-74.
- Adegboye et al., 2019** – Adegboye, A.C., Arodoye N.L., Irughe I.R. (2019). Tax Performance, institutions and fiscal convergence in the Economic Community of West Africa States. *West African Financial and Economic Review*. 16(1): 27-47.
- Akinlo, Egbetunde, 2010** – Akinlo, E.A., Egbetunde, T. (2010). Financial Development and Economic Growth: The Experience of 10 Sub-Saharan African Countries Revisited. *The Review of Finance and Banking*. 2(1): 17-28.
- Aziakpono, 2012** – Aziakpono, M.J. (2012). Financial Integration amongst the SACU Countries: Evidence from Interest Rate Pass-Through Analysis. *New Frontiers in Econometrics: Proceedings of the 10th Annual Conference of the African Econometric Society* (pp. 60-81). Nairobi, Kenya: African Economic Research Consortium (AERC) & African Econometric Society (AES).
- Azuka, 2015** – Azuka, A.P. (2015). Achieving sustainable development through tax harmonization: Potentials, paradoxes and policy imperatives. *Journal of Sustainable Development, Law and Policy*. 6(1): 272-295.
- Baele et al., 2004** – Baele, L., Ferrando, A., Hordahl, P., Krylova, E., Monnet, C. (2004). Measuring Financial Intergration in the Euro Area. European Central Bank, Occasional Paper Series No. 14.
- Baltagi, 2013** – Baltagi, B. (2013). *Econometric Analysis of Panel Data* (5th ed.). Chichester: John Wiley and Sons.
- Beqiraj et al., 2018** – Beqiraj, E., Fedeli, S., Forte, F. (2018). Public debt sustainability: An empirical study on OECD countries. *Journal of Macroeconomics*. 58: 238-248.
- Breitung, 2000** – Breitung, J. (2000). The Local Power of Some Unit Root Tests for Panel Data. *Advances in Econometrics*. 161-177.
- Breitung, Pesaran, 2007** – Breitung, J., Pesaran, M.H. (2007). Heterogeneity and cross section dependence in panel data Models: theory and applications. *Economic Modelling*. 27: 804-815.
- Bond et al., 2001** – Bond, S., Hoeffler, A., Temple, J. (2001). GMM Estimation of Empirical Growth Models. Bristol, UK: Department of Economics, University of Bristol & CEPR Discussion Paper No. 01/525.
- Chinn, Ito, 2006** – Chinn, M.D., Ito, H. (2006). What Matters for Financial Development? Capital Controls, Institutions, and Interactions? *Journal of Development Economics*. 81: 163-192.
- Comincioli, 1995** – Comincioli, B. (1995). Stock market as leading economic indicator: An application of granger causality. Honour Project Paper 54. [Electronic resource]. URL: http://digitalcommons.iwu.edu/econ_honproj/54 (date of access: 15.05.2017.).
- ECA, 2004** – Economic Commission for Africa (ECA). 2004. Assessing Regional Integration in Africa I (ARIA I). United Nations Economic Commission for Africa, Addis Ababa.
- Economic Commission for Africa, 2008** – Economic Commission for Africa (2008); Assessing Regional Integration in Africa III (ARIA III). Towards Monetary and Financial Integration in Africa, Addis Ababa: United Nations Economic Commission for Africa.
- Egwaikhide et al., 2016** – Egwaikhide, F.O., Omisakin, O. Oyinlola, A. and Adeniyi O. (2016). Financial System Development and Economic Growth in Sub-Saharan Africa. *West African Financial and Economic Review*. 15(2): 135-151.
- Forbes, 2000** – Forbes, K.J. (2000). A Reassessment of the Relationship Between Inequality and Growth. *American Economic Review*. 90: 869-887.
- Fwangkwai, 2014** – Fwangkwai, M.P. (2014). Monetary integration in the ECOWAS. Central Bank of Nigeria, Understanding Monetary Policy Series NO. 37, Anniversary Commemorative Edition.
- Hadri, 2000** – Hadri, K. (2000). Testing for Heterogeneity in Heterogeneous Panel Data. *Econometrics Journal*. 148-161.
- Isah, Odonye, 2012** – Isah A.M., Odonye J. (2012). A Monetary Union in West Africa: Lessons to be learned from other Experiences.
- Iyoha, 2004** – Iyoha, M.A. (2004). *Macroeconomics: Theory and policy* (Rev. ed.). Benin city- Nigeria: Mindex Publishers.
- Kao, 1999** – Kao, C. (1999). Spurious Regression and Residual Based Tests for Cointegrating Panel Data. *Journal of Econometrics*. 1-44.

- Levin et al., 2002 – Levin, A., Lin, C., Chu, C. (2002). Unit Root Test in Panel Data: Asumptotic and Finite Sample properties. *Journal of Econometrics*. 1-25.
- Levine, 2005 – Levine, R. (2005). Finance and growth: theory and evidence. *Handbook of Economic Growth*. 1(1): 865-934.
- McDonald, Schumacher, 2007 – McDonald, C.A., Schumacher, L.B. (2007). Financial deepening in Sub-Saharan Africa: Empirical evidence on the role of creditor rights protection and information sharing. IMF Working Papers, Number 203.
- Mckinnon, 1991 – Mckinnon, R.I. (1991). The order of economic liberalization. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Mckinnon, 1973 – Mckinnon, R.I. (1973). Money and Capital in Development. Washington DC: The Brookings Institution.
- Ogbeide, Igbinedion, 2016 – Ogbeide, F.I., Igbinedion, S.O. (2016). Does Financial Sector Reform Influence Inclusive Growth in Sub-Saharan Africa? *West African Financial and Economic Review (WAFER)*. 15(2): 23-49.
- Pedroni, 2000 – Pedroni, P. (2000). Fully modified OLS for heterogeneous cointegrated panels, in: *Advances in Econometrics: Non Stationary Panels Co-integration and Dynamics Panels*, B.H. Baltagi (Eds.). New York: JAI Press, 93-130
- Pedroni, 2004 – Pedroni, P. (2004). Panel cointegration: asymptotic and finite sample properties of pooled time Series tests with applications to the PPP hypothesis. *Econometric Theory*. (20): 597-625.
- Pesaran et al., 2001 – Pesaran, M., Shin, Y., Smith, R. (2001). Bounds testing approaches to the analysis of level of relationship. *Journal of Applied Economics*. 289-326.
- Rebelo, 1991 – Rebelo, S. (1991). Long-Run Policy Analysis and Long-Run Growth. *Journal of Political Economy*. 99: 500-521.
- Roodman, 2009 – Roodman, D. (2009). A Note on the Theme of Too Many Instruments. Washington DC: Centre for Global Development, Working Paper No 125.
- Roja, Valev, 2004 – Roja, F., Valev, N. (2004). Finance and the sources of growth at various stages of economic development. *Economic Inquiry*. 42(1): 127-140.
- Rousseau, 2002 – Rousseau, P. (2002). Historical Perspectives on Financial Development and Economic Growth. *NBER Working Paper No. 9333*.
- Solow, 1956 – Solow, R.M. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*. 70(1): 65-94.
- United Nations Commission for Africa, 2008 – United Nations Commission for Africa (2008), *Assessing Regional Integration in Africa 2008: Towards Monetary and Financial Integration of Africa*. Addis Ababa: UNECA.
- Westerlund, 2007 – Westerlund, J. (2007). Testing for error correction in panel data. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 69: 709-748.
- Wurgler, 2000 – Wurgler, J. (2000). Financial Markets and the Allocation of Capital. *Journal of Financial Economics*. 58: 187-214.
- Zieseemer, 2012 – Zieseemer, T. (2012). The impact of development aid on education and health: Survey and new evidence from dynamic models. UNU-MERIT Working Papers No 2012-057.

Copyright © 2020 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2020, 14(3): 282-291

www.vestnik.sutr.ru

UDC 336.36

Problems and Improvement of Business Process Management at Hospitality Enterprises

Tatiana E. Gvarliani ^{a, *}, Emilia S. Adamova ^a

^a Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The article presents the results of the study of the problems of management of enterprises in the hotel business. Three groups of problems related to the management process have been identified. The considered problems of management of hotel enterprises appear as global, since they are found throughout Russia. For this reason, the Russian hospitality sector as a whole suffers, since most of the domestic hotel enterprises cannot provide their guests with the required level of quality necessary for the effective development of this sector in the future. As a solution to the revealed range of problems, the application of the process approach is proposed. This approach in the case of management of hospitality enterprises is recognized as one of the most effective tools for their adaptation to environmental conditions. In this regard, methods are becoming increasingly important that allow hotel enterprises to improve their business processes, which aims to better satisfy their customers.

Keywords: hotel business, management processes, management problems, hospitality.

1. Введение

Гостиничная индустрия за последние двадцать лет претерпела значительное развитие, что привело к формированию ее современной инфраструктуры и сервиса обслуживания, достигая уровня мировых стандартов. Однако и на сегодняшнем уровне развития российские предприятия гостиничного сервиса постоянно сталкиваются с проблемами повышения своей конкурентоспособности, доходности и эффективности управления. Рост конкуренции, нестабильная внешняя среда вызывает в сфере гостиничного бизнеса большое число процессов и явлений, которые связаны с обслуживанием посетителей. При этом особенности управления гостиничными предприятиями вытекает, в первую очередь, из особенностей предоставляемого ими комплексного продукта, а также его таких характерных черт, как фиксированность в пространстве и во времени (Ассаф, 2018: 113).

Гостиничная сфера имеет множество проблем, которые присущи именно российским гостиничным предприятиям. На сегодняшний день в России присутствуют практически все мировые гостиничные сети, однако, отечественные гостиницы за границей не представлены. Да и сама гостиничная сфера имеет достаточно низкие темпы развития, что указывает на приоритетность инвесторов вкладывать в строительство развлекательных центров и торговых комплексов (Духовная, Скабеева, 2018: 21). Это обусловлено и тем, что сроки окупаемости гостиничных комплексов достаточно длительны. Этот фактор оказывает непосредственное влияние и на снижение уровня обслуживания, организации безопасности

* Corresponding author

E-mail addresses: antana-tata@mail.ru (T.E. Gvarliani)

посетителей гостиницы, переполненность в «высокий» сезон и отсутствие гостей в «низкий» (Юдикс, 2019: 80).

2. Материалы и методы

Основой для данного исследования послужили труды отечественных ученых и практических работников в сфере гостеприимства, которые посвящены экономике и процессам управления. В качестве методов исследования применялся системный и ситуационный подходы.

3. Обсуждение и результаты

Одной из острейших проблем управления предприятиями гостиничного бизнеса выступает возможность предоставлять высокое качество сервиса. Нужно отметить, что в этом направлении отели из крупнейших мировых сетей имеют намного меньше негативных отзывов. Гостиницы, где сервису и качеству обслуживания уделяется меньшее внимание, в условиях острой конкурентной борьбы имеют тенденцию к уменьшению количества гостей, в том числе и постоянных, и тем самым переходят на класс ниже, из которого им потом достаточно трудно выбраться. Основные жалобы гостей касаются негативного отношения к ним со стороны гостиничного персонала, наличие грязи в номерах, отсталость их оборудования еще с советских времен. Негативные впечатления гости получают и в случае отсутствия капитального ремонта гостиницы в течение продолжительного периода времени. В этом сходят как российские, так и иностранные туристы (Никольская, 2018: 352). Большая часть ГОСТов и СНИПов, пожарных и санитарных норм не менялись с советских времен, поэтому на сегодняшний день они теряют свою актуальность. В отношении низкого уровня гостиничного сервиса еще одной проблемой выступает отсутствие достаточного количества квалифицированного персонала. Данная проблема особенно выделяется в российских отелях, расположенных в регионах страны, где сотрудники гостиничных предприятий не обладают нужными навыками и компетенцией (Сфиева, Вагабов, 2015: 25).

Отсутствие должного уровня чистоты и ремонта в гостиничных номерах способствует возникновению фактора несоответствия показателей «цена/качество», поскольку гости могут посчитать, что платят за услуги гостиницы больше, чем это есть. Естественно, что такие посетители не будут возвращаться в этот отель, не захотят поделиться своими впечатлениями со своими друзьями, посоветовав им остановиться в нем. Более того, российские туристы, которые получают большие возможности путешествовать за рубежом, постоянно проводят сравнение с иностранными отелями, причем это сравнение не в пользу отечественных гостиничных предприятий.

В данном случае возможным решением выступает следующее – наем профессионального и квалифицированного персонала при оказании в его отношении мотивационных и стимулирующих мероприятий. Это позволит снизить уровень халатности со стороны персонала, повысить их ответственность за исполнение обязанностей. Руководство гостиничных предприятий должно быть заинтересовано в привлечении квалифицированных кадров, их удержании и мотивировании, поскольку именно персонал является лицом гостиницы, и от их обслуживания зависит глубина удовлетворенности гостей. Чтобы исправить ситуацию с жалобами в отношении чистоты и оснащенности гостиничных номеров необходимо проводить анализ потребности в модернизации, составлять график текущего и капитального ремонта (Скабеева, Духовная, 2019: 85).

Еще одной острой проблемой в управлении гостиничными предприятиями выступает наличие избыточного бронирования. Так, зачастую можно встретить случаи, когда число продаваемых гостиничных номеров является больше числа наличествующих. Это может привести к накладке бронирования, то есть к негативным инцидентам, когда посетители о гостинице складывают отрицательное мнение. Такая ситуация может сложиться в результате отсутствия эффективного координирования работы гостиницы, либо по причине специально допускаемой ситуации, когда происходит перестраховка на случай не заезда туристов (Хатикова, 2018: 411).

Подобные гостиничные предприятия имеют убытки по причине отсутствия гарантированного выкупа забронированных ранее туроператорами номеров. Наличие позднего аннулирования бронирования выступает как фактор риска в целом для гостиничной индустрии.

Чтобы решить указанную проблему необходимо совершенствовать компьютерную систему, связанную с бронированием, чтобы данные казусы были сведены к нулю. В другом случае гостиничные предприятия будут иметь снижение в прибыли, поскольку на сегодняшний день бронирование осуществляется большей частью посредством сети Интернет.

При этом грамотное применение в деятельности гостиничного предприятия современных информационных технологий позволяет ему контролировать и эффективно координировать бизнес-процессы, персонал, тем самым повышая объемы продаж гостиничного продукта, и, следовательно, прибыль. На [Рисунке 1](#) приводится схема автоматизированного управления предприятием гостиничного бизнеса ([Шмарков, 2018: 44](#)).

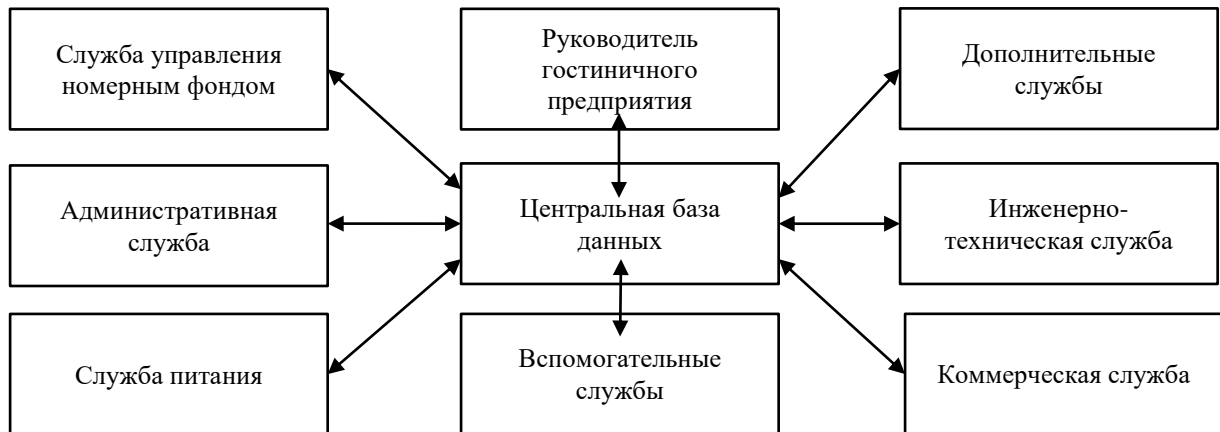

Рис. 1. Схема автоматизации деятельности предприятий гостиничного бизнеса

При этом большую популярность начинают набирать гостиничные мобильные приложения, характеристика которых приводится в таблице 1 ([Духовная, 2019: 164](#)):

Таблица 1. Характеристика и особенности гостиничных мобильных приложений

Функции	Гостиницы и гостиничные сети	
	Российские либо представители иностранных сетей в России	Международные
Бронирование	Бронирование номеров и пакетных предложений. Бронирование номера за несколько часов до заезда. Возможность отмены брони нажатием знака «отказ», без телефонных переговоров с персоналом	В приложении сети «Ассог» предусматриваются фильтры поиска по бренду, цене, расстоянию от места проживания, демонстрация местоположения гостиницы на карте. Предоставление подробной информации о выбранной гостинице, предоставляется самостоятельный выбор номера по схеме
Регистрация или выезд из номера, виртуальный ключ	Возможность заселения и выписки гостя	Предоставление услуги «виртуальный ключ» (сеть гостиниц Marriot International)
Управление профилем в программах лояльности	Гостиница «Салют» (г. Москва) в своем предложении размещает персональную бонусную карту, при помощи которой гость имеет возможность расплатиться за услуги, накопить баллы, получить подарок при следующем посещении	Marriot International и Hilton имеют приложения, при помощи которых удобно смотреть накопленные бонусные баллы, достаточно легко рассчитывается итоговая стоимость после из списания. Hilton, кроме того, имеет программу FunFinder, ориентирующаяся на профили гостей, определяя самые актуальные для них сообщения и предложения

Ассоциация с брендом	Наличие в приложении системы опроса гостей гостиницы, что позволяет определить степень их удовлетворенности (гостиница «Максима Ирбис»)	Мобильное приложение с музыкальными каналами, позволяющее использовать различные пространственные концепции – W Hotels. В отелях Ritz-Carlton используются широко системы QR-кодов в информировании гостей
Консьерж сервис	ГК «Барвиха» (Москва) в приложении предлагает не только заказать дополнительные услуги, но и выбрать для них удобное время, сделать бронь и получить расчет по времени, сложности и предпочтениям услуг, получить оповещение	Использование мобильных консьержей для оказания услуг по заказу еду и напитков, бронирование дополнительных услуг и др. (Mandarin Oriental, Four Seasons)
Путеводитель по городу	Гостиница «Валс» предлагает гостям путеводителей, который знакомить гостей с особенностями культуры и истории московского района «Замоскворечье». Отель «Азимут» (Сочи) разработал в приложении сервис построения маршрута достопримечательностей в соответствии с предпочтениями гостей, подборка на карте города магазинов, баров и ресторанов	Гостиничный оператор AccorHotels совместно с профессиональной сетью LinkedIn разработали мобильный сервис BusinessCheck – у гостя отеля появляется возможность узнать, кто из его рабочих «контактов» находится в данный момент в одном городе и контактировать с ним

Следующей проблемой выступает отсутствие новых площадок для строительства гостиничных предприятий. Если брать столичные регионы, то в них практически не представляется возможным выстроить новую гостиницу в центре города. При этом строительство и выкуп земельного участка представляется настолько дорогим, что чтобы окупить это мероприятие стоимость проживания будет возрастать. Такая категория гостей, как бизнес-туристы, вовсе не готовы идти на такие расходы, а обычные гости такой вариант проживания могут даже и не рассматривать. На сегодняшний день более всего востребованными остаются гостиницы класса «три звезды», которые располагаются не в центре курорта. Разрешить указанную проблему представляется более сложным и упирается в финансовое обеспечение (Сфиева, Вагабов, 2015: 24).

В качестве еще одной важнейшей проблемой можно назвать наличие в деятельности предприятия гостиничного бизнеса фактора сезонности. Данный фактор более всего проявляется для гостиниц, расположенных в курортных местностях, где имеется выраженный спрос в одно время года – для пляжных курортов летом и для горнолыжных курортов зимой. Решение данной проблемы также представляет собой сложность, поскольку большая часть российских городов не может привлекать к себе туристов вне высокого сезона. Это приводит к простаиванию гостиничных площадей, следовательно, теряется часть прибыли.

Решение рассмотренных проблем считаем целесообразным рассмотреть через призму совершенствования бизнес-процессов. Так, бизнес-процесс представляет собой совокупность методы, которые направлены на осуществление эффективного производства товаров либо услуг, и видятся как структурированная последовательность действий по выполнению конкретного вида деятельности. Тем самым бизнес-процессы обладают следующими важнейшими чертами: наличие внешних и внутренних пользователей; их прохождение как внутри одного подразделения гостиницы, так и между несколькими; имеется способ выполнения работ, свойственных для конкретного гостиничного предприятия.

Всякий бизнес-процесс выступает как рабочий процесс, он обладает началом и концом, то есть границами. В отношении предприятий гостиничного бизнеса это можно изобразить следующим образом (Рисунок 2):

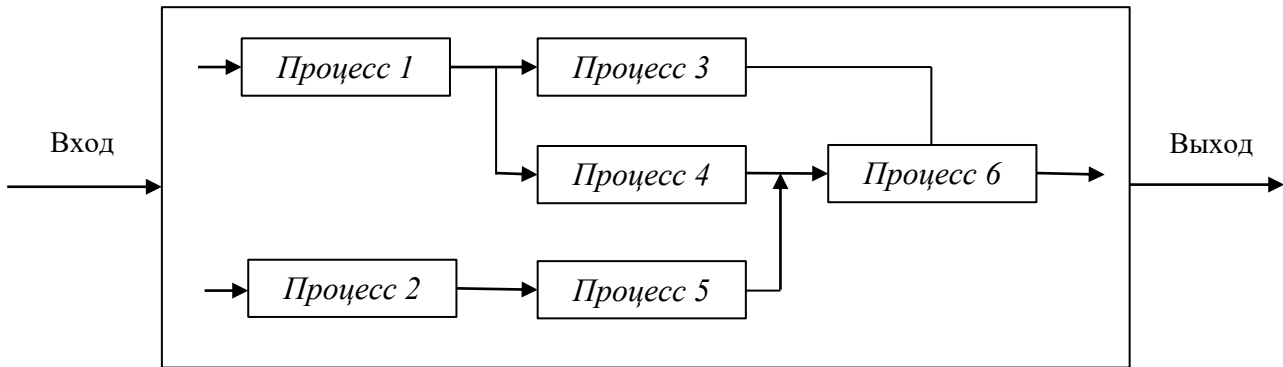

Рис. 2. Система бизнес-процессов предприятий гостиничного бизнеса (Шумакова)

Для предприятий гостиничного бизнеса характерными являются следующие бизнес-процессы: сдача номеров гостиницы, их обслуживание, организация питания, снабжение гостиницы, маркетинговая деятельность, учет и финансовая работа, организация охраны и безопасности гостиничного предприятия и его посетителей, бизнес-процессы высшего руководства (Авласко, 2015: 171). Классификация бизнес-процессов гостиничного предприятия представлена на Рисунке 3:

Рис. 3. Виды бизнес-процессов предприятий гостиничного бизнеса

Тем самым можно сделать вывод о том, что всякий порядок действий, который возникает в ходе деятельности предприятий гостиничного бизнеса, может быть назван бизнес-процессом, то есть подбор сотрудников, документооборот, снабжение, производство гостиничной услуги и др. (Калиниченко, 2020: 102) При этом каждый из них нуждается в совершенствовании.

Это обусловлено, в первую очередь, тем, что менеджмент процессов постоянно изменяется и дополняется, согласно с требованиями конкурентной среды. Тем самым, в качестве причин совершенствования управления бизнес-процессами выступают следующие изменения: в действующем законодательстве; организационной структуре

управления гостиничного предприятия; потребительского спроса; а также возникновение проблем в процессе производства гостиничного продукта, необходимость снижения затрат и времени на производство, увеличение конкуренции на рынке, появление инноваций (Шумакова).

Необходимо отметить, что для любого предприятия гостиничного бизнеса рано или поздно встает вопрос совершенствования бизнес-процессов, поскольку это способствует его развитию в соответствии с современными требованиями гостиничного рынка и его потребителей. В этой связи необходимо проводить комплексный анализ деятельности предприятия, на основе которого принимается управленческое решение. Для совершенствования существующих в гостиничном предприятии бизнес-процессов предлагается комплекс мер, который в себя включает проведение аудита имеющихся процессов, определение возможности их модернизации, поиск инновационных подходов и их применение (Кожевников, 2020: 65).

Можно выделить большое количество инструментов совершенствования управления бизнес-процессами предприятий гостиничного бизнеса (Таблица 2):

Таблица 2. Инструменты совершенствования управления бизнес-процессами предприятий гостиничного бизнеса

Инструмент	Основное назначение	Обоснование использования
Бенчмаркетинг	Сравнение бизнес-процесс с эталонными процессами	Применение на рынке лучших моделей гостиничного бизнеса для реорганизации собственных процессов
Реинжиниринг	Радикальное перепроектирование сети бизнес-процессов	Низкая удовлетворенность посетителей гостиничного предприятия, увеличение доли затрат на конкретный бизнес-процесс, необходимость проведения радикальных мероприятий по его изменению
Реорганизация процесса	Сокращение потерь и расходов элементов бизнес-процесса	Адаптация процесса к рынку гостиничных услуг, снижение числа функций и операций, совершенствование взаимодействия subprocesses
Статистическое управление	Статистический анализ показателей процесса и выявление факторов, влияющих на отклонение	Высокая удовлетворенность посетителей гостиницы, выявление и нейтрализация факторов, случайно и отрицательно воздействующих на бизнес-процесс

Так, современные гостиницы стремятся обучать свой персонал, чтобы соответствовать ожиданиям посетителей и стандартам самого гостиничного предприятия. В отношении бизнес-процесса «Организация обучения и мероприятий» целесообразно проводить анкетирование сотрудников (Таблица 3):

Таблица 3. Итоги анкетирования сотрудников гостиничного предприятия на их удовлетворенность обучением

Критерий оценки	Средний балл (по шкале от 1 до 10)
Удовлетворенность обучением	9,1
Степень полезности	9,5
Уровень мастерства преподавания	9,8

На основе полученной оценки удовлетворенности персонала гостиничного предприятия процессом «Организация обучения и мероприятий» возможно прийти к основному выводу – наличию высокой их удовлетворенности.

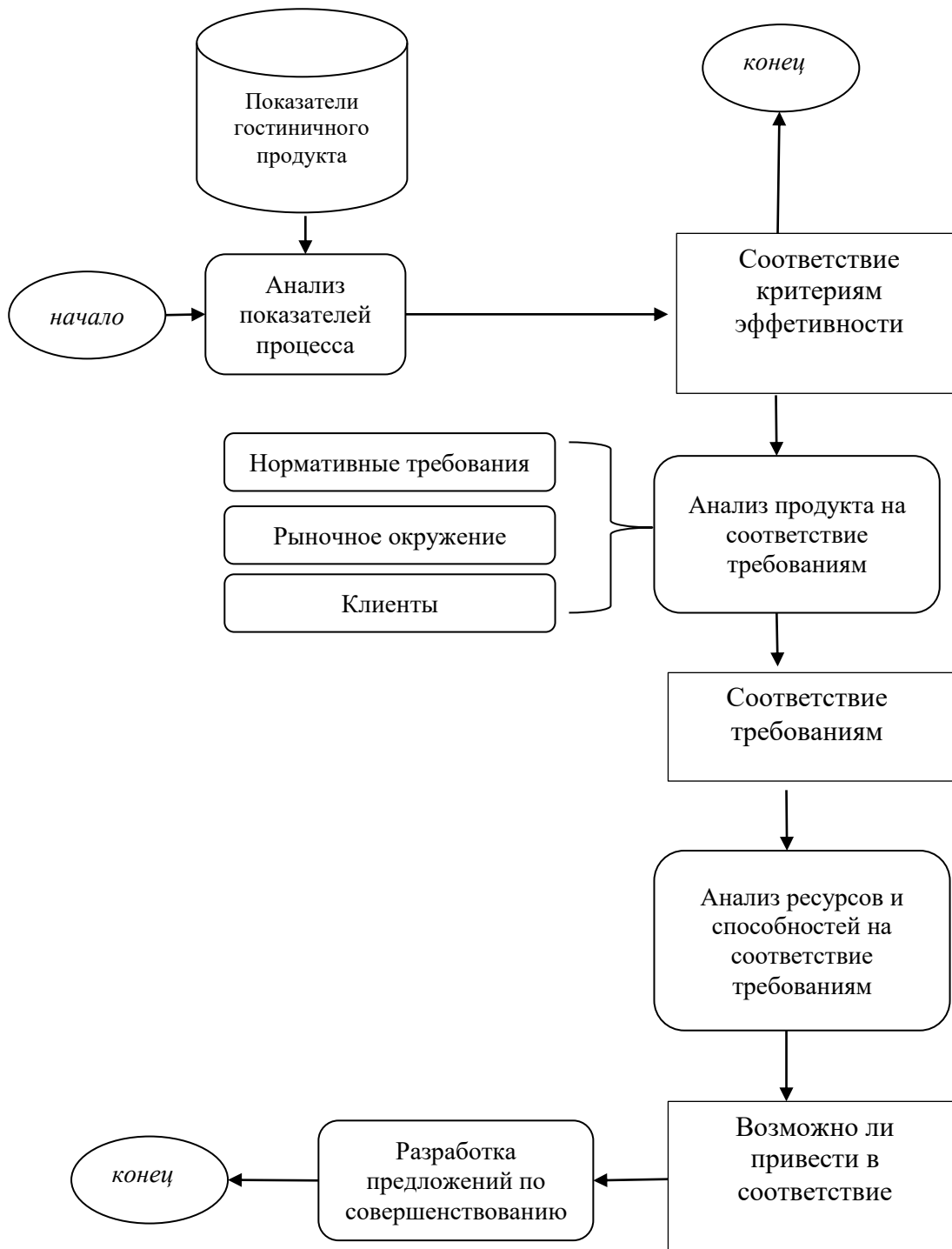

Рис. 3. Разработка процесса «Совершенствование гостиничной услуги»

Кроме такой оценки подобный вывод может вытекать и из показателей, призванных охарактеризовать отношение персонала к гостиничному предприятию. Косвенная оценка проводится на основе показателей загрузки гостиницы, увеличения объемов продаж, числу поступающих жалоб и претензий. Необходимо проводить в этом случае анализ снижения количества постоянных клиентов: какая их часть связана с деятельностью персонала, самого гостиничного предприятия при возрастающей конкуренции на рынке. Количество претензий также увязывается с деятельностью гостиничного персонала. Как правило, их число повышается при найме новых сотрудников, которые не совсем следуют стандартам высокого обслуживания, что вызывает недовольство гостей. Подобный анализ косвенной удовлетворенности позволяют выработать схему процесса «Совершенствование

гостиничной услуги», учитывающей детальное описание процессов и их распределение среди исполнителей представлен нами на [Рисунке 3](#).

4. Заключение

Итак, вскрытые глобальные проблемы предприятий гостиничного бизнеса, характерные для большинства организаций мы предложили частично решать за счет совершенствования управления бизнес-процессами. В качестве решения вскрытого круга проблем, предлагается применение процессного подхода, на основе проведения трех видов анализа: анализ показателей процесса, который должен соответствовать критериям эффективности, анализ продукта на соответствие требованиям, анализ ресурсов и способностей на соответствие требованиям. Разработка предложений по совершенствованию направлена, прежде всего, на повышение удовлетворение своих потребителей.

Литература

- [Ассаф, 2018](#) – *Ассаф Б.* Основы функционирования гостиничного предприятия в кризисной ситуации // *Сервис в России и за рубежом.* 2018. Т. 12. № 3 (81). С. 112-124.
- [Авласко, 2015](#) – *Авласко З.А.* Выбор бизнес-модели как платформы успешного внедрения процессного подхода // *Вестник Томского государственного университета.* 2015. № 399. С. 170-174.
- [Духовная, 2019](#) – *Духовная Л.Л.* Автоматизация бизнес-процессов как механизм повышения эффективности гостиничного предприятия // *Сервис в России и за рубежом.* 2019. Т. 13. № 3 (85). С. 162-174.
- [Духовная, Скабеева, 2018](#) – *Духовная Л.Л., Скабеева Л.И.* Специфика функционирования международных и национальных гостиничных цепей на рынке гостиничного бизнеса в Российской Федерации // *Сервис в России и за рубежом.* 2018. Т. 12. № 2 (80). С. 20-32.
- [Калиниченко, 2020](#) – *Калиниченко С.А.* Результаты исследования методологических проблем процессных моделей рыночно-ориентированного управления // *Вестник НГИЭИ.* 2020. № 6 (109). С. 101-113.
- [Кожевников, 2020](#) – *Кожевников С.А.* Проблемы развития проектного управления в публичном секторе в ракурсе достижения национальных целей // *Проблемы развития территории.* 2020. № 1 (105). С. 64-77.
- [Маслова, Матвеева, 2020](#) – *Маслова А.А., Матвеева М.С.* Инновации в кадровой работе гостиниц // *Российские регионы: взгляд в будущее.* 2020. Т. 7. № 2. С. 118-123.
- [Николаев, 2018](#) – *Николаев А.В.* Управление гостиничными предприятиями города bogås (Швеция) // *Проблемы современной экономики.* 2018. № 2 (66). С. 233-236.
- [Никольская, 2018](#) – *Никольская Е.Ю.* Инновации, технологии в гостиничной деятельности // *Бюллетень науки и практики.* 2018. Т. 4. № 10. С. 351-359.
- [Скабеева, Духовная, 2019](#) – *Скабеева, Л.И., Духовная Л.Л.* Современные аспекты и тренды подготовки кадров для гостиничной отрасли // *Сервис в России и за рубежом.* 2019. Т. 13. № 1 (83). С. 84-99.
- [Сфиева, Вагабов, 2015](#) – *Сфиева З.Х., Вагабов М.М.* Особенности управления предприятиями гостиничного бизнеса в современных условиях // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета.* 2015. № 2 (31). С. 23-27.
- [Хатикова, 2018](#) – *Хатикова З.В.* Управление деятельностью гостиничного предприятия на основе автоматизации процессов // *Менеджмент предпринимательской деятельности: сб. статей XVI международ. науч.-практ. конф.* С. 410-412.
- [Шмарков, 2018](#) – *Шмарков М.С.* Автоматизация гостиничных предприятий как механизм повышения конкурентоспособности / *Ст. науч. трудов «Обеспечение устойчивого развития регионов в пространственной структуре экономики России»* / под ред. О.Е. Конобеевой. 2018. С. 44-46.
- [Шпырня, 2019](#) – *Шпырня О.В.* Использование информационных технологий в маркетинге гостиничного предприятия // *Научный вестник Южного института менеджмента.* 2019. № 2. С. 115-118.
- [Юдикс, 2019](#) – *Юдикс А.О.* Совершенствование системы управленческого контроля в малых гостиницах // *Российские регионы: взгляд в будущее.* 2019. Т. 6. № 1. С. 79-96.

Шумакова – Шумакова Е.В. Бизнес-процессы гостиничного предприятия: учебное пособие. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.esa-conference.ru>

References

Assaf, 2018 – Assaf, B. (2018). Osnovy funktsionirovaniya gostinichnogo predpriyatiya v krizisnoi situatsii [Fundamentals of the functioning of a hotel enterprise in a crisis situation]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. T. 12. 3 (81): 112-124. [in Russian]

Avlasko, 2015 – Avlasko, Z.A. (2015). Vybor biznes-modeli kak platformy uspeshnogo vnedreniya protsessnogo podkhoda [The choice of a business model as a platform for the successful implementation of the process approach]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 399: 170-174. [in Russian]

Dukhovnaya, 2019 – Dukhovnaya, L.L. (2019). Avtomatizatsiya biznes-protsessov kak mekhanizm povysheniya effektivnosti gostinichnogo predpriyatiya [Automation of business processes as a mechanism for increasing the efficiency of a hotel enterprise]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. T. 13. 3 (85): 162-174. [in Russian]

Dukhovnaya, Skabeeva, 2018 – Dukhovnaya, L.L., Skabeeva, L.I. (2018). Spetsifika funktsionirovaniya mezhdunarodnykh i natsional'nykh gostinichnykh tsepei na rynke gostinichnogo biznesa v Rossiiskoi Federatsii [The specifics of the functioning of international and national hotel chains in the hotel business market in the Russian Federation]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. T. 12. 2 (80): 20-32. [in Russian]

Kalinichenko, 2020 – Kalinichenko, S.A. (2020). Rezul'taty issledovaniya metodologicheskikh problem protsessnykh modelei rynochno-orientirovannogo upravleniya [The research results of methodological problems of process models of market-oriented management]. *Vestnik NGIEI*. 6 (109): 101-113. [in Russian]

Kozhevnikov, 2020 – Kozhevnikov S.A. Problemy razvitiya proektnogo upravleniya v publichnom sektore v rakurse dostizheniya natsional'nykh tselei // Problemy razvitiya territorii. 2020. № 1 (105). S. 64-77. [in Russian]

Maslova, Matveeva, 2020 – Maslova, A.A., Matveeva, M.S. (2020). Innovatsii v kadrovoi rabote gostinits [Innovations in personnel management of hotels]. *Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee*. T. 7. 2: 118-123. [in Russian]

Nikolaev, 2018 – Nikolaev, A.V. (2018). Upravlenie gostinichnymi predpriyatiyami goroda borås (Shvetsiya) [Management of hotel enterprises in borås (Sweden)]. *Problemy sovremennoi ekonomiki*. 2 (66): 233-236. [in Russian]

Nikol'skaya, 2018 – Nikol'skaya, E.Yu. (2018). Innovatsii, tekhnologii v gostinichnoi deyatel'nosti [Innovations, technologies in hotel activities]. *Byulleten' nauki i praktiki*. T. 4. 10: 351-359. [in Russian]

Skabeeva, Dukhovnaya, 2019 – Skabeeva, L.I., Dukhovnaya, L.L. (2019). Sovremennye aspekty i trendy podgotovki kadrov dlya gostinichnoi otrasli [Modern aspects and trends in personnel training for the hotel industry]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. T. 13. 1 (83): 84-99. [in Russian]

Sfieva, Vagabov, 2015 – Sfieva, Z.Kh., Vagabov, M.M. (2015). Osobennosti upravleniya predpriyatiyami gostinichnogo biznesa v sovremennykh usloviyakh [Features of management of enterprises of the hotel business in modern conditions]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2(31): 23-27. [in Russian]

Khatikova, 2018 – Khatikova, Z.V. (2018). Upravlenie deyatel'nost'yu gostinichnogo predpriyatiya na osnove avtomatizatsii protsessov [Management of the activities of a hotel enterprise based on process automation]. *Menedzhment predprinimatel'skoi deyatel'nosti: sb. statei XVI mezhdunarod. nauch.-prakt. konf.* Pp. 410-412. [in Russian]

Shmarkov, 2018 – Shmarkov, M.S. (2018). Avtomatizatsiya gostinichnykh predpriyatii kak mekhanizm povysheniya konkurentosposobnosti [The automation of hotel enterprises as a mechanism for increasing competitiveness]. *St. nauch. trudov «Obespechenie ustoychivogo razvitiya regionov v prostranstvennoi strukture ekonomiki Rossii»*. Pod red. O.E. Konobeevoi. Pp. 44-46. [in Russian]

Shpyrnya, 2019 – Shpyrnya, O.V. (2019). Ispol'zovanie informatsionnykh tekhnologii v marketinge gostinichnogo predpriyatiya [The use of information technology in the marketing of a hotel enterprise]. *Nauchnyi vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta*. 2: 115-118. [in Russian]

Yudiks, 2019 – Yudiks, A.O. (2019). Sovershenstvovanie sistemy upravlencheskogo kontrolya v malykh gostinitsakh [Improving the management control system in small hotels]. *Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee*. 6(1): 79-96. [in Russian]

Shumakova – Shumakova, E.V. *Biznes-protsessy gostinichnogo predpriyatiya: uchebnoe posobie* [Business processes of a hotel enterprise: a tutorial]. [Electronic resource]. URL: <http://www.esa-conference.ru> [in Russian]

УДК 336.36

Проблемы и совершенствование управления бизнес-процессами предприятий гостиничного бизнеса

Татьяна Евгеньевна Гварлиани ^{а,*}, Эмилия Сергеевна Адамова ^а

^а Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты исследования проблем управления предприятиями гостиничного бизнеса. Выделены три группы проблем, связанные с процессом управления. Рассмотренные проблемы управления гостиничными предприятиями выступают как глобальные, поскольку они обнаруживаются по всей России. По этой причине страдает в целом российская сфера гостеприимства, поскольку большая часть отечественных гостиничных предприятий не могут предоставлять своим гостям требуемый уровень качества, необходимый для эффективного развития данной сферы в будущем. В качестве решения вскрытого круга проблем, предлагается применение процессного подхода. Данный подход в случае управления предприятиями гостиничного бизнеса признается одним из самых эффективных инструментов их адаптации к условиям внешней среды. В этой связи все большую актуальность приобретают методы, позволяющие гостиничным предприятиям усовершенствовать их бизнес-процессы, что ставит своей целью более лучшее удовлетворение своих потребителей.

Ключевые слова: гостиничный бизнес, процессы управления, проблемы управления, сфера гостеприимства.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: antana-tata@mail.ru (Т.Е. Гварлиани)

Copyright © 2020 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2020, 14(3): 292-301

www.vestnik.sutr.ru

UDC 33

Digital Platforms as a Mechanism for Market Interaction between Sellers and Buyers of Goods and Services

Matvei S. Oborin ^{a, b, c, d, *}

^a Perm Institute (branch) of REU named after G.V. Plekhanov, Russian Federation

^b Perm State National Research University, Russian Federation

^c Perm State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov, Russian Federation

^d Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of using digital platforms by market interaction subjects as an effective mechanism of cooperation. Scientific and technological progress determines the dynamics of regional and global markets. The acceleration of information exchange significantly affects the quality of implementation of projects and programs of various levels of complexity, determines the quality of obtaining and the value of the final results. A positive economic effect occurs by reducing transaction costs, providing access to information and technological resources for various categories. The creation of fundamentally new technologies, goods and services actualize the interest in digital platforms on the part of the state and business. The significance of digital platforms for business is described. Innovative solutions implemented in material production have a long-term effect, contribute to improving the competitiveness of domestic products, and determine the position of the country and region in global and regional markets. The main classification criteria of platforms that have practical significance are defined. The characteristic of the most common platforms in the world practice is presented. The functions and goals of using platforms in the development of socio-economic systems, potential user groups for which the information environment has been developed, are of great importance. The analysis of statistical data on the growth of the number of Internet users in the world and the increase in sales revenue of the world's leading companies that actively use platform technologies to achieve strategic business goals is carried out. An assessment of the advantages and limitations of using these digital solutions for market entities is presented. Promising directions for the development of digital platforms in the global and regional markets are substantiated. In Russia, the state is the main subject of innovation and development of digital technologies, so we can assume that the predominance of project and industry approach at the global level.

Keywords: digital platforms, regional markets, market participants, cooperation, advantages, collective behavior, information security.

1. Введение

Цифровая платформа является эффективной средой или механизмом формирования кооперационных связей рыночных субъектов, имеющих различную экономическую специализацию, которые могут быть территориально расположены в различных регионах.

* Corresponding author

E-mail addresses: recreachin@rambler.ru (M.S. Oborin)

Особенности совместной деятельности и система формируемых преимуществ позволяют выделить наиболее существенные характеристики рассматриваемой технологии ([Digital, 2019](#)):

1. Разрабатывается и реализуется формализованный алгоритм кооперационных связей в бизнес-процессе. Система порядка взаимодействия ограничена и описана.

2. Взаимовыгодные экономические, управленческие, кооперационные отношения участников платформ.

3. Функциональное распределение обязанностей участников, применяющих технологии платформы для производства единого продукта или услуги.

4. Общее информационное пространство, где взаимодействуют участниками и соответствующие информационные технологии.

5. Эффект уменьшения операционных издержек благодаря применению цифровых платформ.

Рассматривая отдельные виды цифровых платформ и их осуществления необходимо определить и оценить следующие особенности цифровых платформ:

1. Целью платформы является основной вид деятельности, который реализуется с применением цифровых решений, имеющих территориальный или отраслевой эффект.

2. Субъекты бизнес-среды, применяющие цифровые платформы, включая основных бенефициаров.

3. Информационные эффекты, получаемые платформой от участников:

– обработка информации;

– данные для принятия решений;

– коммерческие и производственные результаты, возникшие благодаря применению цифровых платформ.

4. Элементный состав технологии.

Вышеуказанные характеристики и функциональные преимущества цифровых платформ позволяют разрабатывать и применять типовые платформенные решения для осуществления программ цифровизации на федеральном и региональных уровнях ([Global digital population..., 2020](#)).

2. Материалы и методы

Исследование проведено на основе контент-анализа научно-теоретических работ, посвященных вопросам цифрового развития социально-экономических систем на азе инновационных платформенных решений. Основные методы получения результатов: общенаучные методы анализа и синтеза, моделирование социально-экономических процессов.

3. Обсуждение

Цифровая платформа представляет качественно новую прорывную инновацию, которая в то же время дает дополнительные возможности для традиционного бизнеса ([Коблова и др., 2017](#)). Особое внимание уделяется особенностям цифровых потребителей на рынке товаров и услуг ([Коблова, Мурыгина, 2018](#)).

Анализ научных работ позволил определить наиболее распространенные модели цифровых платформ, которые используются в экономике различных государств.

Инструментальная цифровая платформа. Результатом является снижение себестоимости участников, использующих платформу на основе реализуемых технологических решений: с помощью многократного повторного применения инструментов данных после их разработки и учета. Инструментальные цифровые платформы включают в себя как программные библиотеки, так и аппаратные программные устройства, которые применяются для создания более сложных прикладных систем ([Percentage of consumers worldwide, 2019](#)).

Инфраструктурная цифровая платформа. Состав структуры: источники информации, способы доставки информации, способы хранения, инструментальная цифровую платформу и инфраструктуру для ее исполнения, информационно технологические услуги, инструменты программирования, настройку и объединение информационно-технологических сервисов с платформой и между собой. Результатом функционирования технологии данного типа является кооперация и алгоритм взаимодействия субъектов.

Прикладная цифровая платформа. Значимость прикладной платформы состоит в предоставлении возможности обмена и упрощения процедуры ее исполнения благодаря последовательности и увеличению прозрачности. Основным экономическим эффектом является оптимизация транзакционных издержек в условиях единой информационной среды. В то же время прикладная платформа помогает потребителям и поставщикам находить друг друга, а также обеспечивает расчетно-платежные операции (McCabe, Snyder, 2018).

Отраслевая цифровая платформа. Формирование прикладных цифровых платформ происходит как через рынок, так и по линии государственного проектного финансирования. При государственном контроле формируемая платформа уже имеет масштаб отраслевого уровня и осуществляет реализацию рыночных целей, цифровую генерацию и структурирование обмена данными участников, которые не обязательно вовлечены в прямые рыночные отношения друг с другом. К примеру, между субъектом бизнес-среды, налоговой, контролирующими инстанциями. В данном случае технология является нормативным инструментом для создания и управления наиболее объективной картиной состояния отрасли (Reuver, 2020).

4. Результаты

В мировой практике распространены следующие виды цифровых платформ:

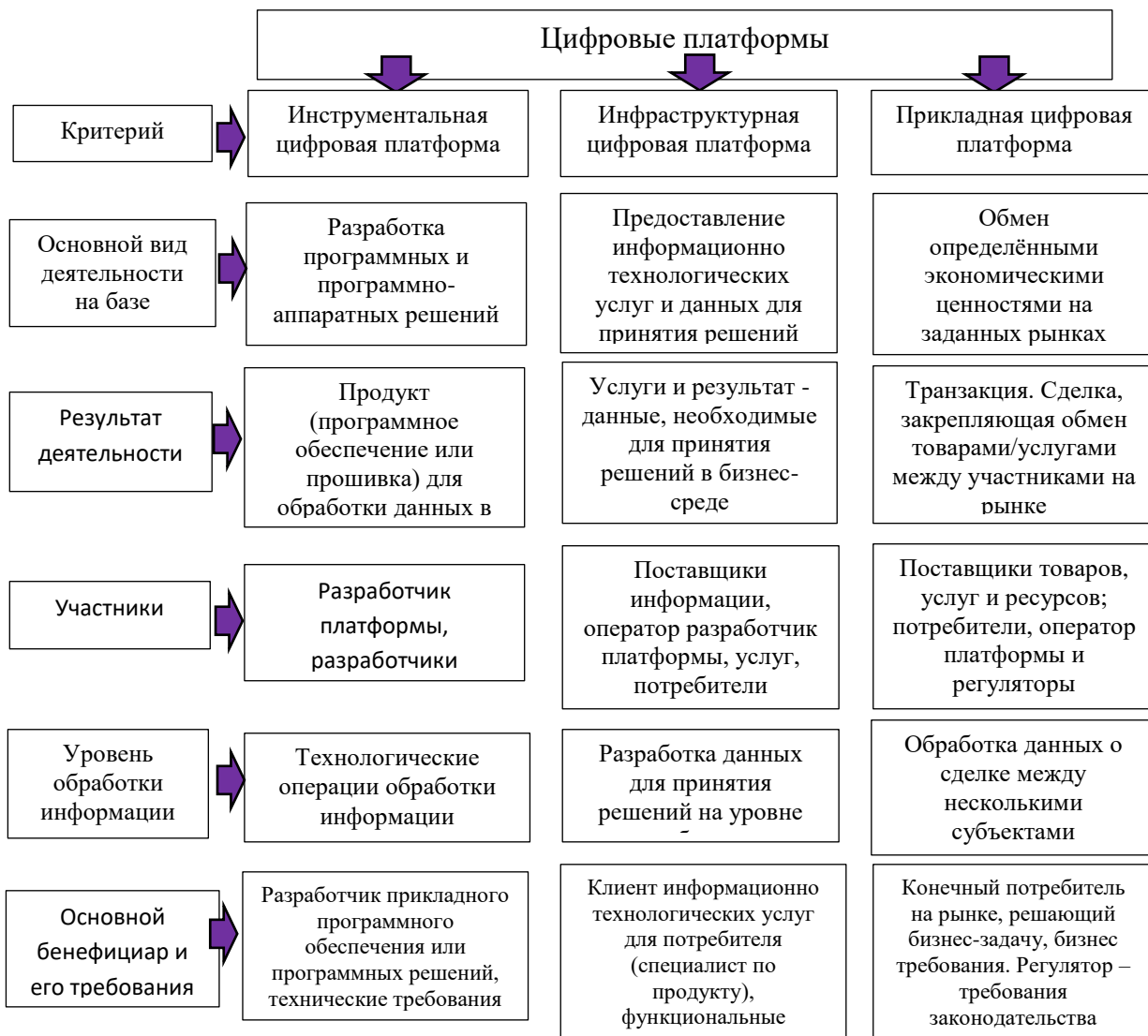

Рис. 1. Типы цифровых платформ (составлено на основе Гелисханов и др., 2018; Доклад о цифровой экономике, 2019; Daily internet access..., 2018)

1. Цифровая платформа, которая применяется на практике в качестве инструментальной платформы, основана на программном комплексе, позволяющем субъектам реализовывать сложные проектные решения, имеющие значения для различных социально-экономических систем.

2. Цифровая платформа, сформированная в качестве инфраструктурной основы разработки и реализации решений прикладных задач различного уровня, в том числе маркетинговых, рыночных, производственных, сервисных, имеющих выгоды для различных субъектов региональных и глобального рынков.

3. Технология обслуживания определенной бизнес-модели, необходимой для функционирования производственных комплексов, которая обеспечивает реализацию определенного алгоритма обмена информацией и координирующей коллективное поведение участников единого производственного цикла, что позволяет получать экономические, технологические и управленческие преимущества.

Анализ научно-теоретических работ, посвященных проблеме исследования, позволил выделить основные виды цифровых платформ, представляющих интерес с точки зрения развития и оптимизации деятельности социально-экономических систем различных уровней ([Рисунок 1](#)).

Существуют и иные классификационные критерии цифровых платформ ([Рисунок 2](#)).

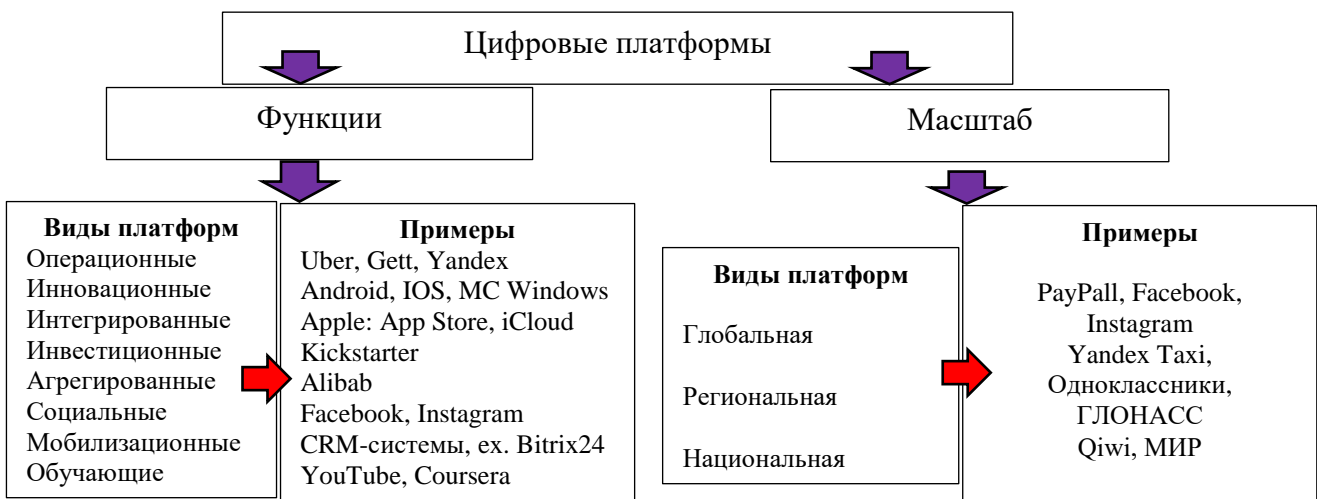

Рис. 2. Функционально-пространственная классификация цифровых платформ (составлено на основе [Месропян, 2020](#))

Необходимо заметить, что рассмотренная классификация цифровых платформ применяются достаточно часто.

В реально созданной цифровой среде платформы не полностью отвечают значению и характеристикам, отмеченным на [Рисунках 1 и 2](#). В настоящее время механизмы рыночного регулирования внедрения и реализации услуг на базе рассматриваемой технологии только формируются ([Leading online companies..., 2018](#)).

Сегодня задача предпринимателя заключается в том, чтобы адаптироваться к платформенным технологиям, либо разработать собственную инновацию ([Осипов, 2018](#)).

Экономические показатели Рунета по итогам 2019 года достигли 4,7 трлн. рублей. По отношению к 2018 году этот показатель увеличился на 20 %. При этом только на электронную коммерцию приходится около 2,8 трлн. рублей (59,6 %) ([Дубинин, 2020](#)).

Цифровая платформа представляет сложный механизм взаимовыгодной кооперации субъектов региональных и глобальных рынков, позволяющий различным сторонам взаимодействовать в режиме онлайн.

Цифровые потребители представляют значительный сегмент рынка, который применяет цифровые технологии в процессе выбора, анализа и приобретения товаров и услуг. Они сильно взаимосвязаны с брендами из-за увеличения узнаваемости брендов посредством онлайн-покупок и поиска информации онлайн.

Поскольку уровень развития цифровых платформ напрямую зависит от количества их активных пользователей, то рассмотрим динамику пользователей интернета в мире в целом (Рисунок 3).

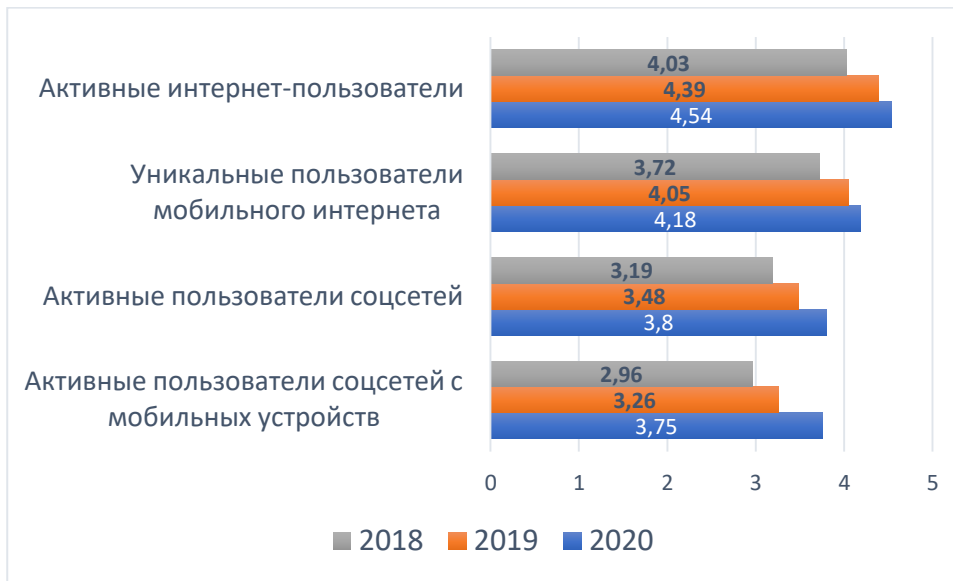

Рис. 3. Количество интернет-пользователей в мире на январь 2018–2020 гг., млрд чел. (составлено по данным Паркер и др., 2017; Панкина, 2018)

Согласно приведенной диаграмме, наблюдается рост проникновения интернета. По состоянию на январь 2020 года 4,54 млрд человек были активными пользователями интернета, что на 3,41 % больше показателя прошлого года и составляет 59 % мирового населения. Китай, Индия и США опережают все остальные страны по количеству интернет-пользователей, Россия находится лишь на 8 месте рядом с Японией.

Не менее важна частота пользования интернетом, поскольку, как правило, только вовлеченные пользователи склонны к совершению онлайн-покупок. Рассмотрим показатель ежедневного доступа пользователей в интернет на отдельных онлайн-рынках по состоянию на 01.01. 2020 г.

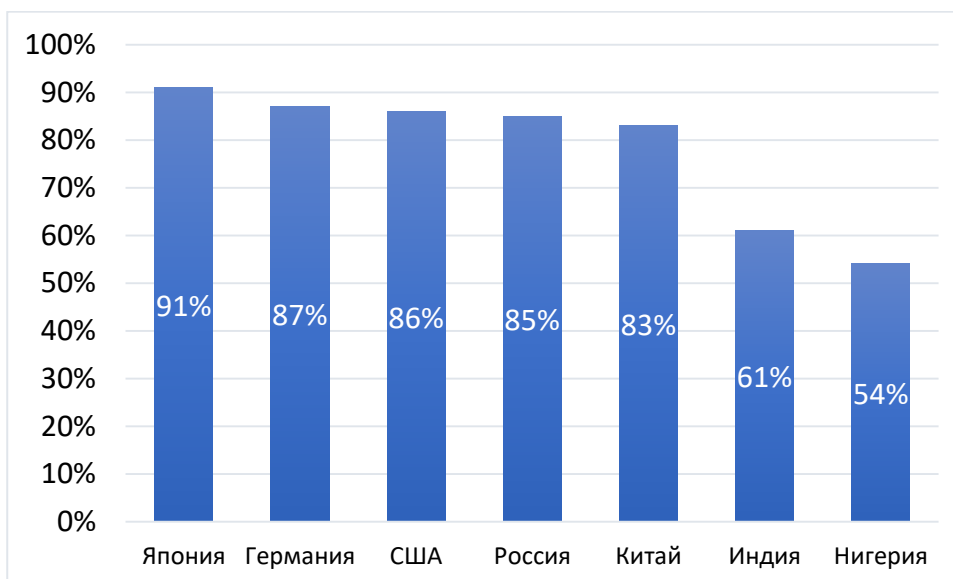

Рис. 4. Уровень ежедневного использования Интернета пользователями в отдельных странах по состоянию на январь 2020 года в % (составлено по данным источника Осипов, 2018)

Как видно из [Рисунка 4](#), наблюдается высокий уровень вовлеченности интернет-пользователей в наиболее развитых и развивающихся странах. 85 % респондентов из России заявили, что они ежедневно выходят в интернет, тогда как только 54 % опрошенных из Нигерии ответили то же самое.

Процесс цифровизации экономики не сбавляет свои темпы, цифровые платформы становятся все более используемыми в повседневной жизни, поэтому и платформенные компании растут с не малой скоростью. Для оценки развития цифровых платформ рассмотрим динамику доходов одних из крупнейших по капитализации интернет-компаний в мире и в России, на которые приходится существенная доля онлайн-продаж.

Таблица 1. Выручка ведущих платформенных компаний за 2017–2019 гг., млрд долл. США*

Компания	2017	2018	2019	Темп прироста, %
Apple	229,23	265,6	260,17	-2,04
Amazon	177,87	232,89	280,52	+20,45
Alphabet (Google)	109,65	136,22	161,86	+18,82
Facebook	40,65	55,84	70,7	+26,61
Alibaba	22,99	56,15	-	-
Яндекс	1,67	1,95	2,74	+37,4
Mail.Ru Group	1,02	1,09	1,32	+22,4

*составлено по данным Ревина, 2017

Как видно из [Таблицы 1](#) выручка крупных компаний растет за счет он-лайн продаж и применения современных технологий обслуживания.

Поскольку покупка товаров или услуг в интернет-пространстве происходит как правило не напрямую, а под влиянием рекламы, размещенной на площадках цифровых платформ, то рассмотрим долю потребителей, которые хотя бы раз совершали подобные онлайн-покупки ([Рисунок 5](#)).

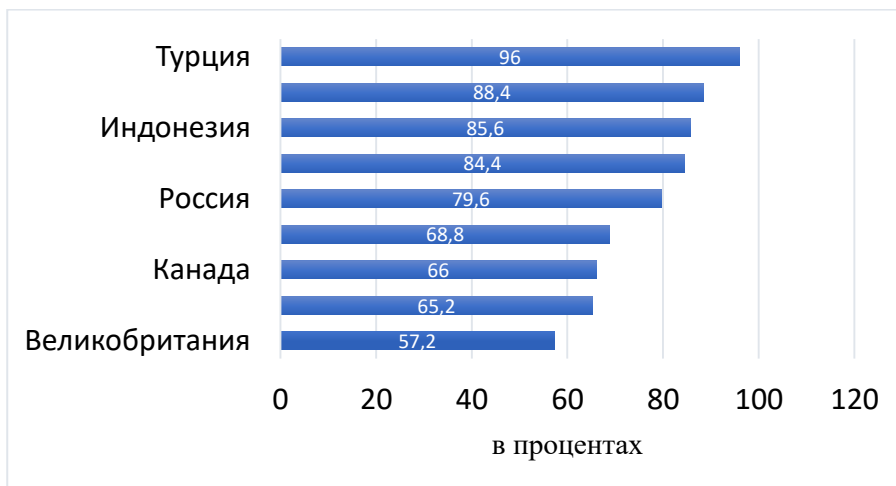

Рис. 5. Потребители совершавшие покупки под влиянием онлайн-рекламы по странам на январь 2019 г., в % (составлено по данным [Селин, 2020](#))

Согласно представленным данным, 96 % респондентов из Турции сообщили, что они совершали онлайн-покупки под влиянием рекламы в интернете или социальных сетях, в то время, как только 57,2 % респондентов из Великобритании заявили то же самое. Также почти 80 % россиян имели опыт в совершении покупок в интернете.

В завершении анализа можно говорить о положительной тенденции и перспективах в развитии цифровых платформ как в России, так и за рубежом.

Преимущества использования цифровых платформ продавцами товаров и услуг:
- развитие прямых кооперационных связей между участниками проектов;

- получение экономических, рыночных и технологических преимуществ субъектами различных рынков;
 - расширение рыночного присутствия и повышение конкурентных преимуществ участников, использующих платформенные технологии и решения для бизнеса.
- Основные ограничения широкого применения платформенных технологий:
- сложность в обеспечении информационной безопасности уникальных данных;
 - отсутствие эффективных нормативно-правовых механизмов регулирования взаимодействия участников рынка, связанных с цифровыми технологиями;
 - возможность рыночного и экономического злоупотребления правом собственников платформ;
 - сложности четкой регламентации статуса участников платформы.

5. Заключение

Проведенное исследование позволяет предположить дальнейший рост доминирования платформ-лидеров, о чем свидетельствуют темпы роста финансово-экономических показателей ведущих мировых компаний. Россия становится полноправным участником процесса цифровизации за счет роста числа цифровых потребителей в России и повышения благосостояния населения; формирования сетевого социального пространства и увеличения численности населения, применяющего цифровые технологии в профессиональных и личных целях; развития облачных технологий в России (например, облачная платформа Ростелеком).

Кризисные макроэкономические условия в еще большей степени актуализировали формирование благоприятных условий реализации достижений научно-технологический прогресс на различных уровнях управления: малый и средний бизнес, регионы, производственные комплексы и технологические парки.

Потенциал цифровых платформ используется пока недостаточно широко, но имеющиеся результаты свидетельствуют о больших возможностях сокращения издержек, обмене опытом и технологиями субъектов различной отраслевой специализации и территориальной удаленности. Данная технология является основой формирования цифрового рыночного пространства и обеспечению доступа для представителей бизнес-среды к передовым разработкам и решениями для производства, сферы услуг, обслуживания потребителей.

Литература

Гелисханов и др., 2018 – Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. 2018. Т. 11. № 6. С. 22-36.

Доклад о цифровой экономике, 2019 – Доклад о цифровой экономике 2019. Конференция организации объединенных наций по торговле и развитию. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru.pdf (дата обращения: 18.06.2020).

Дубинин, 2020 – Дубинин А.И. Экономические системы на новых цифровых платформах. Сетевое издание «ПолитРоссия». [Электронный ресурс]. URL: <https://politros.com/160403-samonkin-rasskazal-kak-rt-vystraivaet-ekonomicheskuyu-sistemu-na-novuykh-cifrovuykh-platformakh> (дата обращения: 18.06.2020).

Коблова, Мурыгина, 2018 – Коблова Ю.А., Мурыгина Н.В. Особенности рыночного механизма в цифровой экономике // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Экономика и бизнес*. 2018. Т. 9, № 5. С. 29-33.

Коблова и др., 2017 – Коблова Ю.А., Попов М.В., Мурыгина Н.В. Институты виртуального пространства: механизм, закономерности формирования и новые угрозы // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2017. № 3 (67). С. 82-86.

Месропян, 2020 – Месропян В.Н. Цифровые платформы – новая рыночная власть // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=46781&p=attachment> (дата обращения: 22.06.2020).

Осипов и др., 2018 – Осипов Ю.М., Юдина Т.Н., Гелисханов И.З. Цифровая платформа как институт эпохи технологического прорыва // *Экономические стратегии*. 2018. № 5 (155). С. 22-29.

Паркер и др., 2017 – Паркер Дж., Альстин М. ван, Чаудари С. Революция платформ. Как сетевые рынки меняют экономику – и как заставить их работать на вас. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с.

Панкина и др., 2018 – Панкина Т.В., Никишин А.Ф., Бойкова А.В. Привлечение и удержание покупателей в электронной торговле // *Российское предпринимательство*. 2018. Т. 19. № 3. С. 59-68.

Ревина, 2017 – Ревина С.Ю. Тенденции и перспективы российской электронной коммерции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 4. С. 487-497.

Селин, 2020 – Селин А.Н. Цифровые модели бизнеса: магистральный тренд современного рынка // *Дайджест новостей мира высоких технологий*. 2020. № 1. С. 1-14.

Daily internet access..., 2018 – Daily internet access of users in selected global online markets as of January 2018 // Официальный сайт немецкой компании Statista. [Электронный ресурс] URL: <https://www.statista.com/statistics/408506/internet-usage-frequency-daily-worldwide/> (дата обращения: 16.06.2020).

DIGITAL 2019 – DIGITAL 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://themimu.info/sites/themimu.info/files/documents/Report_Digital_2019_Myanmar_Kepios_Jan2019.pdf (дата обращения: 01.07.2020).

Global digital population..., 2020 – Global digital population as of January 2020 // Официальный сайт немецкой компании Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/> (дата обращения: 16.06.2020).

Leading online companies..., 2018 – Leading online companies ranked by revenue from 2017 to 2018 // Официальный сайт немецкой компании Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/277123/internet-companies-revenue/> (дата обращения: 16.06.2020).

Percentage of consumers worldwide..., 2019 – Percentage of consumers worldwide who have never made a purchase due to online or social media advertisements as of January 2019, by country // Официальный сайт немецкой компании Statista [Electronic resource]. URL: <https://www.statista.com/statistics/988893/consumers-never-made-purchase-due-online-social-media-ads-worldwide/> (date of access: 16.06.2020).

Reuver et al., 2020 – Reuver M. de, Sørensen C., Basole R.C. The digital platform: a research agenda // *Journal of Information Technology*. 2020. Vol. 33, № 2. Pp. 124-135.

McCabe, Snyder, 2018 – McCabe M.J., Snyder C.M. Open access as a crude solution to a hold-up problem in the two-sided market for academic journals // *The Journal of Industrial Economics*. 2018. Vol. 66. Is. 2. Pp. 301-349.

References

Daily internet access..., 2018 – Daily internet access of users in selected global online markets as of January 2018 // Official website of the German company Statista. [Electronic resource]. URL: <https://www.statista.com/statistics/408506/internet-usage-frequency-daily-worldwide/> (date of access: 16.06.2020).

DIGITAL 2019 – DIGITAL 2019. [Electronic resource]. URL: https://themimu.info/sites/themimu.info/files/documents/Report_Digital_2019_Myanmar_Kepios_Jan2019.pdf (date of access: 01.07.2020).

Doklad o tsifrovoy ekonomike, 2019 – Doklad o tsifrovoy ekonomike 2019. Konferentsiya organizatsii ob"edinennykh natsii po trgovle i razvitiyu [Digital economy report 2019. United Nations Trade and Development Conference]. [Electronic resource]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru.pdf (date of access: 18.06.2020). [in Russian]

Dubinin, 2020 – Dubinin A.I. (2020). Ekonomicheskie sistemy na novykh tsirovyykh platformakh. Setevoye izdanie «PolitRossiya» [Economic systems on new digital platforms. The online edition "PolitRussia"]. [Electronic resource]. URL: <https://politros.com/160403-samonkin-rasskazal-kak-ef-vystraivaet-ekonomicheskuyu-sistemu-na-novykh-cifrovyykh-platformakh> (date of access: 18.06.2020). [in Russian]

Geliskhanov i dr., 2018 – Geliskhanov I.Z., Yudina T.N., Babkin A.V. (2018). Tsifrovye platformy v ekonomike: sushchnost', modeli, tendentsii razvitiya [Digital platforms in the

economy: essence, models, development trends]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki*. T. 11. 6: 22-36. [in Russian]

Global digital population..., 2020 – Global digital population as of January 2020 // Official website of the German company Statista [Electronic resource]. URL: <https://www.statista.com/statistics/617136/digital-population-worldwide/> (date of access: 16.06.2020).

Koblova i dr., 2017 – *Koblova Yu.A., Popov M.V., Murygina N.V.* (2017). Instituty virtual'nogo prostranstva: mekhanizm, zakonomernosti formirovaniya i novye ugrozy [Institutions of the virtual space: mechanism, patterns of formation and new threats]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. № 3 (67). Pp. 82-86. [in Russian]

Koblova, Murygina, 2018 – *Koblova Yu.A., Murygina N.V.* (2018). Osobennosti rynochnogo mekhanizma v tsifrovoi ekonomike [Features of the market mechanism in the digital economy]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta. Ekonomika i biznes*. T. 9, № 5. Pp. 29-33. [in Russian]

Leading online companies..., 2018 – Leading online companies ranked by revenue from 2017 to 2018 // Official website of the German company Statista. [Electronic resource]. URL: <https://www.statista.com/statistics/277123/internet-companies-revenue/> (date of access: 16.06.2020).

McCabe, Snyder, 2018 – *McCabe M.J., Snyder C.M.* (2018). Open access as a crude solution to a hold-up problem in the two-sided market for academic journals. *The Journal of Industrial Economics*. 66(2): 301-349.

Mesropyan, 2020 – *Mesropyan V.N.* (2020). Tsifrovye platformy – novaya rynochnaya vlast' [Digital platforms – new market power]. [Electronic resource]. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=46781&p=attachment> (date of access: 22.06.2020). [in Russian]

Osipov i dr., 2018 – *Osipov Yu.M., Yudina T.N., Geliskhanov I.Z.* (2018). Tsifrovaya platforma kak institut epokhi tekhnologicheskogo proryva [Digital platform as an institution of the era of technological breakthrough]. *Ekonomicheskie strategii*. 5 (155): 22-29. [in Russian]

Pankina i dr., 2018 – *Pankina T.V., Nikishin A.F., Boikova A.V.* (2018). Privlechenie i uderzhanie pokupatelei v elektronnoi trgovle [Attracting and retaining buyers in e-commerce]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*. T. 19. 3: 59-68. [in Russian]

Parker i dr., 2017 – *Parker Dzh., Al'stin M. van, Chaudari S.* (2017). Revolyutsiya platform. Kak setevye rynki menyayut ekonomiku – i kak zastavit' ikh rabotat' na vas [Platform Revolution. How online markets are changing the economy – and how to make them work for you]. M.: Mann, Ivanov i Ferber. 304 p. [in Russian]

Percentage of consumers worldwide..., 2019 – Percentage of consumers worldwide who have never made a purchase due to online or social media advertisements as of January 2019, by country // Official website of the German company Statista. [Electronic resource]. URL: <https://www.statista.com/statistics/988893/consumers-never-made-purchase-due-online-social-media-ads-worldwide/> (date of access: 16.06.2020).

Reuver et al., 2020 – *Reuver, M. de, Sørensen, C., Basole, R.C.* (2020). The digital platform: a research agenda. *Journal of Information Technology*. 33(2): 124-135.

Revinova, 2017 – *Revinova S.Yu.* (2017). Tendentsii i perspektivy rossiiskoi elektronnoi kommertsii [Trends and prospects of Russian e-commerce]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Ekonomika*. T. 25. 4: 487-497. [in Russian]

Selin, 2020 – *Selin A.N.* (2020). Tsifrovye modeli biznesa: magistral'nyi trend sovremennogo rynka [Digital business models: the main trend of the modern market]. *Daidzhest novostei mira vysokikh tekhnologii*. 1: 1-14. [in Russian]

УДК 33

Цифровые платформы как механизм рыночного взаимодействия продавцов и покупателей товаров и услуг

Матвей Сергеевич Оборин ^{a, b, c, d, *}

^a Пермский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^b Пермский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация

^c Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова, Российская Федерация

^d Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена особенностям применения цифровых платформ субъектами рыночного взаимодействия, как эффективному механизму кооперации. Научно-технический прогресс определяет динамику развития региональных и глобальных рынков. Ускорение информационного обмена существенно влияет на качество реализации проектов и программ различного уровня сложности, определяет сроки получения и ценность итоговых результатов. Положительный экономический эффект возникает за счет снижения транзакционных издержек, обеспечения доступа к информационным и технологическим ресурсам для различных категорий. Создание принципиально новых технологий, товаров и услуг актуализируют интерес к цифровым платформам со стороны государства и бизнеса. Охарактеризовано значение цифровых платформ для бизнеса. Инновационные решения, внедряемые в материальное производство, имеют длительный эффект, способствуют повышению конкурентоспособности отечественных товаров, определяют положение страны и региона на глобальных и региональных рынках. Определены основные классификационные критерии платформ, имеющие практическую значимость. Представлена характеристика наиболее распространенных в мировой практике платформ. Важное значение имеют функции и цели использования платформ в развитии социально-экономических систем, потенциальные группы пользователей, для которых разработана информационная среда. Проведен анализ статистических данных о росте численности интернет-пользователей в мире и повышении выручки продаж ведущих мировых компаний, активно использующих платформенные технологии в достижении стратегических целей бизнеса. Представлена оценка преимуществ и ограничений применения данных цифровых решений для рыночных субъектов. Обоснованы перспективные направления развития цифровых платформ на глобальном и региональных рынках. В России государство является основным субъектом инновационной деятельности и развития цифровых технологий, поэтому можно предположить о преобладании проектного и отраслевого подхода на глобальном уровне.

Ключевые слова: цифровые платформы, региональные рынки, участники рынка, кооперация, преимущества, коллективное поведение, информационная безопасность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: recreachin@rambler.ru (М.С. Оборин)

Copyright © 2020 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2020, 14(3): 302-310

www.vestnik.sutr.ru

UDC 658.5

A Methodological Approach to the Organization of the Payment Process

Valentina N. Rashchupkina ^a, Elena N. Obedkova ^{a, *}

^a Donbas National Academy of Civil Engineering and Architecture, Donetsk People Republic

Abstract

The article discusses the theoretical and practical aspects of substantiating a methodological approach to the organization of the payment process in order to increase the efficiency of the use of material resources and simplify the organization of the interaction between initiators of payments, the treasury department and the planning and economic department of the enterprise, as well as external participants in the payment process in the framework of formation and execution payments.

A methodology for formalizing the business process “Payment Management” within the framework of SAP ERP was developed, taking into account the centralization of treasury functions. The algorithm for organizing the payment process based on the ARIS Express software is modeled, the author substantiates the business stages of the verification process including: identifying conditions and a documentary basis for making payments, establishing the procedure for the formation of the payment register and the timing of formation, approval (authorization) and processing of the agreed register payments.

Keywords: methodical approach, organization of business processes, balance of payments, payment management, SAP ERP.

1. Введение

Необходимость финансовой стабильности компаний обусловлена стратегическим его значением как фундамента национальной экономики. С учетом централизации казначейских функций управления платежными денежными потоками, а также оперативное взаимодействие между участниками, является важным процессом, от которого зависят финансовые показатели и прибыльность компании. Владелец компании обычно считает, что прибыльность бизнеса важна, но надо отметить, не менее важны процессы финансирования затрат, необходимых для осуществления производственной деятельности, своевременности осуществления платежей в бюджетные и небюджетные фонды, финансирования социально-культурных мероприятий, выплаты заработной платы. На основании консолидированной отчетности интегрированных бизнес – структур входящих в экономическую систему, для него очень важно, видеть уровень ликвидности компании или группы компаний в режиме реального времени. Так, если у одной компании намечается разрыв в ликвидности, а у другой избыточная ликвидность, выгоднее принимать решения, не использовать депозиты и кредитные линии, а осуществлять денежные переводы. В таком случае будет обеспечена необходимая экономия и дополнительный доход.

В дополнение к соответствующей методологии управления денежными потоками и внутренними ресурсами, информационная составляющая коммуникаций между

* Corresponding author

E-mail addresses: elenapatova.1420@mail.ru (E.N. Obedkova), vnr53@mail.ru (V.N. Roshchupkina)

участниками бизнес-процесса в консолидированной экономической системе, может осуществляться как в бумажном, так и в электронном виде. Трудно представить в современном мире успешный бизнес, в котором не использовались бы передовые ИТ-инструменты. Используя программно-аппаратный комплекс, в классе систем ERP, обеспечивающий подготовку и обмен электронными финансовыми документами и информационными материалами, можно повысить эффективность использования ресурсов, также автоматизировать все основные бизнес-процессы, давая менеджерам на разных уровнях, возможность планировать действия, контролировать выполнение правил, компетентно и своевременно получать оперативные отчеты (Пожидаева, Голубева, 2018: 216).

На современном этапе, чтобы минимизировать риск принятия необоснованных управленческих решений в области экономики, очень важно обеспечивать быстрое достижение экономического эффекта с использованием современных технологий программного обеспечения (Алябьева, 2019: 303). Поэтому, в предложенном научном подходе, делается попытка оптимизации бизнес-процесса «Управление платежами» в рамках SAP ERP с учетом централизации казначейских функций, что приведет к снижению внутренних затрат на рабочую силу, связанную с управлением финансовыми ресурсами компании.

2. Материалы и методы

Основными источниками для написания статьи послужили теоретические и прикладные научные работы зарубежных и отечественных ученых по исследуемой проблеме. Изучение теоретических аспектов бизнес-процессов в организации платежного процесса компании проводилось отечественными учеными, в частности: А.Е. Васильев, Е.И. Кострюкова, М.А. Лапыгова, А.С. Петровская, А.Р. Муратова и другие; вопросы анализа и оптимизации бизнес-процессов на предприятии на основе ERP-системы SAP исследовали М.В. Алябьева, Н.Г. Соколов, К.В. Бакаева, Е.И. Сердюченко, Т.И. Панова, Л.А. Иоффе, А.В. Пожидаева, Т.В. Голубева, Д.А. Слащева, С.А. Тиньков, Н.В. Черепанова и другие.

В работе использованы общенаучные методы исследования: анализа и синтеза, сравнения и обобщения, структурно-функционального анализа, статистического анализа.

3. Обсуждение и результаты

Целью исследования является углубленное рассмотрение теоретических и практических аспектов успешного функционирования управления финансами предприятия на основе SAP ERP.

Использование специальных технических решений, предоставляемых системой ERP, позволит добиться единообразия и автоматизации процессов финансового управления, их полной прозрачности и, таким образом, добиться большей экономии, эффективности и повышения прибыльности организации.

В настоящее время существует растущая потребность в своевременном внедрении ERP-систем различной конфигурации в процессе работы, поскольку сталкиваясь с необходимостью обработки больших объемов информации и постоянным изменением действующих нормативных требований, организациям необходимо быстро и правильно принимать управленческие решения.

Основная суть управления корпоративными финансами заключается в поиске и распределении финансовых ресурсов для обеспечения эффективной и результативной работы предприятия (Ялова, 2019: 89).

Для успешного функционирования управления финансами предлагается оптимизировать платежные бизнес-процессы, представленные на [Рисунке 1](#).

Рассмотрим более подробно основные этапы организации платежного процесса на предприятии.

1 этап «Условия и документальное основание для осуществления платежей»

Для осуществления платежа необходимы следующие условия:

1) наступление сроков расчетов в соответствии с договорными условиями (утвержденными графиками поставки, выполнения работ или оказания услуг) или законодательными и нормативными актами государства;

2) наличие достаточного лимита финансирования в соответствии с утвержденным бюджетом платежей на месяц согласно «Регламенту бюджетного планирования».

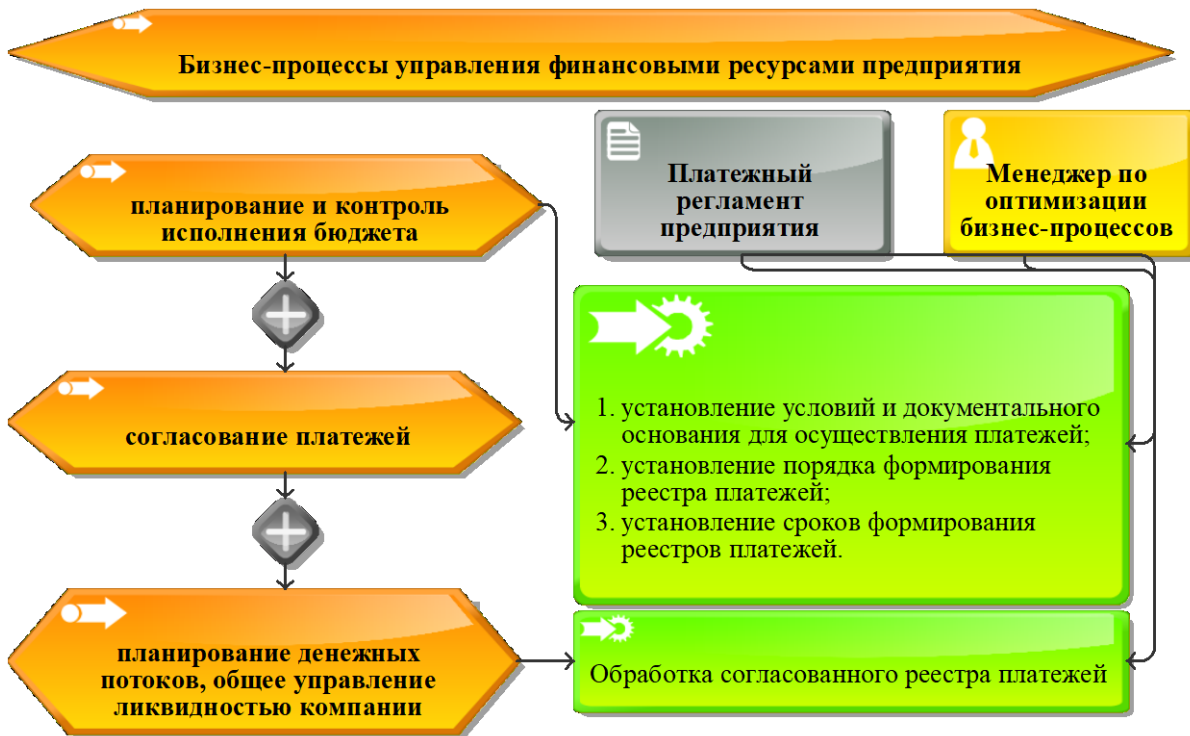

Рис. 1. Алгоритм организации платежного процесса на основе программного обеспечения «ARIS Express»

Документальную основу для осуществления платежей можно разделить на документы в национальной и иностранной валюте. К первым относится: заключенный между компанией и контрагентом договор, выставленный на его основании счет; акцептованные надлежащим образом первичные документы; акт сверки взаимных расчетов на последнюю отчетную дату и т.п.

К документам в иностранной валюте дополнительно к выше перечисленным следует отнести: оригинал и копию контракта, оригиналы и копии всех документов, указанных в пунктах контракта, связанных с условиями и порядком расчетов (приложения, дополнения, спецификации, инвойсы, прочие документы); копию акта приема-сдачи выполненных услуг при оплате фактически оказанных услуг; а также оригинал акта ценовой экспертизы.

2 этап «Порядок формирования реестра платежей»

Реестр платежей формируется в информационной системе для управления ресурсами предприятия - SAP ERP на основании платежных позиций.

Реестр платежей – это реестр всех платежных и памятных позиций, сформированных на дату запуска такого отчета с целью анализа платежей, а также их акцептования в процессе управления ликвидностью предприятия.

Платежная позиция представляет собой определенную позицию финансового документа SAP ERP, отражающую задолженность перед контрагентом/получателем платежа. При проводке бухгалтерских документов МБС обеспечивает контроль наличия акцептованных надлежащим образом первичных документов и контроль реквизитов позиций кредиторской задолженности на соответствие первичным документам (счетам-фактурам) в рамках установленной зоны ответственности.

Памятная позиция – представляет собой определенную позицию финансового документа SAP ERP, отражающую намерение осуществить платеж контрагенту/получателю платежа.

В случае необходимости осуществления предоплаты или частичной оплаты существующей платежной позиции создаются памятные платежные позиции – требование авансового платежа (ТАП) или требование платежа (ТП) соответственно.

Формирование реестра платежей осуществляется ответственными сотрудниками отдела казначейских операций компании по позициям реестра SAP с учетом следующих критериев:

1) определение приоритетности платежа с учетом мнения ресурсных служб компании, в том числе учитывая сроки возникновения задолженности по платежной позиции, плановый срок оплаты, придерживаясь принципа осуществлять платеж в банковский день, максимально приближенный к граничному сроку оплаты по условиям договора;

2) определение целесообразности платежей, в том числе учитывая возможность осуществления встречной оплаты в случае наличия взаимной задолженности с контрагентом, сальдо задолженности по расчетам с контрагентом.

3 этап «Сроки формирования реестров платежей»

Реестры, содержащие платежные позиции по статьям «Зарплата и налоги по заработной плате» (выплата аванса и заработной платы сотрудникам предприятия), «Налоги» (кроме «НДС на таможне»), «погашение кредита и о/о по кредиту» предоставляются предприятием за один рабочий день до наступления срока оплаты. Реестры, содержащие остальные защищенные платежи, а также условно-защищенные платежи, должны направляться в день оплаты.

4 этап «Согласование (авторизация) платежей»

Построение системы электронного согласования платежей позволяет сократить длительность процесса согласования, повысить контроль исполнительской дисциплины, сократить избыточное количество согласующих лиц для особых видов платежей, избежать оплаты несогласованных документов и предоставляет возможность просматривать историю согласования.

Согласование платежных позиций происходит путем изменения кодов блокировки участниками платежного процесса, согласно предоставленным им полномочиям в процессе авторизации платежей.

Процесс авторизации происходит в последовательности, указанной на [Рисунке 2](#) «Согласование платежей предприятия».

Для выполнения авторизации позиций в системе SAP ERP, каждому участнику процесса авторизации определяется пользовательская бизнес-роль.

Первый уровень авторизации – уровень контроля предприятия предусматривает проверку на соответствие критериям к платежным позициям:

– определение приоритетности платежа, в том числе учитывая сроки возникновения задолженности по платежной позиции, плановый срок оплаты и сальдо задолженности по расчетам с контрагентом;

– определение целесообразности платежей, в том числе учитывая возможность осуществления встречной оплаты в случае наличия взаимной задолженности с контрагентом;

– контроль наличия свободного лимита по бюджетной статье в планах платежей предприятия;

– наличие сопроводительных документов;

– наличие заполненных обязательных полей/реквизитов платежной позиции SAP ERP.

Второй уровень авторизации – уровень контроля структурного подразделения по осуществлению казначейских операций предусматривает:

– контроль наличия требуемых документов оснований;

– проверку банковских реквизитов платежных позиций на соответствие первичным документам, а именно: валюта платежа, код банковских реквизитов получателя, код банковских реквизитов отправителя, текст назначения платежа.

Третий уровень авторизации – также уровень контроля структурного подразделения по осуществлению казначейских операций, который предусматривает формирование в SAP ежедневного реестра платежей предприятия для утверждения.

Четвертый уровень авторизации – уровень контроля Отдела казначейских операций (ОКО). Ответственный сотрудник ОКО предприятия, которому предоставлен доступ в SAP ERP осуществляет:

– контроль наличия встречной дебиторской задолженности предприятия и при необходимости, рассмотрения возможности погашения встречных однородных требований для погашения такой задолженности;

– контроль ликвидности – доступности свободных денежных средств к оплате, а также проверки лимита выделения денежных средств при распределении функциональными отделами предприятия.

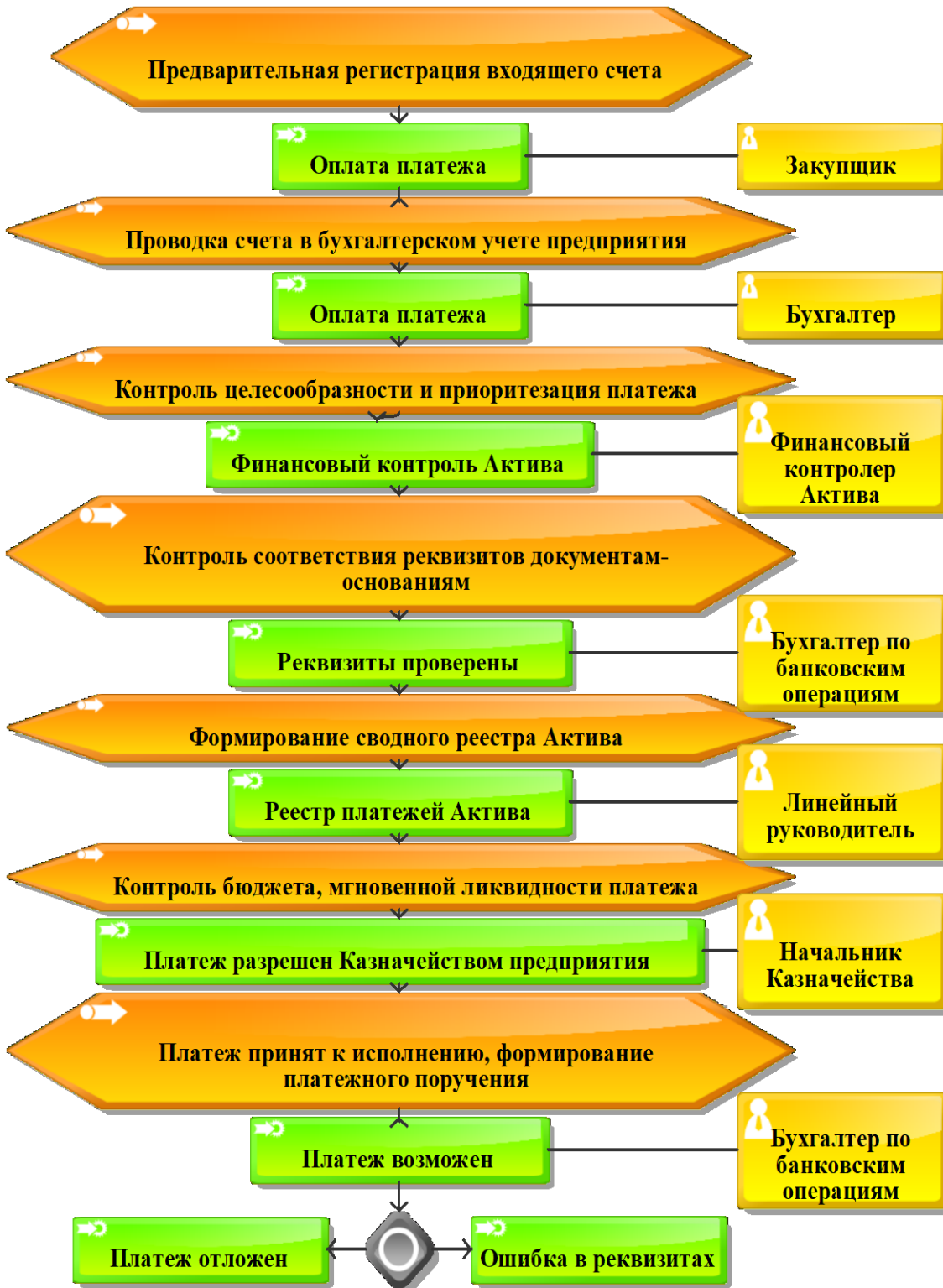

Рис. 2. Согласование платежей компании

5 этап «Обработка согласованного реестра платежей»

Ответственный сотрудник отдела казначейских операций компании после получения согласованного реестра начинает процесс подготовки платежных, памятных позиций и при необходимости позиций частичной оплаты с целью предоставления реестра документов в ЕРЦ для дальнейшей обработки согласованных платежей. Все платежи, прошедшие полный цикл авторизации, но по определенной причине не исполненные ЕРЦ по банку считаются распределенными, но не оплаченными. Такие платежи исполняются на следующий рабочий день, при наличии денежных средств на текущем счете предприятия.

4. Заключение

Таким образом, предлагаемый алгоритм организации платежного процесса позволяет оптимизировать порядок взаимодействия всех участников платежного процесса на предприятии в рамках процедуры и графика утверждения платежей с целью дальнейшего осуществления оплат, унификации подхода документооборота в платежном процессе на уровне компании, утверждения системы коммуникаций для взаимодействия в платежном процессе, а также усиления контроля за платежной процедурой компании.

Использование ИТ-инструментов для управления финансовыми ресурсами позволяет минимизировать свободные остатки на счетах, устранить кассовые разрывы и обеспечить получение доходов от краткосрочных инвестиций. Функция управления бюджетом позволяет оптимизировать бизнес-расходы компании.

Использование специальных технических решений, предоставляемых системой ERP в целом, позволяет добиться единообразия и автоматизации процессов финансового управления, их полной прозрачности и, таким образом, добиться большей экономии, эффективности и повышения прибыльности компании.

Литература

[Алябьева, 2019](#) – *Алябьева М.В., Соколов Н.Г.* Экономический эффект от внедрения ERP-решений на платформе SAP при управлении бизнес-процессами производственных компаний // *Вестник белгородского университета кооперации, экономики и права.* 2019. № 4 (77). С. 302-311.

[Бакаева, Сердюченко, 2017](#) – *Бакаева К.В., Сердюченко Е.И.* SAP ERP как система совершенствования бизнес-процессов в организациях // *Устойчивое развитие России в условиях глобальных изменений: материалы региональной научно-практической конференции студентов и молодых учёных; под общей редакцией Э.В. Соболева (Краснодар, 29 мая 2015 г.).* 2017. С.367-371.

[Бакланова, 2020](#) – *Бакланова Т.Э.* Казначейская служба корпорации: ее функции и роль в централизованном управлении денежными потоками // *Московский экономический журнал.* 2020. № 5. С. 42.

[Беларев, Обаева, 2017](#) – *Беларев И.А., Обаева А.С.* О распределенном реестре и возможности его применения // *Вестник финансового университета.* 2017. Т. 21. № 2(98). С. 94-99.

[Васильев, 2020](#) – *Васильев А.Е.* Инструменты управления денежными потоками в контексте качества управления организацией // *Развитие бухгалтерского учёта, анализа и аудита в современных концепциях управления: материалы IX межрегиональной научно-практической конференции молодых учёных и студентов с международным участием.* Министерство науки и высшего образования РФ; Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Институт экономики и управления (Симферополь, 24 апреля 2020 г.). 2020. С. 263-265.

[Искандарова, 2020](#) – *Искандарова Э.Ф.* Управление финансовыми потоками организации // *Science and Technology Innovations: сборник статей II Международной научно-практической конференции (Петрозаводск, 26 марта 2020 г.).* 2020. С. 99-102.

[Кострюкова, 2019](#) – *Кострюкова Е.И.* Бюджетирование денежных потоков в системе управленческого учета // *Вестник института дружбы народов Кавказа теория экономики и управления народным хозяйством.* 2019. № 1 (49). С. 21.

[Латыпова и др., 2020](#) – *Латыпова М.А., Петровская А.С., Гельманова З.С.* Принципы разработки формы бюджета движения денежных средств для системы бюджетирования на предприятии // *Научные исследования: теория, методика и практика: сборник*

материалов VI Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 10 апреля 2020 г.). 2020. С. 152-155.

Муратова, 2018 – Муратова А.Р. Оптимизация финансового контроля и принципы управления денежными потоками в финансовом менеджменте компании // *Экономика и управление: современные тенденции*: сборник статей ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». (Чебоксары, 2018 г.). 2018. С. 29-33.

Новожилова, 2018 – Новожилова В.В. Особенности учета денежных средств // *Современные концепции развития науки*: сборник статей Международной научно-практической конференции (Уфа, 26 октября 2018 г.). 2018. С. 134-137.

Панова, Иоффе, 2019 – Панова Т.И., Иоффе Л.А. Система SAP ERP как инструмент управления материальными ресурсами // *Теория и практика современной науки*. 2019. № 6(48). С. 384-387.

Пожидаева, Голубева, 2018 – Пожидаева А.В., Голубева Т.В. Анализ платформы «SAP» как лидера российского рынка ERP-систем // *Математические модели современных экономических процессов, методы анализа и синтеза экономических механизмов. Актуальные проблемы и перспективы менеджмента организаций в России*: сборник статей XII Всероссийской научно-практической конференции (Самара: Самарский научный центр РАН; под ред. Д.А. Новикова, 2018 г.). 2018. С. 211-217.

Слащева, Тиньков, 2019 – Слащева Д.А., Тиньков С.А. Рационализация движения материальных запасов с использованием инструментов SAP ERP // *Неделя молодежной науки*: сборник научных статей (Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2019 г.). 2019. С. 177-183.

Слащева, Тиньков, 2019а – Слащева Д.А., Тиньков С.А. Рационализация движения материальных запасов с использованием инструментов SAP ERP // *Молодой ученый*. 2019. 26 (264). С. 384-387.

Черепанова, 2018 – Черепанова Н.В. ERP-система SAP как способ эффективного управления предприятием // *Информационные технологии в современном мире*: материалы II Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 25 апреля 2018 г.). 2018. С. 84-91.

Шульгиницулина, Илларионов, 2014 – Шульгиницулина Д.В., Илларионов И.В. Анализ бизнес-процессов предприятия и настройка системы автоматизированного ведения складского учета средствами SAP ERP // *Сборник студенческих научных работ факультета компьютерных наук ВГУ*. 2014. С. 190-194.

Ялова, 2019 – Ялова Т.В., Миненко А.В. Сущность управления финансами предприятия // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 10-2. С. 89-93.

Vlasov i dr., 2017 – Vlasov V., Chebotareva V., Rakhimov M., Kruglikov S. Ai User Support System for SAP ERP // *Journal of physics: conference series*. 2017. Vol. 913. № 1. Pp. 012001.

Savchuk, 2019 – Savchuk R.R., Kirsta N.A. Managing of the Business Processes in Enterprise by Moving to SAP ERP System // *Proceedings of the 2019 Ieee Conference of Russian Young Researchers in Electrical and Electronic Engineering, Elconrus 2019* (Saint Petersburg – Moscow, 28-30 January 2019). 2019. Pp. 1467-1470.

References

Aljab'eva, 2019 – Aljab'eva, M.V., Sokolov, N.G. (2019). Ekonomicheskij effekt ot vnedrenija ERP-reshenij na platforme SAP pri upravlenii biznes-processami proizvodstvennyh kompanij [The economic effect of the implementation of ERP solutions on the SAP platform in the management of business processes of manufacturing companies]. *Vestnik belgorodskogo universiteta kooperacii, ekonomiki i prava*. 4(77): 302-311. [in Russian]

Bakaeva, Serdyuchenko, 2017 – Bakaeva K.V., Serdyuchenko E.I. (2017). SAP ERP kak sistema sovershenstvovaniya biznes-protsessov v organizatsiyakh [SAP ERP as a system for improving business processes in organizations]. *Ustoichivoe razvitie rossii v usloviyakh global'nykh izmenenii*: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh; pod obshchei redaktsiei E.V. Soboleva (Krasnodar, 29 maya 2015 g.). Pp. 367-371. [in Russian]

Baklanova, 2020 – Baklanova, T.E. (2020). Kaznacheiskaya sluzhba korporatsii: ee funktsii i rol' v tsentralizovannom upravlenii denezhnymi potokami [Corporate treasury: its functions and role in centralized cash flow management]. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal*. 5: 42. [in Russian]

Belarev, Obaeva, 2017 – *Belarev, I.A., Obaeva, A.S.* (2017). O raspredeleennom reestre i vozmozhnosti ego primeneniya [About the distributed ledger and the possibility of its application]. *Vestnik finansovogo universiteta*. T. 21. 2(98): 94-99. [in Russian]

Cherepanova, 2018 – *Cherepanova, N.V.* (2018). ERP-sistema SAP kak sposob jeffektivnogo upravleniya predpriyatiem [ERP system SAP as a way of effective enterprise management]. *Informacionnye tehnologii v sovremennom mire: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Ekaterinburg, 25 aprelja 2018.). Pp. 84-91. [in Russian]

Iskandarova, 2020 – *Iskandarova, E.F.* (2020). Upravlenie finansovymi potokami organizacii [Organization financial flow management]. *Science and Technology Innovations: sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Petrozavodsk, 26 marta 2020). pp. 99-102. [in Russian]

Kostruykova, 2019 – *Kostruykova, E.I.* (2019). Byudzhetrovanie denezhnykh potokov v sisteme upravlencheskogo ucheta [Cash flow budgeting in the management accounting system]. *Vestnik instituta družby narodov Kavkaza teoriya ekonomiki i upravleniya narodnym khozjaistvom*. 1 (49): 21. [in Russian]

Latypova i dr., 2020 – *Latypova, M.A., Petrovskaya, A.S., Gel'manova, Z.S.* (2020). Printsipy razrabotki formy byudzheta dvizheniya denezhnykh sredstv dlya sistemy byudzhetrovaniya na predpriyatii [Principles of developing a cash flow budget form for the enterprise budgeting system]. *Nauchnye issledovaniya: teoriya, metodika i praktika: sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Cheboksary, 10 aprelya 2020 g.). Pp. 152-155. [in Russian]

Muratova, 2018 – *Muratova, A.R.* (2018). Optimizatsiya finansovogo kontrolya i printsipy upravleniya denezhnymi potokami v finansovom menedzhmente kompanii [Optimization of financial control and principles of cash flow management in the financial management of the company]. *Ekonomika i upravlenie: sovremennye tendentsii: sbornik statei FGBOU VO «Chuvashskii gosudarstvennyi universitet im. I.N. Ul'yanova»*. (Cheboksary, 2018 g.). 2018. Pp. 29-33. [in Russian]

Novozhilova, 2018 – *Novozhilova, V.V.* (2018). Osobennosti ucheta denezhnykh sredstv [Features of cash accounting]. *Sovremennye kontseptsii razvitiya nauki: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Ufa, 26 oktyabrya 2018 g.). Pp. 134-137. [in Russian]

Panova, Ioffe, 2019 – *Panova, T.I., Ioffe, L.A.* (2019). Sistema SAP ERP kak instrument upravleniya material'nymi resursami [SAP ERP system as a material resource management tool]. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki*. 6(48): 384-387. [in Russian]

Pozhidaeva, Golubeva, 2018 – *Pozhidaeva, A.V., Golubeva, T.V.* (2018). Analiz platformy «SAP» kak lidera rossiiskogo rynka ERP-sistem [Analysis of the SAP platform as the leader of the Russian market for ERP systems]. *Matematicheskie modeli sovremennykh ekonomicheskikh protsessov, metody analiza i sinteza ekonomicheskikh mekhanizmov. Aktual'nye problemy i perspektivy menedzhmenta organizatsii v Rossii: sbornik statei XII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Samara: Samarskii nauchnyi tsentr RAN; pod red. D.A. Novikova, 2018 g.). Pp. 211-217. [in Russian]

Savchuk, 2019 – *Savchuk, R.R., Kirsta, N.A.* (2019). Managing of the Business Processes in Enterprise by Moving to SAP ERP System. *Proceedings of the 2019 Ieee Conference Of Russian Young Researchers in Electrical And Electronic Engineering, Elconrus 2019* (Saint Petersburg – Moscow, 28-30 January 2019). Pp. 1467-1470.

Shul'ginipulina, Illarionov, 2014 – *Shul'ginipulina, D.V., Illarionov, I.V.* (2014). Analiz biznes-protsessov predpriyatiya i nastroyka sistemy avtomatizirovannogo vedeniya skladsogo ucheta sredstvami SAP ERP [Analysis of business processes of an enterprise and setting up an automated warehouse accounting system using SAP ERP]. *Sbornik studencheskikh nauchnykh rabot fakul'teta komp'yuternykh nauk VGU*. Pp. 190-194. [in Russian]

Slashcheva, Tin'kov, 2019 – *Slashcheva, D.A., Tin'kov, S.A.* (2019). Ratsionalizatsiya dvizheniya material'nykh zapasov s ispol'zovaniem instrumentov SAP ERP [Streamlining inventory movements using SAP ERP tools]. *Nedelya molodezhnoi nauki: sbornik nauchnykh statei* (Moskva: Rossiiskii ekonomicheskii universitet imeni G.V. Plekhanova, 2019 g.). Pp. 177-183. [in Russian]

Slashheva, Tin'kov, 2019a – *Slashheva, D.A., Tin'kov, S.A.* (2019). Ratsionalizatsiya dvizheniya material'nykh zapasov s ispol'zovaniem instrumentov SAP ERP [Streamlining inventory movements using SAP ERP tools]. *Molodoi uchenyi*. 26(264): 384-387. [in Russian]

Vasil'ev, 2020 – Vasil'ev, A.E. (2020). Instrumenty upravleniya denezhnymi potokami v kontekste kachestva upravleniya organizatsii [Cash flow management tools in the context of the organization's management quality]. *Razvitie bukhhalterskogo ucheta, analiza i audita v sovremennykh kontseptsiyakh upravleniya: materialy IX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchennykh i studentov s mezhdunarodnym uchastiem*. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya RF; Krymskii federal'nyi universitet im. V.I. Vernadskogo, Institut ekonomiki i upravleniya (Simferopol', 24 aprelya 2020 g.). Pp. 263-265. [in Russian]

Vlasov i dr., 2017 – Vlasov, V., Chebotareva, V., Rakhimov, M., Kruglikov, S. (2017). Ai User Support System for SAP ERP. *Journal of Physics: Conference Series*. 913(1): 012001.

Yalova, 2019 – Yalova, T.V., Minenko, A.V. (2019). Sushchnost' upravleniya finansami predpriyatiya [The essence of enterprise financial management]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 10-2: 89-93. [in Russian]

УДК 658.5

Методический подход организации платежного процесса

Валентина Никитична Ращупкина ^a, Елена Николаевна Обьедкова ^{a, *}

^a Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, Донецкая Народная Республика

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты обоснования методического подхода организации платежного процесса с целью повышения эффективности использования материальных ресурсов и упрощения организации порядка взаимодействия между инициаторами платежей, отделом казначейских операций и планово-экономическим отделом предприятия, а также внешними участниками платежного процесса в рамках формирования и исполнения платежей.

Разработана методология формализации бизнес-процесса «Управление платежами» в рамках SAP ERP с учетом централизации казначейских функций. Смоделирован алгоритм организации платежного процесса на основе программного обеспечения «ARIS Express», предложено авторское обоснование бизнес-этапов проведения проверки включающих: выявление условий и документального основания для осуществления платежей, установление порядка формирования реестра платежей и сроков формирования, согласование (авторизация) и обработка согласованного реестра платежей.

Ключевые слова: методический подход, организация бизнес-процессов, платежный баланс, управление платежами, SAP ERP.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: elenapatova.1420@mail.ru (Е.Н. Обьедкова),
vr53@mail.ru (В.Н. Ращупкина)

Copyright © 2020 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2020, 14(3): 311-322

www.vestnik.sutr.ru

UDC 338.48

Drivers of the Development of Modern Tourist Spaces

Vladimir N. Sharafutdinov ^{a, b}, Elena V. Onishchenko ^{a, *}, Arsen R. Simonyan ^b

^a Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Sochi, Russian Federation

^b Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The article substantiates the hypothesis that the driving force of the development of modern tourist spaces is the sustainable reproduction of regional highly competitive tourist products. At the same time, the authors understand tourist spaces as such coordinates of human life, in which it is provided in the free space-time conditions of the spatial structure of regions, covering natural, territorial, economic, cultural-historical and other formations. That is, we are talking about such spatial and temporal coordinates of regions in which there is a mutual combination of the interests of tourists and the local population on the issues of regulating the demand from tourist flows and supply from the tourist sector of the economy in the space of the regions.

At the same time, the authors substantiate the idea that at the present stage the tourism sector has formed into an independent integral open system, which, from a synergistic point of view, already possesses the properties of self-development. The key role in the formation of these properties is played by the parameters of the order of self-organization of the tourism sector known in the theory of self-organization of systems. In turn, their understanding reveals the possibilities of improving the current management system for the development of the tourism sector of the regional economy, which are available only in the context of the use of the latest information technologies and the digitalization of industries involved in serving tourists. In particular, we are talking about the formation of tourist technological platforms, systems of indicators of the competitiveness of regional tourist products, etc. This provides the real prospects for transforming the tourism sector of the regional economy into a driver of Russia's socio-economic development and identifying key areas for its technological breakthroughs.

Keywords: tourism, tourism space, tourism sector, order parameters, tourism sector of the economy, indicators of the competitiveness of regional tourism products, tourism development management system, tourism technology platform.

1. Введение

Исследование проблем движителей развития туристских пространств в настоящее время находится на первоначальном этапе. В первом приближении, экономическим движителем освоения и развития туристских пространств, по нашему мнению, является устойчивое воспроизводство региональных туристских продуктов (далее – РТП), востребованных турпотоками (Онищенко и др., 2019). При этом туристское пространство наполняется не только экономическим содержанием, но и целым рядом иных отношений,

* Corresponding author

E-mail addresses: 398993@gmail.com (V.N. Sharafutdinov), elon@list.ru (E.V. Onishchenko), oppm@mail.ru (A.R. Simonyan)

обусловленных взаимодействием с такими пространственными образованиями в структуре регионов, как ландшафтные, культурно-исторические, социальные, этнические и др. Иными словами, пространство становится туристским только по мере наполнения его сферы, во-первых, отношениями туристы – местные жители, а во-вторых, реально складывающимися отношениями удовлетворения спроса со стороны турпотока, а также реализации предложения со стороны туристского сектора экономики, охватывающего все задействованные в удовлетворении спроса туристов отрасли и сферы региона. В частности, начиная с элементарного размещения и обустройства туристов в любой пространственно-временной точке регионов и, заканчивая наличием возможностей у туристов удовлетворять их самые тонкие духовные потребности в любом возрасте, любой национальности, пола или религии.¹

При этом туристская сфера, как показывает теория и практика развития туризма в мире, вследствие большой подвижности своих пространственно-временных координат, обладает высокой проникающей способностью, что позволяет ей, как правило, без особых затруднений, посредством взаимодействий осваивать, а порой и поглощать иные пространственные образования в пространственной структуре регионов, а именно: территориальные, экологические, градостроительные и др.

Причём всё это до настоящего времени не всегда и не везде находит своё адекватное отражение в топологии карт регионов², внутри которых подвижность элементов туристской сферы пока слабо отражается как в пространственной, так в её событийной или временной картине. А вследствие этого, зачастую наблюдается отсутствие и должной статистической видимости реалий экономики туризма. Собственно, в этой не простой, но характерной уже для многих регионов картине, прежде всего регионов туристско-курортной специализации, и проявляется пространственно-временная специфика развития туристских сфер на современном этапе. При этом мы исходим уже из предпосылки о туристской сфере, как целостной, сложной открытой системы, обладающей на настоящем этапе своего развития основными свойствами саморазвития ([Онищенко, Шарафутдинов, 2020](#)).

2. Материалы и методы

Для написания статьи использованы результаты анализа исследований зарубежных и отечественных учёных, рассматривающих проблему формирования и развития туристских пространств в мире. В дополнение к общенаучным методам авторы опираются на экономико-математическое моделирование, а также междисциплинарный, системный и платформенный подходы, рассматривая туристскую сферу экономики и туристскую технологическую платформу как саморазвивающиеся системы, способные самостоятельно преодолевать и подстраиваться под мировые кризисы, типа пандемий, использовать технологические тренды мировой экономики в пользу решения не только коммерческих, но и социальных проблем общества.

3. Обсуждение

Предпосылка о туристской сфере, как целостной, сложной, открытой и саморазвивающейся системе, обосновывается следующим образом.

¹ Понятие «туристская сфера» гораздо более ёмкое и одновременно шире своей экономической основы, прежде всего в свете фундаментальной теории и практики туризма, их междисциплинарного наполнения и систематизации результатами многих гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. В т.ч. с позиций исследования туризма различными отечественными и национальными научно-образовательными центрами мира на основе своих научно-образовательных подходов ([Основы туризма, 2014: 44-75](#)).

² «Топология — это набор правил, которые вместе с инструментами и технологиями редактирования позволяют более точно моделировать геометрические отношения в базе геоданных. В ArcGIS топология обеспечивается через набор правил, которые определяют, как пространственные объекты размещаются в географическом пространстве, а также через набор инструментов редактирования, одинаковым образом применяющихся к объектам с общей геометрией. Топология хранится в базе геоданных как одно или несколько отношений, определяющих, как пространственные объекты одного или нескольких классов пространственных объектов используют общую геометрию. Участвующие в топологии пространственные объекты относятся к простым классам пространственных объектов — топология не изменяет определение класса пространственных объектов, а сама служит описанием пространственных отношений этих объектов» ([Топология, 2020](#))

Во-первых, огромные количественные изменения в сфере туризма за последние десятилетия не могли не привести к серьёзным качественным в ней переменам. За чуть более полувека туристская сфера прошла путь от нескольких десятков миллионов туристов в год до объёмов турпотоков, уже превысивших численность населения нашей планеты. И суть этих перемен в том, что туризм из сферы отдыха и развлечений для небольшой группы состоятельных людей трансформировался в самостоятельный многоотраслевой сектор мировой и отечественных экономик, нацеленный в основном на сохранение и развитие человеческого потенциала, прежде всего передовых, развитых стран. Не случайно, что в них, в том числе при активной поддержке государства, ежегодно вовлекается в туристско-курортную сферу до 80-95 % населения этих стран, развивая социальный туризм. При этом охватывая туристским сектором более 50 сфер и отраслей, начиная с науки и образования, здравоохранения, культуры, транспорта, агропромышленного комплекса, торговли, связи, финансов и, заканчивая, спортом и всеми видами туризма.

Во-вторых, туристский сектор, как экономическая основа сферы туризма, сформирован и использует в своих интересах уже огромную ресурсную, материальную и инфраструктурную базы, основанные не только на неуклонном нарастании масштабов использования и потребления самых разнообразных ресурсов планеты (пространственных, природных, культурно-исторических, социальных, экономических и др.), но и технологий преобразования этих ресурсов в востребованные туристами турпродукты, объёмы которых насчитывают триллионы долларов.

В-третьих, сложилась и неуклонно развивается уже весьма сложная структура туристской сферы. В её основании сотни тысяч предприятий и фирм, функционирующих в режиме *микроуровня* туристской сферы и создающих гигантское разнообразие локальных турпродуктов, в которых до пандемии было занято около 300 млн человек, обслуживающих ежегодно растекающиеся в пространственно-временных координатах регионов и стран уже многомиллиардные турпотоки.

На *мезоуровне* в туристской сфере уже сформировались огромные ансамбли предприятий в рамках ключевых направлений развития туризма (лечебно-оздоровительный, культурно-исторический, экологический и пр.), начиная с гостиничных, ресторанных цепей и, заканчивая структурами управления развития туризма на региональном, страновом уровнях. На этом уровне речь идёт уже о регулировании воспроизводства масштабных и многоотраслевых региональных и страновых турпродуктов, как составляющих ВРП регионов и стран, которые генерируются спросом со стороны турпотоков в пространстве их пребывания.

На *макроуровне* сфера туризма представляется уже международными туристскими структурами континентального уровня (Шенгенская туристская зона, Североамериканская, туристская составляющая Великого шёлкового пути, иницированная Китаем, и др.), включая целый ряд туристских объединений на уровне ООН. Все эти элементы туристской сферы как системы сегодня активно взаимодействуют и взаимовлияют друг на друга в режиме как сетевого, так и спонтанного взаимодействия. Этот процесс представляет собой весьма сложную картину, состоящую как из периодов упорядоченного развития, так и периодов нарастания асинхронных, кризисных событий в тех или иных туристских пространствах стран или регионов, или направлений развития туризма.

Всё это обуславливает то, что сфера туризма уже явно приобрела целостные свойства сложной системы и начинает развиваться, в основном, за счёт своих внутренних факторов, то есть саморазвиваться. При этом одновременно являясь подсистемой в более крупных системных образованиях, таких как мировая экономика, общество в целом, экология планеты, естественно испытывая при этом как неспецифические, так возможно и специфические воздействия, но, уже не утрачивая свою целостность и свои внутренние источники развития, даже под воздействием событий типа мировой коронавирусной пандемии 2020 г., но влияние её будет значительным.

Принципиально важно, что ключевую роль в процессе саморазвития системы имеет её *мезоуровень*, на котором происходит формирование так называемых *параметров порядка саморазвития*, «когда зарождаются и начинают формироваться ее структуры», в ходе которых собственно и возникает процесс самоорганизации» (Дерябина, 2019: 82). Иными словами, процесс структуризации любой системы неизбежно означает перегруппировки в её микроэлементной базе (на микроуровне), в ходе которых все её неустойчивые, ослабленные элементы отсекаются, если они не преобразуются и не впишутся в складывающиеся средние

величины для обеспечения своих устойчивых состояний. При этом важно учитывать, что параметры порядка нельзя выбирать произвольно, они должны соответствовать «нелинейному характеру системы». В случае произвольного, неадекватного определения параметров порядка и оценки их изменения состояние системы может стать неустойчивым (Дерябина, 2019: 82-83).

4. Результаты

На наш взгляд, применительно к сфере туризма такого рода параметры порядка в определённой степени могут отражаться в определённых нами показателях конкурентоспособности региональных турпродуктов (Методологические основы..., 2018), зарождающихся в жёсткой конкурентной борьбе различных регионов мира за современные туристские и финансовые потоки (Крым: новый вектор..., 2017: 13-45).

При этом, как мы полагаем, взаимосвязь параметров порядка туристской сферы и показателей конкурентоспособности региональных туристских продуктов обусловлена тем, что в последних, во-первых, отражаются наиболее привлекательные черты отформатированных в процессе воспроизводства РТП совокупностей товаров и услуг, востребованных турпотоками и вовлекающих их в туристское пространство региона. А во-вторых, что весьма важно на настоящем этапе развития туризма в мире, в системе этих показателей конкурентоспособности РТП одним из ключевых является достаточная для его устойчивого воспроизводства его ресурсообеспеченность. То есть ежегодные или многолетние циклы воспроизводства регионального турпродукта должны иметь качественную и неисчерпаемую ресурсную базу, вовлекаемую в воспроизводственный процесс создания востребованных турпотоками РТП (Шарафутдинов, 2020).

Таким же образом такие показатели конкурентоспособности РТП, как наличие адекватного стратегирования воспроизводственного процесса в его пространственно-временных параметрах регионов, создание высокотехнологичной системы управления развитием туризма в регионах адекватной сложности и масштабам процесса воспроизводства РТП и др. в реальной теории и практике развития туризма в регионах придают туристской сфере как определённый вектор её развития, так и её устойчивость.

А учитывая то, что в конкурентной борьбе за место на туристских рынках посредством целенаправленной деятельности человека формируются практически все ключевые параметры региональных турпродуктов, то по мере трансформации туристской сферы в самостоятельную целостную систему, данные показатели конкурентоспособности РТП начинают приобретать свойства параметров саморазвития туристской сферы.

Иными словами, в ходе непрерывных циклов воспроизводства региональных турпродуктов, в их глубинных основах, складывающихся и фиксируемых в формирующихся структурах воспроизводственных пропорций, постепенно выкристаллизовываются своеобразные реперные точки устойчивости развития туристской сферы в пространственно-временных координатах регионов, выступая на поверхности экономических явлений объективной основой показателей конкурентоспособности конкурирующих между собой за отечественные и мировые турпотоки РТП.

При этом по своей природе параметры порядка туристской сферы, как уже целостной открытой саморазвивающейся системы, вполне способны «подчинять» себе процессы самоорганизации системы, тем самым реализуя «принцип подчинения по Хакену» (Хакен, 1991), который «составляет основу синергетического подхода к анализу эволюции и самоорганизации сложных систем» (Дерябина, 2019: 82). Основной перечень параметров применительно к сфере туризма, способных стать опорными точками структурного каркаса на мезоуровне, на наш взгляд, может быть представлен в виде определённой воспроизводственной матрицы (см. Рисунок 1).

Рис. 1. Схема формирования параметров порядка самоорганизации туристской сферы регионов в процессе воспроизводства востребованных турпотоками конкурентоспособных региональных туристских продуктов (составлено авторами)

В данной схеме представлены восемь взаимосвязанных и взаимно обуславливающих друг друга групп показателей. Их осмысление и группировка стали результатом наших исследований системы показателей конкурентоспособности ежегодно воспроизводимых региональных туристских продуктов, представляющих собой органическую составляющую ВРП, генерируемую вовлекаемыми в пространство регион турпотоками. Вместе с тем эта система показателей оказалась созвучна и с определённой степенью приближения явно отражает такие глубинные свойства саморазвивающихся систем, как параметры порядка. Ибо, с одной стороны, в них явно просматривается архитектура структуры туристской сферы как системы. А с другой стороны, в пространстве туристской сферы региона явно обнаруживает себя система определённых, ёмко насыщенных крупными информационными узлами взаимосвязей, раскрывающих перспективы системного и эффективного регулирования развития туристского сектора экономики регионов, прежде всего туристско-курортной специализации.

В этой связи характерны диагональные взаимосвязи воспроизводственной матрицы, представленной на [Рисунке 1](#). В частности, по диагонали a-b-f-h просматривается взаимосвязь ресурсной базы регионов с перечнем отраслей туристских секторов экономики регионов, вовлекаемых в воспроизводство региональных туристских продуктов, уровнем стратегирования их развития и показателями качества и эффективности системы управления развитием туристской сферы. А по диагонали c-d-e-g увязываются взаимозависимость спроса со стороны турпотоков с эффективностью использования вовлекаемого в воспроизводство региональных туристских продуктов туристского потенциала региона, предложением их объёмов, обеспечивающим удовлетворение спроса со стороны турпотоков и современным платформенным подходом реализации такого рода задач, реализуемых в разрабатываемых в настоящее время туристских технологических платформах.

При этом принципиально важно отметить, что зародившийся в Европе в начале второго десятилетия текущего столетия платформенный подход ([Gawer, Cusumano, 2014](#); [Sharafutdinov et al., 2020](#)), как один из современных способов освоения и развития туристских пространств, хорошо работает там и тогда, где и когда в его основу закладываются и постоянно актуализируются последние достижения информационных и цифровых технологий. Без этого сегодня уже невозможно добиваться ключевых показателей

конкурентоспособности воспроизводимых региональных туристских продуктов, так как их воспроизводство основывается на лавинообразном генерировании огромных массивов данных, необходимости их структурирования, сжатия, обобщения и оценки с целью получения новой информации и на её основе наращивания «новой стоимости» в сфере туристского сектора экономики, параметры которого обусловлены средним уровнем потребления, необходимого для сохранения и развития человеческого потенциала.

При этом для её получения необходимо не только должным образом структурировать и сжимать образующуюся информацию, но одновременно находить способы гибкой оптимизации заложенной в ней конфигурации интересов всех ключевых участников воспроизводства региональных туристских продуктов, прежде всего посредством создания и реализации современных туристских технологических платформ. С этих позиций туристские технологические платформы начинают выступать как зарождающиеся современной теорией и практикой развития туризма всё более тонкие и эффективные инструменты участия человека в развитии туристской сферы как саморазвивающейся системы.

В самом общем виде, модель формирования такого рода туристской технологической платформы можно представить в виде современной межотраслевой технологической системы, способной ежегодно обеспечивать устойчивое воспроизводство конкурентоспособных региональных турпродуктов. Функционально такого рода региональные турпродукты зависят от восьми основных параметров порядка, проявляющих себя в соответствующей системе показателей его конкурентоспособности, показанных на рисунке 1. В этом случае в самом общем виде такого рода модель туристской технологической платформы способной обеспечить адекватное участие человека в саморазвитии туристской сферы, обладающей свойствами наполнять и формировать туристские пространства регионов, может выглядеть следующим образом.

ТТП ↔ РТП (a, b, c, d, e, f, g, h), где

↔ - знак взаимной зависимости;

ТТП – это туристская технологическая платформа, обладающая способностью обеспечивать устойчивое воспроизводство конкурентоспособных региональных туристских продуктов, показатели конкурентоспособности которых в контексте платформенного подхода способны адекватно отражать образы формирующихся параметров порядка туристской сферы как саморегулирующейся системы;

РТП – это высококонкурентные региональные турпродукты, ежегодно воспроизводимые в туристском пространстве экономики регионов, вовлекающие в них внутренние и въездные турпотоки. Причём, прежде всего за счёт превращения этих пространств в оазисы оздоровления и укрепления иммунитета человека посредством использования последних достижений медицины в сочетании с оздоравливающими силами природы. Здесь уместно будет отметить, что под воздействием пандемии санаторно-курортный комплекс России может получить мощный импульс своего возрождения и развития, прежде всего на основе новой информационно-технологической базы;

a – группа показателей, характеризующих имеющуюся туристскую ресурсную базу регионов (природную, культурно-историческую, социальную, экономическую, технологическую и др.), вовлекаемую в ежегодное воспроизводство РТП без превышения рекреационной ёмкости регионов. Эта группа показателей предполагает создание интегральной информационной модели динамики состояния туристской ресурсной базы регионов, способной раскрывать текущую и перспективную ресурсообеспеченность устойчивого воспроизводства РТП;

b – показатели перечня отраслей и сфер экономики региона, определённые доли продукции которых реально вовлекаются в воспроизводство РТП. При этом должна иметь место адекватная статистическая видимость формирующихся объёмов и структур РТП в составе валовых региональных продуктов (РТП/ВРП);

c – показатели спроса (объёмы, структура, динамика финансовых потоков), генерируемых турпотоками, вовлекаемыми в пространство регионов. При этом в составе совокупного спроса, как в пандемийный период, так и особенно после него, спрос на оздоравливающие, укрепляющие иммунитет человека турпродукты будет стремительно возрастать. И не исключено, что после 2020 г. новый долговременный цикл развития туризма будет в значительной степени зависеть от успешного реформирования ядер РТП в направлении наращивания доли оздоравливающих, иммуноукрепляющих

турпродуктов в условиях освоения и развития экологически чистых туристских пространств регионов.

d – группа показателей, характеризующих эффективность использования имеющегося туристского потенциала региона (степень изученности туристской ресурсной базы регионов, доля её вовлечения в воспроизводство РТП, глубина и экологическая чистота переработки ресурсной базы регионов в направлении выявления и освоения лечебно-оздоровительных свойств природы и др.);

e – показатели предложения воспроизводимых РТП. Важен неуклонный рост значимости оздоравливающих иммуноукрепляющих турпродуктов в условиях нарастания доли экологически чистых туристских пространств. При этом показатели предложения должны даваться в соотношении спрос/предложение, а также соотноситься с профицитом (дефицитом) платёжного баланса по линии туристской сферы, проистекающим из динамики соотношения внутренних-въездных-выездных турпотоков и генерируемых ими финансовых потоков;

f – показатели наличия и уровня стратегирования развития туристской сферы, основанной на сопоставлении с ведущими туристско-курортными регионами мира по среднему уровню потребления высококачественных турпродуктов иммуноукрепляющего характера, показателям развития человеческого потенциала и уровнями экономического развития;

g – показатели качества и эффективности системы управления развитием туристской сферы (степень достижения стратегических задач, адекватность перечней флагманских проектов выполнению стратегических задач развития туризма, в экономических моделях которых будет экономически выгодным сохранять и наращивать человеческий потенциал; наличие адекватных этим задачам системы подготовки и переподготовки кадров туристской сферы и др.) (Сорокин и др., 2017);

h – показатели действующей туристской технологической платформы, основанной на цифровизации экономики региона, в т.ч. экономики туризма, охватывающей, структурирующей и адекватно сжимающей всё информационное поле туристской сферы до уровня кристаллизации системы показателей конкурентоспособности РТП, способной обеспечивать эффективное управление развитием туризма на уровне регионов и адекватно отображать параметры порядка туристской сферы регионов, как саморазвивающейся целостной, в том числе открытой к оздоравливающим силам природы и усложняющейся системы.

Следует отметить, что на настоящем этапе исследований туристской сферы как саморазвивающейся системы, нет пока должного представления ни о региональных турпродуктах, ни о пространственно-временных координатах их воспроизводства, нет четкого видения условий его устойчивости, в т.ч. из-за отсутствия мониторинга туристской ресурсной базы регионов и целенаправленных мер по её сохранению и обеспечению воспроизводства на всю необходимую для этого многомерную пространственно-временную глубину.

В этих условиях, как мы полагаем, ключ успешности дальнейших исследований этой сложной задачи находится в створе определения как образов параметров порядка, их содержания, статистической видимости и, конечно же, наличия разработанного адекватного математического инструментария, способного объективно описывать механизм их формирования и развития. При этом целенаправленная деятельность по развитию туризма в регионах нашей большой страны должна быть хорошо созвучна параметрам порядка туристской сферы как саморазвивающейся системы. В противном случае эта деятельность, наряду с другими факторами, может оказываться источником нарастания асинхронности, периодов хаотизации в процессе развития туристских сфер регионов.

Одновременно отдельной, но связанной с формированием и описанием механизма формирования порядка туристской сферы, является проблема адекватного их отражения в показателях конкурентоспособности РТП, которые могут и уже должны закладываться в системы управления развитием туризма в регионах на новых организационно и информационно технологических основах. Но это уже следующий этап исследования.

5. Заключение

Подводя некоторые итоги, затронутых в данной статье проблем, важно подчеркнуть следующие её основные положения:

1. В свете синергетического подхода (Онищенко, Шарафутдинов, 2020) уже вполне очевидно, что глобальные количественные изменения в сфере туризма привели к таким её качественным изменениям, которые повлияли на её становление как самостоятельной, открытой, сложной, саморазвивающейся системы, занимающей всё более важное место в современном общественном воспроизводстве. Роль этой системы связана с образованием и неуклонным ростом общественно необходимого свободного времени на современном этапе общественного воспроизводства, посредством которого во всё большей степени идёт формирование среднего уровня потребления в обществе (Желаева, 2015: 193), механизм которого всё более смещается в свободные пространственно-временные координаты бытия человека, то есть в значительной степени в сферу туризма и рекреации.

2. Параметры порядка в сфере туризма как саморазвивающейся системы, генерируемые воспроизводственным процессом востребованных РТП, одновременно выступают и как своеобразный глубинный генератор структурирования огромных информационных массивов, порождаемых взаимодействием более 50-ти отраслей и сфер, охватываемых туристским сектором экономики и, как объективная основа формирования системы показателей конкурентоспособности региональных туристских продуктов.

При этом обработка этих массивов информации, особенно учитывая их междисциплинарный, межотраслевой характер, нарастающие масштабы, их динамику и др., требует не только пересмотра используемых в настоящее время методов стратегирования, опирающихся на обеспечение статистической видимости туристской сферы как саморазвивающейся системы в её реальных пространственно-временных координатах, но и её полной оцифровки.

3. Говоря о современном этапе цифровизации экономики туризма всё более важным является то обстоятельство, что планетарные масштабы вовлекаемых в воспроизводство региональных и страновых турпродуктов ресурсных баз регионов (природных, культурно-исторических, экономических, технологических и пр.), приводят к тому, что эта цифровизация должна охватывать не просто все виды туристских ресурсов ландшафтов планеты, но уже исходить из того, что туризм уже явно начинает превращаться, говоря словами В.И. Вернадского, в одну из мощнейших геологических сил на нашей планете. Но при этом до настоящего времени она ещё не находится под должным контролем и целенаправленным управлением со стороны современного общества, прежде всего с позиций туристской сферы как целостной сложной саморазвивающейся системы.

Убедительным подтверждением этому является то, что до настоящего времени системы управления развитием туризма в большинстве регионов мира пока ещё слабо регулируют не только воспроизводство востребованных турпотоками объёмов региональных турпродуктов, т.е. соотношение спроса и предложения в туристской сфере, но до настоящего времени фактически не мониторятся вовлекаемые в воспроизводство РТП туристские ресурсы регионов, т.е. на каждом цикле воспроизводственных процессов не определяются ни их реальные запасы, ни состояние их качественных параметров. В результате, в настоящее время всё более широкое распространение получает так называемый овертуризм, начавший за счёт значительных превышений допустимых рекреационных нагрузок на регионы, зримо разрушать и стирать с земли целые эко- и культурно-исторические системы различных регионов мира (Наумова, Савельев, 2019).

4. Всё это указывает на то, что движителями развития современных туристских пространств постепенно становятся туристские сферы различных регионов мира, динамика развития которых будет всё более зримо исходить от воспроизводства востребованных современными турпотоками РТП. При этом всё более очевидным становится нарастающая сложность туристских сфер как целостных саморазвивающихся систем, в которых целенаправленное участие человека посредством создаваемых систем управления развитием туризма в регионах будет приобретать всё более высокотехнологичный характер, способный обеспечивать как органическое их встраивание в процессы саморазвития туристских сфер, так и регулирование направления вектора их развития на решение таких крупных задач, как социально-экономическое и цивилизационное развитие современных государств.

Одним из основных способов решения такого рода задачи, как мы полагаем, станет платформенный подход и разрабатываемые на его основе туристские технологические платформы (Sharafutdinov, Onishchenko, 2019). В этих условиях в ближайшие годы актуализируется задача определения как образов параметров порядка туристских сфер, так

и проблематика создания адекватного математического инструментария, способного объективно описывать механизм их формирования и развития в увязке с созданием такого рода систем показателей конкурентоспособности РТП, которые повышая технологический уровень систем управления развития туризма в регионах, были бы способны адекватно встраивать целенаправленную деятельность человека в развитие туристских сфер как сложных саморазвивающихся систем.

5. Колоссальный ущерб, нанесённый туристской сфере COVID-19, поставил, прежде всего, перед её экономической основой – туристским сектором экономики целый ряд новых проблем. В их эпицентре оказались вопросы укрепления иммунитета, сохранения и развития человеческого потенциала, прежде всего, уже на новой технологической основе, способной значительно повысить эффективность систем управления освоением и развитием туристских пространств регионов страны и их превращения в оазисы оздоровления и развития человеческого и цивилизационного потенциала страны. Это говорит о том, что в недрах саморазвивающейся туристской сферы в ближайшие годы одним из ключевых параметров её развития может стать иммунитет человека. А значит и задача опережающего развития ядра отраслей и сфер, обеспечивающих воспроизводство человеческого потенциала – науки и образования, здравоохранения, культуры, которые играют ключевую роль в создании региональных турпродуктов. Это неизбежно окажет серьёзное влияние как на совершенствование всей системы показателей и оценки конкурентоспособности региональных туристских продуктов, так и освоение и развитие туристских пространств регионов нашей страны и мира.

Литература

[Дерябина, 2019](#) – *Дерябина М.А.* Теоретические и методологические основания самоорганизации социально-экономических систем // *Вопросы экономики*. 2019. № 7. С. 73-94. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-7-73-94

[Желаева, 2015](#) – *Желаева С.Э.* Методология исследования времени в процессе самоорганизации экономики. Дисс ... на соиск. уч. степ. д-ра экон. наук. Улан-Удэ, 2015. С. 193.

[Крым: новый вектор..., 2017](#) – Крым: новый вектор развития туризма в России: монография / В.Н. Шарафутдинов, И.М. Яковенко, Е.А. Позаченюк, Е.В. Онищенко; под ред. В.Н. Шарафутдинова. М.: ИНФРА-М, 2017. 364 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс; URL: <http://www.znaniium.com>. DOI: www.dx.doi.org/10.12737/24213

[Методологические основы..., 2018](#) – Методологические основы оценки конкурентоспособности регионального турпродукта. Отчёт о НИР по теме: Проблемы совершенствования методик оценки конкурентоспособности регионального турпродукта / В.Н. Шарафутдинов, Е.В. Онищенко. Рег. № НИОКТР АААА-А17-117021310239-2. Рег. № ИКРБС АААА-Б18-218122790048-4. Сочи: СНИЦ РАН, 2018. 92 с.

[Наумова, Савельев, 2019](#) – *Наумова И.В., Савельев И.И.* Овертуризм: сущность и пути решения проблемы // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2019. Т. 13. №4. С. 27-35. DOI: 10.24411/1995-0411-2019-10403

[Онищенко и др., 2019](#) – *Онищенко Е.В. Шарафутдинов В.Н., Гордиенко С.В.* Обеспечение устойчивого воспроизводства и конкурентоспособности российских региональных туристских продуктов // *Российские регионы рекреационно-туристской специализации: состояние, проблемы, перспективы развития: Коллективная монография.* / СНИЦ РАН. Сочи: типография «Оптима», 2019. С. 109-167.

[Онищенко, Шарафутдинов, 2020](#) – *Онищенко Е.В., Шарафутдинов В.Н.* Механизм построения и функционирования технологических платформ с позиций синергетической теоретической парадигмы // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2020. №30 (4). С. 132-141. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-10405

[Основы Туризма, 2014](#) – Основы туризма: учебник / коллектив авторов; под ред. Е.Л. Писаревского. М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. С. 44-75. 384 с.

[Сорокин и др., 2017](#) – *Сорокин Д.Е., Шарафутдинов В.Н., Онищенко Е.В.* О проблемах стратегирования развития туризма в регионах России (на примере Краснодарского края и города-курорта Сочи) // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. Вып. 3. С. 764-776. DOI: <https://doi.org/10.17059/2017-3-10>

[Топология, 2020](#) – Топология. [Электронный ресурс]. URL: <https://desktop.arcgis.com/ru/arcmap/10.3/manage-data/topologies/topology-basics.htm> (дата обращения: 27 08 2020)

[Хакен, 1991](#) – *Хакен Г.* Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам: пер. с англ. М.: Мир, 1991. 240 с.

[Шарафутдинов, 2020](#) – *Шарафутдинов В.Н.* Туристская ресурсная база ландшафтов региона – ключевой параметр порядка туристской технологической платформы // *Ландшафтоведение и ландшафтная экология: коадаптация ландшафта и хозяйственной деятельности: материалы международной научно-практической конференции «Четвертые ландшафтно-экологические чтения, посвященные Г. Е. Гришанкову»*, Симферополь, 22–25 сентября 2020 г. / ред. Е.А. Позаченюк [и др.]. Симферополь: Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2020. С. 60-65.

[Gawer, Cusumano, 2014](#) – *Gawer A., Cusumano M.A.* Industry Platforms and Ecosystem Innovation // *Journal of Product Innovation Management*. 2014. № 31(3). DOI: 10.1111/jpim.12105

[Sharafutdinov et al., 2020](#) – *Sharafutdinov V.N., Onishchenko E.V., Nakonechnyi A.I.* Tourism Technology Platforms as a Tool for Supporting Competitiveness of Regional Tourism Products // *Regional Research of Russia*. 2020. Vol. 10. № 1. Pp. 48-55. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970520010104>

[Sharafutdinov, Onishchenko, 2019](#) – *Sharafutdinov V.N., Onishchenko E.V.* Problems of the Formation of Tourist Technological Platforms in Russia // *Sochi Journal of Economy*. 2019. 13(2): 191-203.

References

[Deryabina, 2019](#) – *Deryabina M.A.* (2019). Teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya samoorganizacii social'no-ekonomicheskikh system [Theoretical and methodological foundations of self-organization of socio-economic systems]. *Voprosy ekonomiki*. 7: 73-94. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-7-73-94 [in Russian]

[Gawer, Cusumano, 2014](#) – *Gawer A., Cusumano M.A.* (2014). Industry Platforms and Ecosystem Innovation. *Journal of Product Innovation Management*. 31(3). DOI: 10.1111/jpim.12105

[Haken, 1991](#) – *Haken G.* (1991). Informaciya i samoorganizaciya: makroskopicheskiy podhod k slozhnym sistemam [Information and self-organization: a macroscopic approach to complex systems]: per. s angl. M.: Mir. 240 p. [in Russian]

[Krym: novyj vektor..., 2017](#) – *Krym: novyj vektor razvitiya turizma v Rossii: monografiya* [Crimea: a new vector of tourism development in Russia: monograph]. V.N. Sharafutdinov, I.M. Yakovenko, E.A. Pozachenyuk, E.V. Onishchenko; pod red. V.N. Sharafutdinova. M.: INFRA-M, 2017. 364 s. + Dop. materialy. [Electronic resource]. URL: <http://www.znaniy.com>. (Nauchnaya mysl'). DOI: www.dx.doi.org/10.12737/24213 [in Russian]

[Metodologicheskie osnovy..., 2018](#) – *Metodologicheskie osnovy ocenki konkurentosposobnosti regional'nogo turprodukta* [Methodological basis for assessing the competitiveness of regional tourism products]. (2018). Otchyot o NIR po teme: Problemy sovershenstvovaniya metodik ocenki konkurentosposobnosti regional'nogo turprodukta. Reg. № NIOKTR AAAA-A17-117021310239-2. Reg. № IKRBS AAAA-B18-218122790048-4. Sochi: Sochinskij nauchno-issledovatel'skiy centr RAN, 2018. 92 p. [in Russian]

[Naumova, Savel'ev, 2019](#) – *Naumova I.V., Savel'ev I.I.* (2019). Overturizm: sushchnost' i puti resheniya problem [Overtourism: essence and ways of solving problems]. *Sovremennye problemy servisa i turizma*. 13(4): 27-35. DOI: 10.24411/1995-0411-2019-10403 [in Russian]

[Onishchenko i dr., 2019](#) – *Onishchenko E.V., Sharafutdinov V.N., Gordienko S.V.* (2019). Obespechenie ustojchivogo vosproizvodstva i konkurentosposobnosti rossijskih regional'nyh turistskih produktov [Ensuring sustainable reproduction and competitiveness of Russian regional tourism products]. Rossijskie regiony rekreacionno-turistskoj specializacii: sostoyanie, problemy, perspektivy razvitiya: *Kollektivnaya monografiya*. SNIC RAN. Sochi: tipografiya «Optima». Pp. 109-167. [in Russian]

[Onishchenko, Sharafutdinov, 2020](#) – *Onishchenko E.V., Sharafutdinov V.N.* (2020). Mekhanizm postroeniya i funkcionirovaniya tekhnologicheskikh platform s pozicij sinergeticheskoy teoreticheskoy paradigmat [Mechanism of construction and functioning of technological platforms from the perspective of a synergetic theoretical paradigm]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*. 30(4): 132-141. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-10405 [in Russian]

[Osnovy Turizma, 2014](#) – *Osnovy turizma: uchebnik* [Basics of tourism: textbook]. Kollektiv avtorov; pod red. E.L. Pisarevskogo. M.: Federal'noe agentstvo po turizmu, 2014. Pp. 44-75. 384 p. [in Russian]

Sharafutdinov et al., 2020 – Sharafutdinov V.N., Onishchenko E.V., Nakonechnyi A.I. (2020). Tourism Technology Platforms as a Tool for Supporting Competitiveness of Regional Tourism Products. *Regional Research of Russia*. 10(1): 48-55. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970520010104>

Sharafutdinov, 2020 – Sharafutdinov V.N. (2020). Turistskaya resursnaya baza landshaftov regiona – klyuchevoy parametr poryadka turistskoj tekhnologicheskoy platform [The tourist resource base of the region's landscapes is a key parameter of the order of the tourist technology platform]. *Landshaftovedenie i landshaftnaya ekologiya: koadaptaciya landshafta i hozyajstvennoj deyatel'nosti: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Chetvertye landshaftno-ekologicheskie chteniya, posvyashchennye G.E. Grishankovu»*, Simferopol', 22–25 sentyabrya 2020 g. Red. E.A. Pozachenyuk [i dr.]. Simferopol': Krymskij federal'nyj universitet imeni V.I. Vernadskogo. Pp. 60-65. [in Russian]

Sharafutdinov, Onishchenko, 2019 – Sharafutdinov V.N., Onishchenko E.V. (2019). Problems of the Formation of Tourist Technological Platforms in Russia. *Sochi Journal of Economy*. 13(2): 191-203. [in Russian]

Sorokin i dr., 2017 – Sorokin D.E., Sharafutdinov V.N., Onishchenko E.V. (2017). O problemah strategirovaniya razvitiya turizma v regionah Rossii (na primere Krasnodarskogo kraja i goroda-kurorta Sochi) [On the problems of strategizing the development of tourism in the regions of Russia (on the example of the Krasnodar region and the resort city of Sochi)]. *Ekonomika regiona*. 13(3): 764-776. DOI: <https://doi.org/10.17059/2017-3-10> [in Russian]

Topologiya, 2020 – Topologiya [Topology]. [Electronic resource]. URL: <https://desktop.arcgis.com/ru/arcmap/10.3/manage-data/topologies/topology-basics.htm> [in Russian]

Zhelaeva, 2015 – Zhelaeva S.E. (2015). Metodologiya issledovaniya vremeni v processe samoorganizacii ekonomiki [Methodology of time research in the process of self-organization of the economy]. Diss ... na soisk. uch. step. d-ra ekon. nauk. Ulan-Ude. P. 193. [in Russian]

УДК 338.48

Движители развития современных туристских пространств

Владимир Насибуллович Шарафутдинов ^{a, b}, Елена Васильевна Онищенко ^{a, *},
Арсен Рафикович Симонян ^b

^a Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук», Сочи, Российская Федерация

^b Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье обосновывается гипотеза о том, что движителем развития современных туристских пространств является устойчивое воспроизводство региональных высококонкурентных турпродуктов. При этом под туристскими пространствами авторы понимают такого рода координаты жизнедеятельности человека, в которых она обеспечивается в свободных пространственно-временных условиях пространственной структуры регионов, охватывающей природные, территориальные, экономические, культурно-исторические и прочие их образования. То есть речь идёт о таких пространственно-временных координатах регионов, в которых происходит взаимодействие интересов туристов и местного населения по вопросам урегулирования спроса со стороны турпотоков и предложения со стороны туристского сектора экономики в пространстве регионов. При этом авторы обосновывают идею о том, что на современном этапе туристская сфера сформировалась в самостоятельную целостную открытую систему, которая с синергетических позиций уже обладает свойствами саморазвития. Ключевую роль в образовании этих свойств играют известные в теории самоорганизации систем параметры порядка самоорганизации туристской сферы. В свою очередь их осмысление раскрывает возможности совершенствования действующей в настоящее время системы управления

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: 398993@gmail.com (В.Н. Шарафутдинов), elon@list.ru (Е.В. Онищенко), orpm@mail.ru (А.Р. Симонян)

развитием туристского сектора экономики регионов, доступные только в условиях использования новейших информационных технологий и цифровизации отраслей, вовлекаемых в обслуживание туристов. В частности, речь идёт о формировании туристских технологических платформ, систем показателей конкурентоспособности региональных турпродуктов и др. Тем самым обеспечивая реальные перспективы трансформирования туристского сектора экономики регионов в драйвер социально-экономического развития России и определения ключевых направлений его технологических прорывов.

Ключевые слова: туризм, туристское пространство, туристская сфера, параметры порядка, туристский сектор экономики, показатели конкурентоспособности региональных турпродуктов, система управления развитием туризма, туристская технологическая платформа.

Copyright © 2020 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2020, 14(3): 323-333

www.vestnik.sutr.ru

UDC 338.48

Improving the Methodology for Evaluating the Effectiveness of Special Economic Zones of Tourist and Recreational Type

Elena S. Tsepilova ^{a,*}

^a Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The relevance of the study of this type of special economic zones as tourist and recreational zones (SEZ TRT) is explained by the complexity and ambiguity of the application of this tool of regional policy and strategic development of the region. The subject of the research is the effectiveness of tourist and recreational zones, including the effectiveness of tax incentives applied by the state for tourist activities. The purpose of the work is to analyze the activities of SEZ TRT and improve the methodology for evaluating their effectiveness. The paper used institutional approach to the study of the specifics of the zones' activities, content analysis of the legal framework and research papers on the assessment of their activities, economic and statistical analysis of the dynamics of zones performance indicators since 2007–2019. The practical significance and scientific value of the article lies in the formation of the author's approach to the problem of evaluating the activities of the SEZ TRT. It is concluded that the SEZ TRT cannot yet be called an effective tool for regional development. Since the existing SEZ TRT offer residents similar tax conditions, and the results of the zones' activities differ significantly, it can be concluded that the tax benefits provided are not a key factor in the development of these territories. Changing the scale in effect from 2019 the method of evaluating the effectiveness of special economic zones allowed artificially improving the overall performance indicator of the TRT SEZ without real reasons. Recommendations are proposed for adjusting the current methodology for evaluating the effectiveness of the SEZ TRT.

Keywords: special economic zone, tourist and recreational zone, SEZ TRT, tourist cluster, efficiency assessment, tax incentives, measures of tax stimulation.

1. Введение

Целеполаганием для организации в России особых экономических зон туристско-рекреационного типа являлись привлечение отечественных и иностранных инвестиций в индустрию гостеприимства, развитие туристического, спортивного, рекреационного и других сопутствующих видов бизнеса с опорой на лучшие мировые практики, внедрение современных технологий, рост уровня занятости местного населения и, вследствие, социально-экономическое развитие территорий. Несмотря на тринадцатилетнюю практику существования ОЭЗ ТРТ, подвергаются критике не только результаты деятельности таких территорий, но и критерии определения их эффективности, а также возникающие выпадающие доходы бюджетов. Поэтому исследование теоретико-методических аспектов функционирования ОЭЗ ТРТ является актуальным.

* Corresponding author

E-mail addresses: elenatsepilova@mail.ru (E.S. Tsepilova)

Комплексное развитие ОЭЗ началось с принятия Федерального закона от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», по которому они создаются Постановлением Правительства РФ на период до 49 лет; организационно ими занимается специально созданная управляющая компания – АО «Особые экономические зоны». Полномочия по управлению зонами, в т.ч. туристско-рекреационного типа, возложены на Минэкономразвития России, за исключением ОЭЗ ТРТ туристического кластера, которые переданы Минкавказу России.

О необходимости создания и поддержания деятельности ОЭЗ говорится и в иных нормативных актах, в частности:

- «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р,

- указе Президента РФ от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»,

- указе Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.».

- «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 06.09.2010 г. № 1485-р.

К функционалу Минэкономразвития РФ отнесены регистрация, ведение реестра резидентов ОЭЗ и регулярная оценка эффективности их деятельности по типам зон за отчетный период и за период с начала функционирования.

2. Материалы и методы

Для написания статьи использованы нормативно-правовые акты и информационно-отчетные материалы Минэкономразвития РФ, Счетной Палаты РФ, АО «Особые экономические зоны», размещенные на их официальных сайтах.

Методологической основой работы являются принципы региональной экономики и экономики гостеприимства. При сборе, обработке и интерпретации полученных данных за период 2007–2019 гг. использовались аналитический, сравнительный и статистический методы.

3. Обсуждение

Помимо представленной выше нормативно-правовой базы, в научном обороте присутствуют исследования проблематики особых экономических зон отечественными и зарубежными учеными.

В классических для отечественной региональной экономики трудах ([Гранберг, 2000](#); [Аганбегян, 2010](#); [Зубаревич, 2010](#)) теоретически и методологически обоснована необходимость создания в российских регионах отдельных экономических зон с преференциальными условиями ведения хозяйства.

Эффективность деятельности ОЭЗ всех типов была детально рассмотрена в нашей предыдущей статье ([Цепилова, Беляева, 2019](#)), в которой сделан вывод о недостигнутой за 2005–2018 гг. эффективности данного инструмента регионального развития в РФ.

Исследуя такой туристский регион как Краснодарский край, [Е.К. Воробей, Т.Г. Борисова \(Воробей, Борисова, 2018\)](#), проанализировав инструменты государственного регулирования устойчивого развития региона, резюмировали, что оно возможно только при росте его конкурентоспособности.

Анализ выявленных выпадающих доходов бюджетов от полученных резидентами зон налоговых льгот ([Быков, 2017](#); [Дегтярева, 2017](#)) показал, что это обостряет проблему бюджетной обеспеченности территорий.

В работе [А.Х. Евстафьевой \(Евстафьева, 2018\)](#), посвященной экономическому регулированию особых экономических зон, были систематизированы наиболее эффективные для ОЭЗ налоговые инструменты.

4. Результаты

В период 2005–2019 гг. было создано 37 ОЭЗ на территориях 32 субъектов Российской Федерации. По состоянию на 1 июля 2019 г. на территории 23 регионов действовали 26 ОЭЗ четырех типов:

- 10 ОЭЗ промышленно-производственного типа;
 - 6 ОЭЗ технико-внедренческого типа;
 - 1 портовая ОЭЗ
 - 9 ОЭЗ туристско-рекреационного типа в Алтайском крае, Республике Бурятия, Иркутской области и Тверской области, в т.ч. туристический кластер «Курорты Северного Кавказа» (далее туркластер), состоящий из 5 зон» ([Отчет о результатах функционирования..., 2019](#)).

Формирование туристического кластера в Северо-Кавказском федеральном округе осуществлялось в 2010-2013 годах, на тот период в него были включены 9 зон. С момента создания таких зон и до 2016 года «в 7 из 9 ОЭЗ туристического кластера не было зарегистрировано ни одного резидента, что объяснялось наличием проблем правового регулирования при оформлении земельно-имущественных отношений, поэтому в 2016 году Правительством Российской Федерации было принято решение о досрочном прекращении существования 4 из 9 ОЭЗ ТРТ туристического кластера на территориях Краснодарского края, Республики Адыгея, Республики Северная Осетия-Алания, Ставропольского края» ([Отчет о результатах функционирования..., 2015](#)).

В 2015 году ОЭЗ «Архыз» в Карачаево-Черкесской Республике, «Эльбрус» в Кабардино-Балкарской Республике и «Ведучи» в Чеченской Республике обозначены в качестве приоритетных (Протокол совещания у Председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведева от 23 апреля 2015 г. № ДМ-П16-37пр).

В сентябре 2019 г. на территории муниципального образования Алагирский район Республики Северная Осетия-Алания вновь была восстановлена ОЭЗ ТРТ «Мамисон», которая действовала с 2010 г., но досрочно прекратила существование в 2016 г.

Характеристика основных агрегированных показателей деятельности ОЭЗ туристско-рекреационного типа, действующих в Российской Федерации по состоянию на 1 января 2020 г. представлена в [Таблице 1](#) (приведены только агрегированные показатели по 4 зонами вне туркластера и отдельно по туркластеру).

Таблица 1. Характеристика ОЭЗ туристско-рекреационного типа на 01.01.2020 г. ([Отчет о результатах функционирования..., 2019](#))

название зоны, год создания	Расположение; площадь территории, га	приоритетные направления развития	Количество резидентов на 01.01.2020г., ед.	Количество резидентов с участием иностранных инвесторов, ед.	выручка за вычетом НДС за период с начала функционирования, млн. рублей	Объем собственных средств управляющей компании, вложенных в инфраструктуру за период с начала функционирования, млн. руб.	Объем инвестиций резидентов за период с начала функционирования, млн. рублей	Объем израсходованных средств бюджета на инфраструктуру за период с начала функционирования, млн руб	Количество новых рабочих мест, ед.	Объем налогов, уплаченных в бюджеты за вычетом НДС за период с начала функционирования, млн. рублей	Сводный показатель эффективности (Еоэз) за период с начала функционирования ОЭЗ, %
ИТОГО			40	2	384,36	169,06	2 281,83	9958,33	240	49,36	72
1. ОЭЗ ТРТ «Байкальская гавань», 2007	Республика Бурятия, 3622,76	Лечебно-оздоровительный, круизный, горнолыжный, экскурсионный, религиозный туризм									42
2. ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь», 2007	Алтайский край, 3329	экскурсионный, лечебно-оздоровительный, экологический, спортивный и приключенческий, горнолыжный туризм									76
3. ОЭЗ ТРТ «Ворота – Байкала», 2007	Иркутская область, 763,3	деловой, спортивный, экскурсионный, лечебно-оздоровительный, водный, круизный туризм									80
4. ОЭЗ ТРТ «Завидово», 2015	Тверская область, 379,87	деловой, экскурсионный, лечебно-оздоровительный, экологический, водный туризм									87

Туристический кластер «Курорты Северного Кавказа»											
ИТОГО			35	0	1288,71	10603,79	2332,93	528,15	1131	567,93	94
5. ОЭЗ ТРТ «Архыз», 2010	Карачаево-Черкесская Республика, 9544	- лечебно-оздоровительный, экологический, экскурсионный, горнолыжный туризм									94
6. ОЭЗ ТРТ «Ведучи», 2011	Чеченская Республика, 1513										99
7. ОЭЗ ТРТ «Эльбрус», 2010	Кабардино-Балкарская Республика, 2682										-
8. ОЭЗ ТРТ «Армхи» и «Цори», 2011	Республика Ингушетия, 20751										-
9. ОЭЗ ТРТ «Мамисон», 2010, 2019	Республика Северная Осетия - Алания, 6870										-
10. ОЭЗ ТРТ «Матлас», 2010	Республика Дагестан, 2309										-

Как видим из представленных данных, несмотря на то, что ОЭЗ ТРТ «Байкальская гавань» создана еще в 2007 г. и имеет самую большую площадь территории, по сводному показателю эффективности (Еоэз) за период с начала функционирования она имеет самый маленький показатель из ОЭЗ ТРТ – 42 %. И, наоборот, ОЭЗ ТРТ «Завидово», созданная позже всех в 2015 г. и располагающая самой маленькой площадью имеет самый высокий показатель из ОЭЗ ТРТ (без учета туркластера) – 87 %. Каждая зона предлагает отдыхающим свой набор туристической активности, в зависимости от природно-климатических и инфраструктурных условий. Отдельно отметим, что ОЭЗ ТРТ «Байкальская гавань», ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь», ОЭЗ ТРТ «Ворота–Байкала» созданы в Восточной Сибири и на Алтае, т.е. очень далеко от густозаселенной Европейской части РФ, соответственно, их транспортная доступность снижена. Все показатели по четырем ОЭЗ ТРТ вне туркластера имеют незначительные значения.

Из 6 ОЭЗ ТРТ, входящих в туркластер, в таблице представлены показатели только по 2 зонам – ОЭЗ ТРТ «Архыз» и ОЭЗ ТРТ «Ведучи»; ОЭЗ ТРТ «Мамисон» не представлена, т.к. в 2016-2019гг. прекращала свою деятельность. В связи с тем, что по ОЭЗ ТРТ «Эльбрус», ОЭЗ ТРТ «Матлас» и ОЭЗ ТРТ «Армхи» и «Цори» не утверждены плановые значения показателей эффективности функционирования, оценка эффективности указанных ОЭЗ по расчетным показателям эффективности не проводилась, что радикально снижает репрезентативность показателей всего туркластера.

Для привлечения резидентов каждая зона предлагает свои налоговые условия (Таблица 2).

Исходя из данных таблицы, по региональному налогу на имущество организаций и местному земельному налогу всеми 10 зонами предлагаются одинаковые условия – нулевая ставка на первые 10 и 5 лет соответственно. По федеральному налогу на прибыль в зонах, созданных в 2007 г. предлагается ставка 15,5 %, а в зонах, созданных позже – 14,5 % и 13,5 % в первые годы с постепенным повышением до 15,5 %.

Таблица 2. Налоговые условия ТРТ ОЭЗ на 01.01.2020 г. (Составлено автором по материалам [Официальный сайт АО...](#))

Название зоны	Предлагаемые налоговые условия
1. ОЭЗ ТРТ «Байкальская гавань»	Налог на прибыль 15,5 % – в течение 10 лет с момента получения статуса резидента; Налог на имущество 0 % в течение 10 лет с момента постановки имущества на учет; Земельный налог 0 % в течение 5 лет с момента регистрации права собственности
2. ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь»	Налог на прибыль 15,5 % – на весь срок; Налог на имущество 0 % в течение 10 лет с момента постановки имущества на учет; Земельный налог 0 % в течение 5 лет с момента регистрации права собственности
3. ОЭЗ ТРТ «Ворота–Байкала»	Налог на прибыль 15,5 % – на весь срок; Налог на имущество 0 % в течение 10 лет с момента постановки имущества на учет; Земельный налог 0 % в течение 5 лет с момента регистрации права собственности
4. ОЭЗ ТРТ «Завидово»	Налог на прибыль 14,5 % – до 31.12.2020 г., 15,5 % – с 01.01.2021 г.; Налог на имущество 0 % в течение 10 лет с момента постановки имущества на учет; Земельный налог 0 % в течение 5 лет с момента регистрации права собственности
5. ОЭЗ ТРТ «Архыз»	Налог на прибыль 13,5 % – до 2023 г., далее – 15,5 %; Налог на имущество 0 % в течение 10 лет с момента постановки имущества на учет; Земельный налог 0 % в течение 5 лет с момента регистрации права собственности
6. ОЭЗ ТРТ «Ведучи»	
7. ОЭЗ ТРТ «Эльбрус»	
8. ОЭЗ ТРТ «Армхи» и Цори»	
9. ОЭЗ ТРТ «Мамисон»	
10. ОЭЗ ТРТ «Матлас»	

Предоставляемые государством налоговые льготы и иные преференции предполагают регулярный мониторинг эффективности деятельности таких территорий. Несмотря на то, что особые экономические зоны действуют во многих государствах, однако далеко не все из них являются эффективными. В 2019 г. в 147 странах мира насчитывалось около 5400 зон и в процессе образования находилось более 500 новых ОЭЗ ([Рисунок 1](#)).

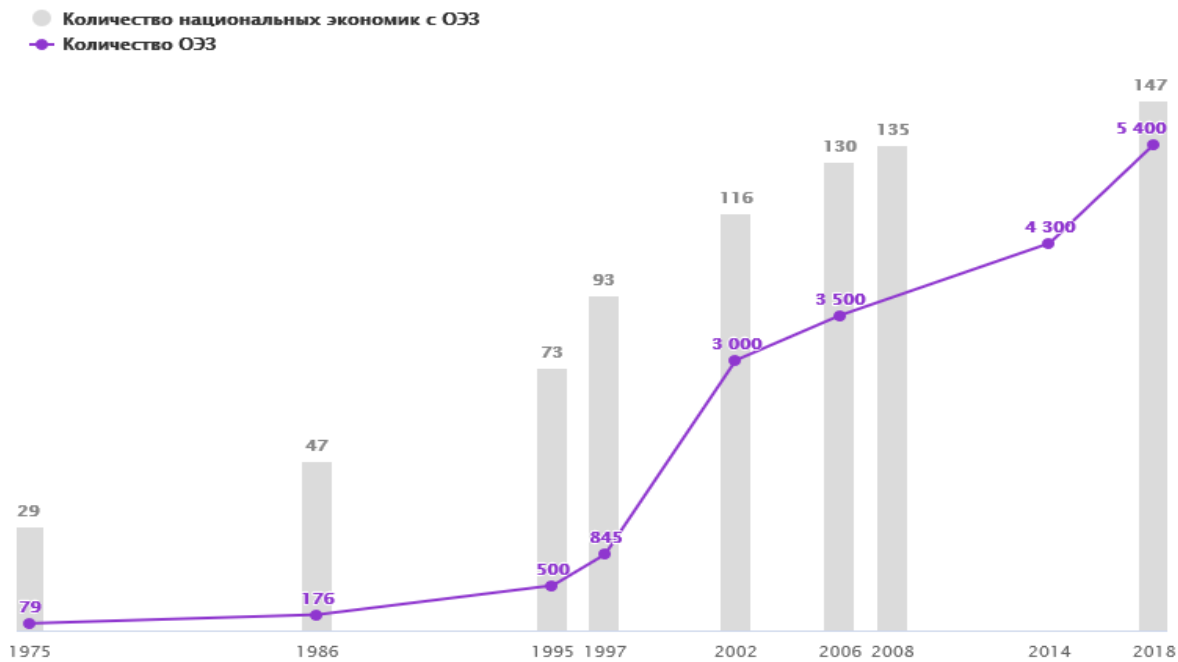

Рис. 1. Динамика создания особых экономических зон в странах мира в 1975–2018 гг. (Доклад о мировых инвестициях...)

В докладе «World investment report 2019. Special Economic Zones», подготовленном Экспертами Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) отмечается, что «только несколько стран на регулярной основе оценивают эффективность и экономическое влияние зон, а производительность многих зон остаётся ниже ожиданий» (World investment report, 2019). Между тем, без данного мониторинга практически невозможно оценить эффект от бюджетных ассигнований, вложенных в развитие таких зон, а также определить их роль в экономике территории размещения.

Начиная с 2019 г. оценка эффективности функционирования всех ОЭЗ осуществляется по новым правилам (сравнение приведено в Таблице 3).

Согласно докладу Минэкономразвития России «О результатах функционирования особых экономических зон в 2019 г. и за период с момента их создания», за 2019 г. у туристско-рекреационных ОЭЗ значение показателя составило 84 %, что по новым значениям показателей обозначает эффективное функционирование ОЭЗ; за период с начала функционирования показатель составил 72 %, что по новым значениям показателей обозначает достаточно эффективное функционирование ОЭЗ (Отчет о результатах функционирования..., 2015).

Таблица 3. Сравнение правил оценки эффективности функционирования особых экономических зон (редакция 2016 г. и 2019 г.) (составлено автором по материалам источника Правила оценки...)

Правила оценки до 2019 г. (Правила оценки...)	Правила оценки с 2019 г. (Постановление Правительства...)	Комментарий
19 абсолютных и относительных количественных показателей	25 абсолютных и относительных количественных показателей	Возросла аналитичность оценки
Расчетные показатели эффективности		
1. Показатель эффективности, отражающий эффективность деятельности резидентов ОЭЗ (Ерез);	1. Показатель эффективности, отражающий эффективность деятельности резидентов ОЭЗ (Ерез);	Без изменений

2. Показатель эффективности, отражающий рентабельность вложения средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов в создание объектов инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иных инфраструктур ОЭЗ (Рфб);	2. Показатель эффективности, отражающий рентабельность вложения средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов в создание объектов инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иной инфраструктуры ОЭЗ (Рфб);	Без изменений
3. Показатель эффективности, отражающий деятельность органов управления ОЭЗ (Еоу);	3. Показатель эффективности, отражающий деятельность органов управления ОЭЗ (Еоу);	Без изменений
4. Сводный показатель эффективности (Еоэз) по следующей шкале: эффективное функционирование (более 90 %); достаточно эффективное (50-90 %); неэффективное (менее 50 %)	4. Сводный показатель эффективности (Еоэз) по следующей шкале: эффективное функционирование (более 80 %); достаточно эффективное (40-80 %); неэффективное (менее 40 %)	Диапазон шкалы снижен на 10 %, что позволило признать эффективными и достаточно эффективными большее число ОЭЗ
	4. Показатель эффективности, отражающий эффективность планирования при создании ОЭЗ (Еплан);	Новый, оценивает планирование создаваемых ОЭЗ
	5. Показатель эффективности, отражающий вклад ОЭЗ в достижение национальных целей развития Российской Федерации, определенных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (Ец);	Новый, введен для увязки ОЭЗ и национальных целей развития страны

Как видно из [Таблицы 3](#), изменение шкалы оценивания позволило искусственно улучшить сводный показатель эффективности без реальных на то оснований.

Аналогичные выводы изложены и в отчете Счетной палаты РФ: «за исследуемый период 2014–2018 гг. проводимая Минэкономразвития России оценка эффективности функционирования туристско-рекреационных особых экономических зон не отражает реальных результатов деятельности резидентов и управляющей компании туристического кластера» ([Отчет о результатах функционирования...», 2019](#)).

Перечислим выявленные основные недостатки действующей методики оценки эффективности деятельности применительно к ОЭЗ ТРТ:

- Применяемые Минэкономразвития России показатели не позволяют оценить влияние ОЭЗ на доступность отрасли, динамику новых видов услуг и технологий;

- При оценке эффективности функционирования ОЭЗ ТРТ для туристического кластера в расчет не включаются средства федерального бюджета, направленные на создание ряда инженерных сооружений, составившие на 1 января 2019 года, по данным АО «КСК» 18 466,7 млн руб. В результате расчет сводного расчетного показателя эффективности ОЭЗ ТРТ не корректен, так как в оценку не включена существенная часть бюджетных средств, направляемых в объекты инфраструктуры зон;

- Так как, что по ОЭЗ ТРТ туристического кластера в Кабардино-Балкарской Республике, Республике Ингушетия и Республике Дагестан с момента их создания не утверждены плановые значения показателей эффективности, то, соответственно, оценка их деятельности Минэкономразвития России не проводилась, что искажает итоговые показатели как по туристическому кластеру, так и по всему типу ОЭЗ ТРТ.

- Инвестиции резидентов, осуществляемые в зонах, находящихся на территории туристического кластера, находятся на очень низком уровне (2 079,5 млн рублей на 1 января 2019 года), что составляют только 0,6 % от общего объема инвестиций и 6,5 % от средств федерального бюджета, направленных АО «КСК» на объекты инфраструктуры ОЭЗ (31 764 млн рублей).

- Площадь земельных участков, предоставленная резидентам ОЭЗ ТРТ туристического кластера, составляет 54,4 га – 0,1 % от общей площади территории туристического кластера (46 799 га), что объясняется отсутствием введенных в эксплуатацию объектов инженерной инфраструктуры, а также в неурегулированности земельно-имущественных вопросов, в т.ч. на объектах особо охраняемых природных территорий.

- Регионами размещения ОЭЗ ТРТ оценка влияния функционирования зон на социально-экономическое развитие территорий не проводится и нормативно не урегулирована, так как стратегии социально-экономического развития таких субъектов Российской Федерации, не отражают целей, задач и конкретных целевых показателей функционирования и развития зон, в том числе с учетом их вклада в экономику региона.

- Число резидентов ОЭЗ не равно количеству действующих предприятий, т.к. часть из них так и не приступает к фактической деятельности или же приостанавливает ее, но в отчетах Минэкономразвития никак эти факты не отражаются. Выявить количество реально действующих компаний можно только косвенным путем – через динамику показателей выручки и уплаченных налогов.

5. Заключение

В XXI в. ОЭЗ применяются в региональной политике стран с целью развития отдельных территорий или отраслей экономики; так, для поддержки сферы гостеприимства создаются туристско-рекреационные особые экономические зоны. При этом из всех четырех типов ОЭЗ самая низкая эффективность наблюдается именно в этих зонах с самого начала их создания.

Факторов, влияющих на результаты функционирования зон, несколько: региональная политика и экономическая обстановка, налоговые и таможенные преференции, предлагаемые инвесторам, своевременное предоставление необходимой инфраструктуры, корректное оформление земельных участков и объектов недвижимости и др. Несмотря на то, что резидентам предлагаются схожие налоговые условия, Результаты деятельности зон существенно отличаются, поэтому можно сделать вывод, что предоставленные налоговые льготы не являются ключевым фактором развития данных территорий. Лучше всего развиваются зоны с развитой транспортной инфраструктурой и близостью к аэропортам (ОЭЗ ТРТ «Архыз», ОЭЗ ТРТ «Завидово»).

Проведенный в работе анализ результатов деятельности отечественных ОЭЗ туристско-рекреационного типа выявил, что на современном этапе цели создания таких зон не достигнуты. Более того, в действующую с 2019 г. методику оценивания деятельности ОЭЗ внесены изменения в шкалу оценивания, что позволило искусственно улучшить сводный показатель их эффективности без реальных на то оснований.

Для эффективной работы зон необходима их увязка со стратегиями социально-экономического развития субъектов размещения ОЭЗ ТРТ, а также регулярный мониторинг их деятельности на основе грамотно составленной методики.

Литература

Аганбегян, 2010 – Аганбегян А. Экономика России на распутье. Выбор посткризисного пространства. М.: АСТ, Астрель, ВКТ, 2010. 310 с.

Быков, 2017 – Быков С.С. Экономические зоны в контексте фискального федерализма. В книге 1: Особые экономические зоны. Теоретико-методологические аспекты развития; под общей редакцией Майбурова И.А., Иванова Ю.Б. Монография. М.: Юнити-дана, 2017. 351 с.

Воробей, Борисова, 2018 – Воробей Е.К., Борисова Т.Г. Государственное регулирование устойчивого развития экономики туристского региона (на примере Краснодарского края) / *Материалы X Международной научно-практической конференции «Олимпийское наследие и крупномасштабные мероприятия: влияние на экономику, экологию и социокультурную сферу принимающих дестинаций»*. Издательство Сочинского государственного университета: Сочи, 2018. С. 46-51.

Гранберг, 2000 – Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для ВУЗов. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 495 с.

Дегтярева, 2017 – Дегтярева И.В. ОЭЗ как инструмент выравнивания условий социально-экономического развития территорий. Книга 1: Особые экономические зоны. Теоретико-методологические аспекты развития; под общей редакцией Майбурова И.А., Иванова Ю.Б. Монография. М.: Юнити-дана, 2017. 351 с.

Доклад о мировых инвестициях... – Доклад о мировых инвестициях – 2019: особые экономические зоны. [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/materials/doklad-o-mirovykh-investitsiyakh-2019-osobye-ekonomicheskie-zony/> (дата обращения: 12.06.2020).

Евстафьева, 2018 – Евстафьева А.Х. Налоговый механизм развития территорий с преференциальными условиями ведения предпринимательской деятельности (на примере ОЭЗ): автореферат дис. ... доктора экон. наук: 08.00.10. М.: ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, 2018.

Отчет о результатах функционирования..., 2019 – Отчет о результатах функционирования особых экономических зон за 2019 год и за период с начала функционирования особых экономических зон / Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/otchet_o_rezultatah_funkcionirovaniya_osobyh_ekonomicheskikh_zon_za_2019_god_i_za_period_s_nachala_funkcionirovaniya_osobyh_ekonomicheskikh_zon.html (дата обращения: 02.07.2020).

Отчет о результатах функционирования..., 2015 – Отчет о результатах функционирования особых экономических зон за 2015 год и за период с начала функционирования особых экономических зон / Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/otchet_o_rezultatah_funkcionirovaniya_osobyh_ekonomicheskikh_zon_za_2015_god_i_za_period_s_nachala_funkcionirovaniya_osobyh_ekonomicheskikh_zon.html (дата обращения: 25.06.2020).

Отчет о результатах... – Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики применения преференциальных режимов, действующих на территории Российской Федерации, с точки зрения их влияния на экономический рост и соответствия заявленным целям» / Счетная палата РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/d22/d22daa028b1854b51b99c9d2927c2e06.pdf> (дата обращения: 02.07.2020).

Официальный сайт АО... – Официальный сайт АО «Особые экономические зоны». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russez.ru/oez/tourism> (дата обращения: 30.06.2020).

Постановление Правительства... – Постановление Правительства РФ от 24 июля 2019 г. № 953 «О внесении изменений в Правила оценки эффективности функционирования особых экономических зон»

Правила оценки... – Правила оценки эффективности функционирования особых экономических зон. Утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 июля 2016 г. № 6436.

Стародубровская и др., 2010 – Стародубровская И.В., Зубаревич Н.В., Назаров В.С., Горина Е.А. Анализ региональной антикризисной политики. М.: Дело, 2010. 344 с.

Цепилова, Беляева, 2019 – Цепилова Е.С., Беляева О.И. Методика оценки эффективности деятельности особых экономических зон в части мер налогового стимулирования производственной деятельности и поддержки занятости населения // *Экономика. Налоги. Право*. 2019. Т. 12. №6. С. 122-133.

World investment report, 2019 – World investment report 2019. Special economic zones. [Electronic resource]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf (date of access: 12.06.2020).

References

Aganbegyan, 2010 – *Aganbegyan A.* (2010). *Ekonomika Rossii na rasput'e. Vybor postkrizisnogo prostranstva* [Russia's economy at a crossroads. Choosing a post-crisis space]. M.: AST, Astrel', VKT. 310 p. [in Russian]

Bykov, 2017 – *Bykov S.S.* (2017). *Ekonomicheskie zony v kontekste fiskal'nogo federalizma* [Economic zones in the context of fiscal federalism. In book 1: Special economic zones]. V knige 1: *Osoby ekonomicheskie zony. Teoretiko-metodologicheskie aspekty razvitiya; pod obshchei redaktsiei Maiburova I.A., Ivanova Yu.B.* Monografiya. M.: Yuniti-dana. 351 p. [in Russian]

Degtyareva, 2017 – *Degtyareva I.V.* (2017). *OEZ kak instrument vyravnivaniya uslovii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii* [SEZ as a tool for leveling the conditions of socio-economic development of territories]. Kniga 1: *Osoby ekonomicheskie zony. Teoretiko-metodologicheskie aspekty razvitiya; pod obshchei redaktsiei Maiburova I.A., Ivanova Yu.B.* Monografiya. M.: Yuniti-dana. 351 p. [in Russian]

Doklad o mirovykh investitsiyakh... – *Doklad o mirovykh investitsiyakh – 2019: osoby ekonomicheskie zony* [World investment report 2019: special economic zones]. [Electronic resource]. URL: <https://roscongress.org/materials/doklad-o-mirovykh-investitsiyakh-2019-osoby-ekonomicheskie-zony/> (date of access: 12.06.2020). [in Russian]

Evstafeva, 2018 – *Evstafeva A.Kh.* (2018). *Nalogovyi mekhanizm razvitiya territorii s preferentsial'nymi usloviyami vedeniya predprinimatel'skoi deyatel'nosti (na primere OEZ)* [Tax mechanism for the development of territories with preferential conditions for doing business (on the example of SEZ)]: avtoreferat dis. ... doktora ekon. nauk: 08.00.10. M.: FGOBU VO Finansovyi universitet pri Pravitel'stve RF. [in Russian]

Granberg, 2000 – *Granberg A.G.* (2000). *Osnovy regional'noi ekonomiki: uchebnik dlya VUZov* [Fundamentals of regional economy: a textbook for universities]. M.: GU VShE. 495 p. [in Russian]

Ofitsial'nyi sait AO... – *Ofitsial'nyi sait AO «Osoby ekonomicheskie zony»* [Official site of JSC "Special Economic Zones"]. [Electronic resource]. URL: <http://www.russez.ru/oez/tourism> (date of access: 30.06.2020). [in Russian]

Otchet o rezul'tatakh funktsionirovaniya..., 2015 – *Otchet o rezul'tatakh funktsionirovaniya osobykh ekonomicheskikh zon za 2015 god i za period s nachala funktsionirovaniya osobykh ekonomicheskikh zon* [Report on the results of the functioning of special economic zones for 2015 and for the period since the beginning of the functioning of special economic zones]. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii. [Electronic resource]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/otchet_o_rezultatah_funkcionirovaniya_osobykh_ekonomicheskikh_zon_za_2015_god_i_za_period_s_nachala_funkcionirovaniya_osobykh_ekonomicheskikh_zon.html (date of access: 25.06.2020). [in Russian]

Otchet o rezul'tatakh funktsionirovaniya..., 2019 – *Otchet o rezul'tatakh funktsionirovaniya osobykh ekonomicheskikh zon za 2019 god i za period s nachala funktsionirovaniya osobykh ekonomicheskikh zon* [Report on the results of the functioning of special economic zones for 2019 and for the period since the beginning of the functioning of special economic zones]. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii. [Electronic resource]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/otchet_o_rezultatah_funkcionirovaniya_osobykh_ekonomicheskikh_zon_za_2019_god_i_za_period_s_nachala_funkcionirovaniya_osobykh_ekonomicheskikh_zon.html (date of access: 02.07.2020). [in Russian]

Otchet o rezul'tatakh... – *Otchet o rezul'tatakh ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya «Analiz praktiki primeneniya preferentsial'nykh rezhimov, deistvuyushchikh na territorii Rossiiskoi Federatsii, s tochki zreniya ikh vliyaniya na ekonomicheskii rost i sootvetstviya zayavlenным tselyam»* [Report on the results of the expert and analytical event "Analysis of the practice of applying preferential regimes in force in the Russian Federation, in terms of their impact on economic growth and compliance with the stated goals"]. Schetnaya palata RF. [Electronic resource]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/d22/d22daa028b1854b51b99c9d2927c2e06.pdf> (date of access: 02.07.2020). [in Russian]

Postanovlenie Pravitel'stva... – *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24 iyulya 2019 g. № 953 «O vnesenii izmenenii v Pravila otsenki effektivnosti funktsionirovaniya osobykh ekonomicheskikh zon»* [in Russian]

Pravila otsenki... – *Pravila otsenki effektivnosti funktsionirovaniya osobykh ekonomicheskikh zon* [Rules for assessing the effectiveness of the functioning of special economic zones]. Utverzhdeny Postanovleniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 7 iyulya 2016 g. № 6436. [in Russian]

Starodubrovskaya i dr., 2010 – Starodubrovskaya I.V., Zubarevich N.V., Nazarov V.S., Gorina E.A. (2010). Analiz regional'noi antikrizisnoi politiki [Analysis of regional anti-crisis policy]. M.: Delo. 344 p. [in Russian]

Tsepilova, Belyaeva, 2019 – Tsepilova E.S., Belyaeva O.I. (2019). Metodika otsenki effektivnosti deyatelnosti osobykh ekonomicheskikh zon v chasti mer nalogovogo stimulirovaniya proizvodstvennoi deyatelnosti i podderzhki zanyatosti naseleniya [Methodology for assessing the effectiveness of special economic zones in terms of measures of tax incentives for production activities and support for employment of the population]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. T. 12. № 6. Pp. 122-133. [in Russian]

Vorobei, Borisova, 2018 – Vorobei E.K., Borisova T.G. (2018). Gosudarstvennoe regulirovanie ustoichivogo razvitiya ekonomiki turistskogo regiona (na primere Krasnodarskogo kraia) [State regulation of sustainable development of the economy of the tourist region (on the example of the Krasnodar Territory)]. *Materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Olimpiiskoe nasledie i krupnomasshtabnye meropriyatiya: vliyanie na ekonomiku, ekologiyu i sotsiokul'turnuyu sferu primimayushchikh destinatsii»*. Izdatel'stvo Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta: Sochi. Pp. 46-51. [in Russian]

World investment report, 2019 – World investment report 2019. Special economic zones. [Electronic resource]. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf (date of access: 12.06.2020).

УДК 338.48

Совершенствование методики оценки эффективности деятельности особых экономических зон туристско-рекреационного типа

Елена Сергеевна Цепилова ^{a, *}

^a Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследования такого типа особых экономических зон как туристско-рекреационные зоны (далее ОЭЗ ТРТ) объясняется сложностью и неоднозначностью применения этого инструмента региональной политики и стратегического развития региона. Предмет исследования – эффективность деятельности туристско-рекреационных зон, в том числе эффективность применяемых государством мер налогового стимулирования туристской деятельности. Цель работы – анализ деятельности ОЭЗ ТРТ и совершенствование методики оценки их эффективности. В работе применялся институциональный подход к исследованию характеристик деятельности зон, контент-анализ правовой базы и научных работ по вопросам оценки их деятельности, экономико-статистический анализ динамики показателей деятельности зон за 2007–2019 гг. Практическая значимость и научная ценность статьи заключается в формировании авторского подхода к проблеме оценки деятельности ОЭЗ ТРТ. Сделаны выводы, что ОЭЗ ТРТ пока нельзя назвать эффективно действующим инструментом регионального развития. Ввиду того, что действующие ОЭЗ ТРТ предлагают резидентам схожие налоговые условия, а результаты деятельности зон существенно отличаются, можно сделать вывод, что предоставленные налоговые льготы не являются ключевым фактором развития данных территорий. Изменение шкалы в действующих с 2019 г. Правилах оценки эффективности функционирования особых экономических зон позволило искусственно улучшить сводный показатель эффективности ОЭЗ ТРТ без реальных на то оснований. Предложены рекомендации по корректировке действующей методики оценки эффективности деятельности ОЭЗ ТРТ.

Ключевые слова: особая экономическая зона, туристско-рекреационная зона, ОЭЗ ТРТ, туристический кластер, оценка эффективности, налоговые льготы, меры налогового стимулирования.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: elenatcepilova@mail.ru (Е.С. Цепилова)

Copyright © 2020 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Sochi Journal of Economy
Has been issued since 2007.
ISSN: 2541-8114
2020, 14(3): 334-342

www.vestnik.sutr.ru

UDC 334.7: 629.7

Commercialization of Space Activities: Key Modern Trends

Evgeniy A. Zhabin ^{a,*}, Irina Yu. Orgahovskaya ^b

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

^b Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russian Federation

Abstract

At present, the space industry is attracting more and more attention. China, Europe, the USA and Russia are the trend states in the struggle for space. Studying the trends in the activities of commercial companies such as Space-X is the impetus for the formation of new highways in the space sector, as well as a change in the place of dominant corporations and the emergence of new players in the space services market. The main purpose of this work is the study of commercial companies whose activities are aimed at using space, as well as the systematization of foreign experience and the formation of directions for attracting investments in the space industry, analysis of countries participating in space activities based on the obtained statistical data. At the moment, the Russian Federation is inferior to Europe and the United States in the space technology market.

The main research methods used were: a comprehensive analysis of statistical data, the amount of funding for space projects, a comparative assessment in the framework of commercial and state use of space, as well as the results of public-private partnerships in space activities.

The result of this study (results) is the formation of conclusions that companies that are just entering the space industry market are setting trends in the development of commercially oriented technologies.

The authors draw attention to the great importance of the formation of investment strategies and the need for the development of commercial companies in the space industry in connection with its great economic potential.

Conclusions: the significance of this work lies in the use of this study in the development of an investment strategy within the framework of public-private partnerships in the Russian Federation at enterprises of the rocket and space industry. The content of this article is of interest to students, researchers, government officials interested in studying the issue of commercialization of Russian outer space.

Keywords: space market, commercial company, investment, outer space, financing, space activities.

1. Введение

Освоение космического пространства является деятельностью по исследованию компаниями всего мира. В конце двадцатого века вся ракетно-космическая отрасль претерпела ряд изменений (Беляков, 2016: 221; Глюзицкий, 2017: 117; Карпов, 2018: 45). В начале двухтысячных исследование космоса стали набирать все больше оборота, в частности научные течения стали развиваться не только в аспекте государственных

* Corresponding author

E-mail addresses: nemezid17@live.ru (E.A. Zhabin), orgahovskaya2@yandex.ru (I.Yu. Orgahovskaya)

заказов, как это было в годы Советского союза, но и в рамках исследований в коммерческих корпорациях. Поэтому сегодня одной из актуальных тем исследования является развитие научной мысли в области космической сферы (Кирилина, 2017: 15; Кравченко, 2015: 186; Макаров, 2018: 1381). Также необходимо отметить, что исследования космоса развиваются не только в нашем государстве, но и в ряде зарубежных стран, в связи с чем, международное сотрудничество в области космоса занимает особое место в эпохе глобализации. Основоположителем идеи «коммерческого космоса» принадлежит Х.Л. Ван Траа-Энгельман, в основу в учениях которого ложится базовое представление деления отраслей частного и публичного права как регуляторов космического пространства. Следующим ученым в области коммерциализации космического пространства становится иностранный ученый Франс вон дер Дранк, который продолжил идеи Х.Л. Ван Траа-Энгельман, правового регулирования космических исследований. Франс вон дер Дранк разработал концепцию, в основу которой было положены требования к правовому регулированию исследований космического пространства в коммерческих организациях. Однако и в отечественной науке формируются идеи коммерческого развития в области космических исследований. Например, Е.М. Мекаева обосновывала в своих научных воззрениях идеи коммерциализации использования космоса и его возможных достижений. Также О.А. Сапрыкин и Е.Ю. Хрусталева, которые разработали системный подход к космической деятельности.

И сегодня исследование космоса продолжает развиваться в геометрической прогрессии, характеризующееся тем, что сегодня исследования космоса больше не базируются только на государственных заказах, в большинстве случаев для целей повышения обороноспособности, а развивается в области коммерческого интереса с целью создания новых товаров, услуг на основе комплексного развития ракетно-космической отрасли в целом (Морозов, 2017: 91; Полежаева, 2017: 953; Семак, 2017: 40). Все эти факторы способствуют развитию отраслевой конкуренции на мировом и межгосударственном рынке космических услуг.

2. Материалы и методы

Исследование опирается на открытые информационные источники, нормативно-правовые документы и информационно-отчетные материалы о развитии космической деятельности и результатах космических программ Российской Федерации и других развитых стран.

В настоящем исследовании были применены такие методы, как сравнительный, статистический, аналитический, включая группы методов, позволяющие развить успехи и перспективы коммерциализации космических проектов, проанализировать передовой опыт в этой области и сформировать предложения для отечественной космической сферы.

3. Обсуждение и результаты

С каждым годом возрастает интерес частных компаний к космосу, которое сопровождается государственным финансированием и появлению совместных предприятий для генерации инновационных идей (Глухов, 2016: 78; Данилин, 2018: 171). На данный момент число запуском космических ракет частных компаний значительно превышает число государственных запусков (Рисунок 1).

Данная диаграмма говорит о том, что частные корпорации такие как Space-X уже начали вытеснять государственные корпорации с рынка космических услуг.

30 мая 2020 года состоялся первый успешный управляемый запуск частной компаний ракеты Falcon 9 с мыса Канаверал, который вывел на орбиту корабль Crew Dragon с двумя пилотами на борту. Этот полет знаменует замену государственных полетов частными и меняет роль главного космического подрядчика.

По итогам этого, безусловно, важного события для развития мировой космонавтики мы можем услышать огромный диапазон мнений: от того, что этот запуск является настоящим прорывом, перевернувшим глобальные тренды и страшной угрозой для российской космической программы, до того, что этот запуск не значит вообще ничего. Принимая во внимание и уважая мнение каждого, кто неравнодушно относится к истории и перспективам мировой и отечественной космонавтики, я вслед за специалистами предложил посмотреть на это событие максимально спокойно и здраво, а самое главное –

сделать выводы, которые дадут импульс для развития мировой космонавтики как направления созидания нашего общего будущего.

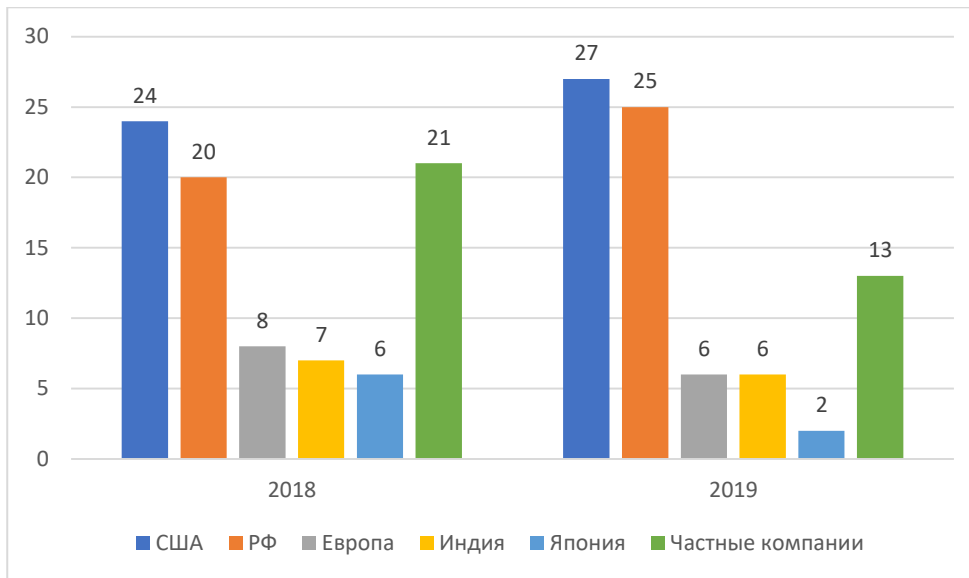

Рис. 1. Количество запусков стран конкурентов

Впервые после 9-летнего перерыва американские астронавты отправились в космос на национальном космическом корабле. Безусловно, этот запуск стал большим событием для США и НАСА. И, что очень важно, руководство НАСА серьезно изменило подход к выбору партнеров, которым предстояло решать задачу создания нового поколения ракетно-космической техники. Вместо того чтобы напрямую поддерживать заказами уже зарекомендовавшие компании Боинг и Локхид Мартин, в 2010 году стартовала открытая программа разработки пилотируемых кораблей – Commercial Crew Development, в которой приняли участие Space-X, Boeing, Sierra Nevada, Blue Origin и многие другие компании.

Выбранная стратегия принесла свои плоды, несмотря на серьезные задержки во времени, которых не избежать в такой сложной сфере, как космонавтика, новые пилотируемые корабли были созданы. По оценкам экспертов, следующим ожидаемым этапом, разворачивающимся сейчас, станет коммерциализация низкоорбитальных полетов и возрождение интереса к полетам в дальний космос. Еще один важный момент состоит в том, что США стремятся обеспечить технологическую состоятельность и суверенитет в такой стратегически важной сфере, как космонавтика, и это, конечно, тот императив, который следует активно заимствовать и использовать при развитии высокотехнологичных отраслей и секторов экономики.

Новая ракета носитель и новый корабль не выступают в качестве прорывного решения. Безусловно, критически важно, что у человечества появился еще один корабль, который дает возможности отправки людей в космос, но по своим техническим возможностям корабль компании Space-X не обладает принципиальными качественными преимуществами в сравнении с американскими кораблями прошлого или современными модификациями российского корабля «Союз».

К сожалению, он по-прежнему не способен летать за пределы низкой орбиты Земли, использует парашютную посадку на воду, которая выполнялась «Аполлонами» 50 лет назад, имея небольшое количественное преимущество по сравнению с тем же «Союзом» – доставляя четырех членов экипажа вместо трех. Но при этом важна сама тенденция создания новых кораблей, которая сигнализирует о качественном изменении в практике и значимости пилотируемых полетов. Впервые в истории мировой космонавтики одновременно используются разные космические корабли разного назначения, что дает ей такое важное качество, как многовекторность в развитии.

Именно эту многовекторность важно учитывать, когда мы совершенно зря загоняем себя в контекст новой «космической гонки», где есть заведомые победители и проигравшие. Полагаю, что следует отойти от привычной и часто очень понятной и приятной логики

«флага на орбите», а далее флага на Луне, на Марсе и так далее, так как сама эта логика подрывает условия развития пилотируемой космонавтики как сферы международного сотрудничества. Крайне важно, чтобы качественные возможности участников космической деятельности увеличивались, тогда это будет работать по принципу «выиграл-выиграл» в интересах всех, когда пилотируемые полеты станут сферой, где выигрывают одновременно все и при этом выигрывает каждый. Следует вспомнить, что сама МКС — это изначально международный проект. Прекрасный пример международного сотрудничества. Когда проект закладывался, не предполагалось, что летать туда будут на кораблях только одной державы. Так что эти 9 лет, по сути, были для России скорее форс-мажором, избыточной нагрузкой, с которой мы, кстати, с честью справились. Россия спасла МКС в критический для станции момент. Новые корабли начали летать, и это хорошо для большого международного проекта.

Несмотря на то что сейчас Роскосмос потерял часть своих доходов, он не потерял своих технологических возможностей и потенциала к развитию, а само событие совершенно не повод для огульной критики. Полет нового пилотируемого корабля не отменил полетов на «Союзе», как и не отменил разработку нового корабля «Орел» и другие задачи, которые стоят перед отечественной космонавтикой. И потеря доходов от продажи кресел на «Союзе» может быть компенсирована посредством проектов по обеспечению доступа к космической инфраструктуре, доступа к науке и профильному образованию, где Россия, работая для развивающихся стран, станет для них проводником в космос.

Но, как я уже отмечал выше, важно взять лучшее из американской практики разработки нового, а это опыт поддержки новых частных игроков и энтузиастов космонавтики, которые при рачительном отношении к государственным ресурсам и действенной поддержке со стороны государства могли бы дать большой результат для отечественной космонавтики. Речь идет не о ручном сопровождении отдельных личностей или проектов, а о создании инновационной среды, которая позволяет им вырасти.

Коммерциализация космической деятельности включает в себе большой экономический потенциал для всех задействованных в этой сфере компаний (Ерыгин, 2018: 15; Фирулев, 2017: 24). Переориентация на коммерциализацию потребует значительных изменений в структуре отрасли.

Государственный космический аппарат в результате всех изменений может перейти с закрытой к наиболее гибкой рыночной структуре. В последние несколько лет наблюдается активность у частных компаний в США, у которых сформировано надежное и доверительное сотрудничество с государством. Однако разработанная методика не может быть применена по аналогии в Российской Федерации. Ведь создание частной собственности в области космических исследований требуют детальной разработки в области правового регулирования, значит, необходимо производить контроль их развития при помощи специально разработанных государственных программ. Таким образом, необходимо разрабатывать грамотное регулирование форматов по размещению частных заказов, при которых риск некомпетентного не эффективного использования выделенных ресурсов сойдет на нет.

Основные направления космической деятельности, которые могут быть интересны частному сектору, помимо производства ракетно-космической техники может выступать научные исследования и эксперименты с организацией доступа к использованию объектов федеральной инфраструктуры.

Вариантами осуществления такого взаимодействия может выступать:

- 1) реализация финансового обеспечения НИОКР и проектов должно быть создано на основе развития совместных отношений государства и коммерческих компаний как партнеров;
- 2) развитие государственных программ с привлечением финансирования от коммерческих организаций;
- 3) создание коммерчески-государственных организаций, в частности, где частные инвесторы могут привлекать свои инвестиционные возможности.

В данный момент государственно-частное партнерство имеет наибольшую популярность (Анопченко, 2018: 129; Шкред, 2020: 95). Данный тип взаимодействия в результате помогает поделить часть ответственности и рисков космической отрасли.

Мы приходим к выводу о том, что в нашем государстве может быть реализовано в двух аспектах:

- привлечение коммерческих инвестиций в государственные программы по исследованию космоса;
- получение и использование результатов коммерческих компаний государством в области космических исследований.

Одним из ярких примеров может служить корпорация NASA, которая принадлежит США, то есть является государственной. Именно эта организация первая, кто выставила заказы на строительство космической техники для коммерческих компаний (в частности Space X и Orbital ATK).

Особенность космической отрасли в Америке заключается в передаче приоритета частному сектору, но, когда даже частный сектор не может справиться с определёнными задачами в них участвует государство.

Другим примером решения всемирных вопросов является объединения проектов.

В данный момент конкуренция в области космических разработок может быть рассмотрена в двух аспектах. Во-первых, стоит отметить масштабную коммерциализацию данной области с развитием новых направлений развития бизнеса. Во-вторых, происходит массовая интернационализация в эпоху глобализации на стоимость товаров и услуг космической сферы. Исследования в данной отрасли проводятся сегодня не только на основе общепринятых методов теоретического уровня научного познания (анализ, синтез, моделирования и ряд других), но и на основе новых методик двадцать первого века. Указанные методики были сформированы на основе отчетов, подготовленных отечественных, зарубежных исследований в области изучения космоса. Популяризированной точкой зрения сегодня становится разработка сетевой экономической модели, которая должна максимально ответить на поставленные проблемные вопросы в области исследований космической сферы. В частности, это касается правового регулирования данного вопроса со стороны государственных структур, что позволит производить не только контроль, но и предоставить возможность развития исследований в области космических учений отечественной науки.

Именно поэтому актуальным вопросом для современной отечественной космической науки становится правовое и экономическое регулирование для развития именно российской отрасли ракетостроения, изучения космических структур. Следовательно, нами были разработаны следующие рекомендации по стимулированию инновационных механизмов развития коммерческой космической деятельности.

В первую очередь стоит пересмотреть замкнутость системы «Роскосмоса» и сформировать интегрированное сотрудничество с иностранными корпорациями, которые реализуют научные исследования в космической сфере. Сформированное сотрудничество может быть оформлено в альянсы, которые должны быть созданы, прежде всего, для научных продвижений, второстепенной же целью для них станет заключение выгодных торговых договоров с целью коммерческой выгоды.

Следующей тенденцией для развития такого интегрированного сотрудничества необходимо отметить ориентацию таких компаний на потребителя, воздействуя на него при помощи механизмов маркетинга (анализ существующих рыночных отношений, сегмента рынка), а значит ориентация на коммерциализацию своих проектов.

Еще одной рекомендацией в данной области необходимо отметить, что дотации государства должны быть ориентированы на проекты, создающие космическую технику повторного использования, что позволит выгодно вкладывать денежные средства целевого характера с получением пользы для населения в будущем. Указанная рекомендация ориентирует правительство сократить разрыв между его структурами коммерческими организациями.

Также следует рассмотреть финансирование гражданских программ. Увеличение объема частного бизнеса в космической отрасли способствует повышению инновационных подходов и коммерциализации, но также требует больших финансовых вливаний.

В связи с чем, для повышения эффективности работы в области космической сферы в Российской Федерации необходимо произвести шаги по коммерциализации космических товаров и услуг при помощи привлечения частных компаний, что также позволит выходить на международный уровень в новом аспекте, делая отечественные космические организации более привлекательными на международной арене для сотрудничества.

Для частных компаний в России существуют определенные барьеры входа в космическую отрасль, учитывая её специфику. Основными препятствиями являются:

недостаток и не совершенствование законодательной базы; риски инвестиций в космическую отрасль; ограничения в получении лицензий для осуществления космических разработок (согласно Федеральному закону от 04.05. 2011 №99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»); неразвитость космического рынка.

Все вышеприведенные барьеры делают вхождение в космическую отрасль невыгодными. Данные ограничения не обоснованы никакими потребностями государства.

Однако не во всех государствах требуется получение специального разрешения от государства (лицензии), например, в США получение такого разрешения необходимо только в ситуациях организации космодромов, либо запуска, посадки космических аппаратов непилотируемой космонавтики. А вот, например, разработка, испытание и производство ракетных двигателей, программ управления космическими кораблями получения указанного разрешения не требуется.

В настоящее время есть три пути реализации космических услуг и товаров. Они заключаются в госзаказах, продаже космических спутников за рубежом или продажа космических данных.

Говоря о коммерческих организациях в области реализации проектов, можно отметить ряд положительных черт, которые отличаются данные организации от государственных учреждений. Во-первых, благодаря коммерциализации космических проектов снижается нагрузка на бюджет государства; во-вторых, внедрение инноваций происходит в короткий срок, поскольку отсутствует механизм бюрократизации; в-третьих, коммерческие организации смогут сделать космическую сферу более доступной для потребителей, оптимизируя процесс разработки продукции.

Сегодня тенденция на коммерциализацию космической отрасли в Российской Федерации следующая: повысить количество частных компаний космической отрасли; проводить выставки и конференции для повышения привлекательности космической отрасли для частных компаний.

4. Заключение

Российские компании в виду недостатка грамотного правового регулирования (пробелы и коллизии в правовых нормах), одновременно с ним действующий малоэффективный менеджмент становятся базовыми недостатками для развития космической сферы в нашем государстве, являясь камнями преткновения по освоению космоса и развитию научных исследований в данной сфере.

Именно поэтому вопросы строительства партнерства между государственными и коммерческими компаниями обуславливает актуализацию темы коммерциализации космической деятельности в Российской Федерации в экономических и правовых полях изучения.

Литература

Анопченко, 2018 – Анопченко Т.Ю., Мурзин А.Д. Анализ зарубежного опыта государственно-частного партнерства применительно к регионам России // *Вестник факультета управления СПбГЭУ*. 2018. № 3-1. С. 128-132.

Беляков, 2016 – Беляков Г.П., Анищенко Ю.А., Сафронов М.В. Космическая деятельность: состояние, особенности и тенденции развития // *Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева*. 2016. Т. 17. № 1. С. 218-222.

Глухов, 2016 – Глухов В.В., Серова Е.О. Космические технологии как фактор, стимулирующий инновационное развитие национальной экономики // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2016. № 4 (246). С. 76-84.

Глюзицкий, 2017 – Глюзицкий К.К. Состояние ракетно-космической отрасли российской федерации: изменения, вызовы и шаги к коммерциализации // *Сибирский экономический вестник. сборник научных трудов*. Новосибирск, 2017. С. 110-121.

Данилин, 2018 – Данилин И.В. НАСА, "астропренеры" и рынки будущего: новые модели инновационной политики США в космической сфере // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 2. С. 166-183.

Ерыгин, 2018 – Ерыгин Ю.В., Борисова Н.М. Инструменты реструктуризации интегрированных корпоративных структур ракетно-космической отрасли в условиях коммерциализации // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2018. Т. 3. № 7. С. 10-17.

Карпов, 2018 – Карпов А.С., Карпова К.В. Тенденции развития отрасли ракетно-космической промышленности // *Вестник Московского гуманитарно-экономического института*. 2018. № 2. С. 44-49.

Кирилина, 2017 – Кирилина Е.В. Особенности и перспективы развития частной космонавтики в России // *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*. 2017. Т. 8. № 3. С. 14-19.

Кравченко, 2015 – Кравченко Д.Б., Бауров А.Ю. Государственно-частное партнерство в сфере космической деятельности в период структурной реформы отрасли // *Россия в глобальном мире*. 2015. № 7 (30). С. 180-195.

Макаров, 2018 – Макаров С.В., Хрусталёв О.Е. Коммерциализация результатов космической деятельности: мировой опыт, проблемы и перспективные направления // *Экономический анализ: теория и практика*. 2018. Т. 17. № 7 (478). С. 1379-1396.

Морозов, 2017 – Морозов Е.А., Вилков Ю.В. Вопросы коммерциализации интеллектуальной собственности в космической отрасли // *Исследования наукограда*. 2017. Т. 1. № 2 (20). С. 88-92.

Полежаева, 2017 – Полежаева Н.В., Ерыгина Л.В. Современное состояние ракетно-космической промышленности и тенденции ее развития // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2017. № 3 (13). С. 952-954.

Семак, 2017 – Семак Е.А., Головенчик Г.Г., Мардович В.Г. Космическая отрасль на современном этапе развития мировой экономики // *Новости науки и технологий*. 2017. № 3(42). С. 37-45.

Фирулев, 2017 – Фирулев О.В., Ерыгин Ю.В. Коммерциализация инновационного потенциала интегрированной корпоративной структуры в ракетно-космической отрасли // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. 2017. № 9 (103). С. 24.

Shkred, 2020 – Shkred V.N., Murzin A.D. The Analysis of the Organizational and Financial Mechanism of State-Private Partnership in the Regions of the Russian Federation // *Sochi Journal of Economy*. 2020. 14(1): 92-98.

References

Anopchenko, 2018 – Anopchenko T.Y., Murzin A.D. (2018). Analiz zarubezhnogo opyta gosudarstvenno-chastnogo partnerstva primenitel'no k regionam Rossii [Analysis of foreign experience of public-private partnership in relation to the regions of Russia]. *Vestnik fakul'teta upravleniya SPbGEU*. 3-1: 128-132. [in Russian]

Belyakov, 2016 – Belyakov G.P., Anishchenko Y.A., Safronov M.V. (2016). Kosmicheskaya deyatel'nost': sostoyaniye, osobennosti i tendentsii razvitiya [Space activity: state, features and development trends]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M.F. Reshetneva*. 17(1): 218-222. [in Russian]

Glukhov, 2016 – Glukhov V.V., Serova E.O. (2016). Kosmicheskiye tekhnologii kak faktor, stimuliruyushchiy innovatsionnoye razvitiye natsional'noy ekonomiki [Space technologies as a factor stimulating innovative development of the national economy]. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta*. 4(246): 76-84. [in Russian]

Glyuzitsky, 2017 – Glyuzitsky K.K. (2017). Sostoyaniye raketno-kosmicheskoy otrasli rossiyskoy federatsii: izmeneniya, vyzovy i shagi k kommertsializatsii [The state of the rocket and space industry of the Russian Federation: changes, challenges and steps towards commercialization]. *Sibirskiy ekonomicheskii vestnik. Sbornik nauchnykh trudov*. Pp. 110-121. [in Russian]

Danilin, 2018 – Danilin I.V. (2018). NASA, "astropreneury" i rynki budushchego: novyye modeli innovatsionnoy politiki SSHA v kosmicheskoy sfere [NASA, Astropreneurs and Markets of the Future: New Models of US Innovation Policy in the Space Sector]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 11(2): 166-183. [in Russian]

Erygin, 2018 – Erygin Yu.V., Borisova N.M. (2018). Instrumenty restrukturalizatsii integrirovannykh korporativnykh struktur raketno-kosmicheskoy otrasli v usloviyakh kommertsializatsii [Instruments for restructuring integrated corporate structures of the rocket and

space industry in the context of commercialization]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya*. 3(7): 10-17. [in Russian]

Karpov, 2018 – *Karpov A.S., Karpova K.V.* (2018). Tendentsii razvitiya otrasli raketno-kosmicheskoy promyshlennosti [Trends in the development of the rocket and space industry] *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta*. 2: 44-49. [in Russian]

Kirilina, 2017 – *Kirilina E.V.* (2017). Osobennosti i perspektivy razvitiya chastnoy kosmonavtiki v Rossii [Features and prospects of development of private cosmonautics in Russia] *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravleniye*. 8(3): 14-19. [in Russian]

Kravchenko, 2015 – *Kravchenko D.B., Baurov A.Y.* (2015). Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo v sfere kosmicheskoy deyatel'nosti v period strukturnoy reformy otrasli [Public-private partnership in the field of space activities during the period of structural reform of the industry] *Rossiya v global'nom mire*. 7(30): 180-195. [in Russian]

Makarov, 2018 – *Makarov S.V., Khrustalev O.E.* (2018). Kommertsializatsiya rezul'tatov kosmicheskoy deyatel'nosti: mirovoy opyt, problemy i perspektivnyye napravleniya [Commercialization of the results of space activities: world experience, problems and promising directions]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. Vol. 17. № 7 (478): 1379-1396. [in Russian]

Morozov, 2017 – *Morozov E.A., Vilkov Y.V.* (2017). Voprosy kommertsializatsii intellektual'noy sobstvennosti v kosmicheskoy otrasli [Issues of commercialization of intellectual property in the space industry]. *Issledovaniya naukoigrada*. Vol. 1. № 2 (20): 88-92. [in Russian]

Polezhaeva, 2017 – *Polezhaeva N.V., Erygina L.V.* (2017). Sovremennoye sostoyaniye raketno-kosmicheskoy promyshlennosti i tendentsii yeye razvitiya [The current state of the rocket and space industry and trends of its development]. *Aktual'nyye problemy aviatsii i kosmonavtiki*. 3(13): 952-954. [in Russian]

Semak, 2017 – *Semak E.A., Golovenchik G.G., Mardovich V.G.* (2017). Kosmicheskaya otrasl' na sovremennom etape razvitiya mirovoy ekonomiki [Space industry at the present stage of development of the world economy]. *Novosti nauki i tekhnologii*. 3(42): 37-45. [in Russian]

Firulev, 2017 – *Firulev O.V., Erygin Y.V.* (2017). Kommertsializatsiya innovatsionnogo potentsiala integrirovannoy korporativnoy struktury v raketno-kosmicheskoy otrasli [Commercialization of the innovative potential of an integrated corporate structure in the rocket and space industry]. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. 9(103): 24. [in Russian]

Shkred, 2020 – *Shkred V.N., Murzin A.D.* (2020). The Analysis of the Organizational and Financial Mechanism of State-Private Partnership in the Regions of the Russian Federation. *Sochi Journal of Economy*. 14(1): 92-98.

УДК 334.7: 629.7

Коммерциализация космической деятельности: ключевые тренды современности

Евгений Александрович Жабин ^{a, *}, Ирина Юрьевна Оржаховская ^b

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время все больше внимания привлекает к себе космическая отрасль. Китай, Европа, США и Россия являются государствами-трендами в борьбе за космос. Изучение тенденций деятельности коммерческих компаний таких как Space-X является толчком формирования новых магистралей в космической сфере, также изменение места главенствующих корпораций и появление новых игроков на рынке космических услуг. Основной целью данной работы выступает изучение коммерческих компаний, деятельность которых направлено на использование космоса, а также систематизация зарубежного опыта и формирование направлений привлечения инвестиций в космическую отрасль, анализ

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nemezid17@live.ru (Е.А. Жабин),
orgahovskaya2@yandex.ru (И.Ю. Оржаховская)

стран участников космической деятельности на основе полученных статистических данных. На данный момент Российская Федерация уступает Европе и США на рынке производства космической техники.

В качестве основных методов исследования были использованы: комплексный анализ статистических данных, объемов финансирования космических проектов, сравнительная оценка в рамках коммерческого и государственного использования космоса, а также результатов государственно-частного партнёрства в космической деятельности.

Результатом данного исследования (results) является формирование выводов о том, что компании, которые только выходят на рынок космической отрасли задают тренды развития коммерчески ориентированных технологий.

Авторы обращают внимание на большую значимость формирования инвестиционных стратегий и необходимость развития коммерческих компаний космической отрасли в связи с её большим экономическим потенциалом.

Выводы: значимость данной работы заключается в использовании данного исследования в разработки инвестиционной стратегии в рамках государственно-частного партнёрства в Российской Федерации на предприятиях ракетно-космической отрасли. Содержание данной статьи представляют интерес для студентов, научных сотрудников, государственным служащим заинтересованных в изучении вопроса коммерциализации российского космического пространства.

Ключевые слова: космический рынок, коммерческая компания, инвестиции, космос, финансирование, космическая деятельность.